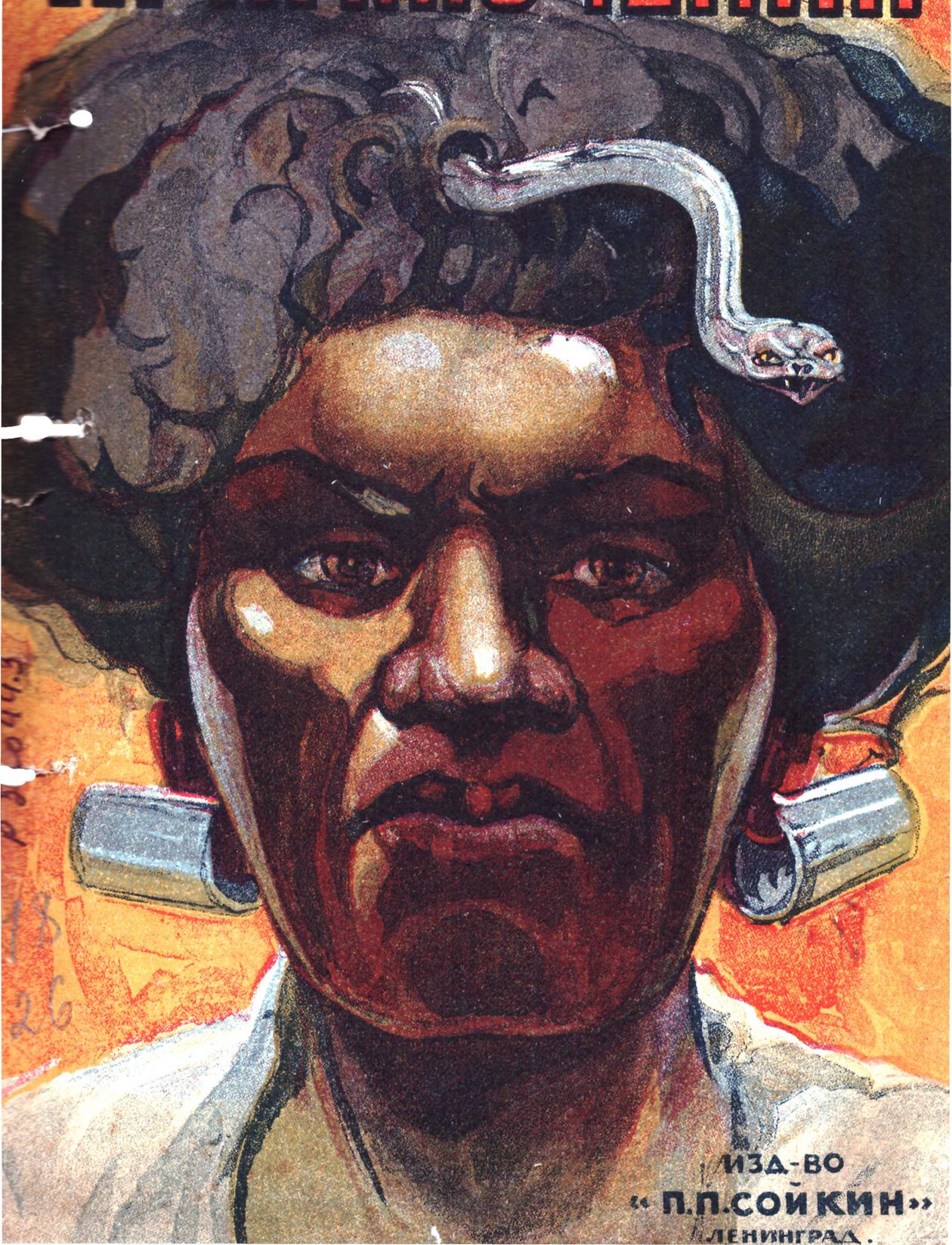

Р

№ 5-1928

ПРИКЛЮЧЕНИЙ

18
26

ИЗД-ВО
« П. П. СОЙКИН »
ЛЕНИНГРАД .

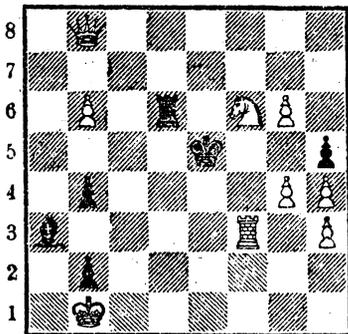

Под редакцией мастера *Арв. Ив. Куббеля.*

К О Н К У Р С № 5.

Задача № 9.

А. И. Куббеля (Ленинград)
Печатается впервые.

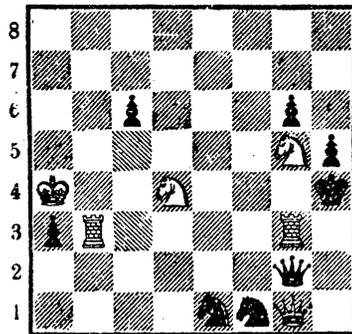

Кр. h1, Ф b3, Л f4, К f6, П b6, g4, g6, h3, h4.
Кр. e8, Л d6, С a3, П b4, b2, h5.

Мат в 3 хода.

Задача № 10.

В. М. Калины (Киев)
(„Sahovski Glasnik“ 1928).

Кр. a4, Ф g1, Л b3, g3, К d4, g5.
Кр. h4, Ф g2, К e1, f1, H a3, c6, g6, h5.

Мат в 2 хода.

За правильные и исчерпывающие решения обеих задач подписчикам журнала „Мир Приключений“ будет выдан приз (шахматная доска с комплектом фигур).

Решения следует направлять исключительно по адресу редактора отдела: Ленинград, Вас. Остр., 10 линия дом 39, кв. 63, Арвиду Ивановичу Куббелю. Последний срок отсылки решений 1 июля (по почтовому штемпелю). Право на участие в розыгрыше имеют только подписчики индивидуальной, каждый участник коллективной подписки и каждый член семьи подписавшегося, нужно лишь наклеить ярлык с баздероли или указать ее подписки.

РЕШЕНИЯ ЗАДАЧ НА КОНКУРСЕ № 3.

Задача № 5. В. Крейцмана. 1. Ф с8—e6. Ложный след 1. Ф с8:h3 опровергается ответом 1..... e3:f2.

Задача № 6. М. Грюнфельда. 1. Ф a5—d8. Эта интересная, построенная на цугванг, задача, к сожалению, допускает грубое побочное решение: 1. К d6:f7.

Правильные решения обеих задач и поб. реш. зад. № 6 прислал В. Задеренко (Харьков), В. Г. Трущицин (с. Чаплинка), В. Н. Ташевский (Евпатория) Д. Д. Попов (Верхнеудинск).

Правильные решения обеих задач прислали: В. В. Замбрийский, М. Г. Леонтьев, И. С. Орлов, И. И. Печисткин, А. П. Кириллов (все—Ленинград), С. И. Соколов, В. Г. Шустер, Г. Гайдаров, А. А. Дёбров (все—Москва), Б. Смирнов, Т. А. Соколенко (Одесса), Н. В. Цветков (с. Ярополец), Новорозник (Вобруиск), А. Н. Ступин (Саратов), И. К. Беспалов (ст. Ершов), Белоухов (Симферополь), К. А. Николаевский (Вогородок), А. И. Гегельский (Донбасс), А. Смехов (Ростов н/Д), В. Лагунин (Мелекесс), С. Л. Кричевцов (Глухов), С. А. Рабинович (Тульчин), Н. С. Ярунов (Архангельск).

Правильное решение задачи № 5 и поб. реш. зад. № 6 прислали: О. Ф. Фомин, Н. Сахаров, В. О. Гребенщиков (все—Москва), Б. Ф. Лядницкий (Херсон), В. Золотов (Касимов), В. Антонов (Брянск), В. Гавляцкий (Ростов н/Д), А. Велицкий (Новозыбков), Н. М. Войцехович (Владимир), И. Федоров (Минск), Г. К. Фельдман (Днепропетровск), Я. В. Полижук (Серпухов), Е. Г. Лемошнский (Ленинград), Я. Богданович (Кордечевский с/з), Местком Сомского Округеуправления, В. Толстоухов (Гудауты).

Остальные 9 участников конкурса прислали неверные решения.

Премии по жребию достались:

1) И. Рабинович, „Эндшпиль“—подписчику № 2906 В. Задеренко, Харьков, улица Октябрьской Революции № 54.

2) А. Алехин, „Избранные партии“—подписчику № 772 И. И. Печисткину, Ленинград, Знаменская ул. № 40, кв. 17.

3) Задачи и этюды, выпуск 1, 2 и 3—подписчику № 2063 Г. Гайдарову, Москва, Арбат № 57, кв. 24.

МИР ПРИКЛЮЧЕНИЙ

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛ ПОВЕСТЕЙ И РАССКАЗОВ

ВЫХОДИТ
ЕЖЕМЕСЯЧНО

ПОДПИСНАЯ
ЦЕНА НА ГОД 5 РУБ
С ДОСТ. И ПЕРЕС.

ГЛ. КОНТОРА И РЕДАКЦИЯ - ЛЕНИНГРАД, СТРЕМЯННАЯ 8
ИЗДАТЕЛЬСТВО «П. П. СОЙКИН»

СОДЕРЖАНИЕ

№ 5 — 1928 г.

	СТР.		СТР.
Б. Л. МОДЗАЛЕВСКИЙ — некролог Н. Измайлова, с портретом	2	«ГОЛОВОРЕЗ», — один из последних рассказов Бласко Ибаньеса, с иллюстр. и портретом .	57
«КРОВЬ ЗЕМЛИ», — фантастический рассказ С. Семенова, иллюстрации Н. Ушина . . .	5	«ПЕРВОБЫТНЫЕ ТАИНЫ», — очерк Б. Гримшоу с ил. . .	62
«ИЗ НЕВОЛИ», — новейший рассказ Д. Вандеркука, иллюстрации С. Лузанова	19	«БЕЛОЕ ЗОЛОТО», — рассказ Валентинова, иллюстрации И. Владимирова	67
«ЛОЖЬ ЛЮБВИ», — новейший рассказ Фанни Херст, иллюстрации К. Пэк	30	«СРОДНИЛСЯ», — из жизни ковбоев, рассказ К. Перкинса с иллюстрациями	70
Систематический Литературный Конкурс «Мира Приключений» 1928 г.		«ОТ ФАНТАЗИИ К НАУКЕ»:	
«НАСЛЕДСТВО», — рассказ - задача № 6, ил. С. Лузанова	36	«НОВАЯ ЭРА ВОЗДУХОПЛАВАНИЯ». — Гигантские воздушные корабли, — статья проф. Н. А. Рынина с иллюстрациями и картой	76
ОКОНЧАНИЕ КОНКУРСА № 3 — отчет и 2 варианта последней главы рассказа «Мои превращения»	43	«НЕ ПОДУМАВ, НЕ ОТВЕЧАЙ!» Задачи и решения их . . .	61 и 75
«ПО ПЛАНЕТАМ», — астрономическая юмореска Д. Панкова, иллюстр. Н. Кочергина . . .	49	ШАХМАТНЫЙ ОТДЕЛ	
		стр. 2 обложки.	
		ПОЧТОВЫЙ ЯЩИК стр. 3 обложки.	

Обложка в 5 красок работы художника С. Э. Лузанова.

Б. Л. МОДЗАЛЕВСКИЙ

За короткий срок Редакция „Мира Приключений“ и Издательство „П. П. Сойкин“ несут уже вторую тяжелую утрату. 5-го минувшего декабря скончался член Литературно-Научного Жюри Литературного Конкурса журнала „Мир Приключений“ 1927 года, маститый писатель, Председатель Ленинградского Союза Писателей Ф. К. Сологуб, а 3 апреля почил член Жюри, выдающийся научный и литературный работник, заслуженно пользовавшийся и горячими симпатиями всех знавших его, Борис Львович Модзалевский.

Памяти этого популярного среди любящих русскую литературу деятеля посвящены строки, написанные Н. В. Измайловым, одним из ближайших его сотрудников по Пушкинскому Дому Академии Наук.

3 апреля скончался Старший Ученый Хранитель Пушкинского Дома Академии Наук СССР, Член-Корреспондент Академии и один из крупнейших исследователей Пушкина—Борис Львович Модзалевский. Он умер на 54 году жизни (родился 20 апреля ст. ст. 1874 г.).

Жизнь его, небогатая внешними событиями, поражает необычайной внутренней полнотой и цельностью, глубокою преданностью своему делу, непрестанным, самоотверженным трудом на пользу науки, не знавшим ни отдыха, ни успокоения. Почти вся его деятельность, с момента окончания университета, была связана с Академиею Наук — ее издательством, ее архивом, особенно — ее Пушкинским Домом.

История новой русской литературы, культуры и общественности, в самом широком смысле этих понятий, особенно же — Пушкин и его эпоха — были предметом его изучений.

Его знания в области литературной истории, биографии и генеалогии всех — и великих и малых — деятелей русской культуры, в области

библиографии и текстологии были громадны и разнообразны; библиотека, собранная в течение свыше 30 лет, представляет образцовую научную лабораторию, где ученый литературовед может найти, работая над любой темой, все нужные ему источники и справочные пособия, строго подобранные, часто — в редчайших изданиях. Составленная им картотека — собрание библиографических справок о многих тысячах лиц, выписанных из многочисленных источников на несколько сот тысяч карточек — дает незаменимое и единственное в своем роде пособие при изучении всевозможных вопросов по истории литературы и общественности XIX века.

И Б. Л. не только сам работал в своей лаборатории, но и щедро давал рабо-

Б. Л. Модзалевский.

тать в ней другим. Редкий исследователь в Ленинграде не занимался в его библиотеке и картотеке, не пользовался его советами и указаниями, и сам Б. Л. тратил подчас многие часы своего и так слишком занятого времени, наводя справку по письму какого-нибудь Московского или провинциального исследователя, иногда молодого, едва начинающего ученого, которого он поддерживал и наставлял. Его личные труды выражаются цифрой в 650 отдельных книг, статей и изданий,—цифра огромная для 30 лет работы, особенно если вспомнить, что сюда входят такие капитальные труды, как издания „Дневника“ Пушкина и его „Писем“ (из последних вышло 2 тома—письма за 1815—1830 гг., а работой над третьим томом Б. Л. был занят последние месяцы жизни); то и другое—снабженное обширным комментарием, представляющим целую энциклопедию по биографии Пушкина и его личным, общественным и литературным отношениям, т. е. по всей его эпохе,—свыше 70 книг и статей по отдельным вопросам биографии, творчества и историографии Пушкина, ряд изданий, дающих материал для изучения не только творчества поэтов Пушкинской эпохи, но и Гоголя, Тургенева, Гончарова, Островского, Достоевского, Некрасова, Л. Толстого, Салтыкова-Щедрина, Чехова, Короленко; свыше 250 биографий различных деятелей прошлого, часто мелких, но важных в общем ходе развития русской культуры; ряд трудов о декабристах (в том числе ценнейшее био-библиографическое издание „Алфавита декабристов“), наконец, 37 выпусков органа Академической Комиссии по изданию сочинений Пушкина—„Пушкин и его современники“, с самого своего основания (1903) выходившего под редакцией и при ближайшем участии Б. Л. Членом Комиссии по изданию сочинений Пушкина Б. Л. состоял также со дня ее основания (1902), а в последние годы, после смерти Академика Н. А. Котляревского (12 мая 1925 г.), председательствовал в ней. Все это ставит имя Б. Л. Модзалевского в ряд имен крупнейших наших исследователей—Пушкинистов, каковы П. В. Анненков, П. И. Бартенева или Л. Н. Майков.

Но самым большим, любимым делом Б. Л., делом всей его жизни, было создание Пушкинского Дома Академии Наук. С самого зарождения идеи о нем в 1899 году Б. Л. не переставал работать над ее осуществлением. Его поездки в Пушкинские места Псковской губ. дали материал для позднейших пополнений коллекций Пушкинского Дома; при его участии была куплена, а позднее им же описана личная библиотека Пушкина—один из первых и ценнейших вкладов в собрания Дома; он же в 1908 году описал Онегинский Музей в Париже и вел переговоры об его приобретении; переезд Музея из Парижа в Пушкинский Дом отодвинулся, волею судьбы, на целые 20 лет, и прибытие его, почти совпавшее с кончиною Б. Л., доставило ему последнее научное удовлетворение. Позднее в работах по Пушкинскому Дому принял участие и Академик Н. А. Котляревский, ставший его первым директором; трудами этих-то двух ученых и было создано учреждение, ныне развернувшееся в большой научно-музейный институт и занявшее определенное место в ряду академических учреждений.

Первоначальная скромная задача Пушкинского Дома была скоро раздвинута, столько же усилиями этих двух его руководителей, сколько и естественным ходом жизни, навстречу которой они шли; из подобной библиотеки для изучения Пушкина Пушкинский Дом стал пантеоном всей новой русской литературы от Ломоносова до наших дней, учреждением вполне своеобразным, не имеющим себе подобного нигде в мире, глубоко продуманным в своей цельности и стройности. В нем сосредоточены теперь ценнейшие рукописи, ряд крупных литературных архивов, богатая историко-литературная библиотека, громадное собрание по иконографии русских писателей, множество мемориальных предметов. С первых лет его существования в него стекались и продолжают стекаться со всех сторон материалы всякого рода. И этим непрерывным ростом Пушкинский Дом обязан, прежде

всего, авторитету своих устроителей—Н. А. Котляревского и Б. Л. Модзалевского. Последний, до последних дней жизни, принимал самое горячее участие во всех делах и начинаниях Пушкинского Дома: разбирал, обследовал и обрабатывал его материалы, руководил всей внутренней работой, устраивал выставки, участвовал в развертывании музейных зал, редактировал все его издания, обучал молодых сотрудников и руководил их научной работой. Он был, когда нужно, начальником, когда нужно—работником, наравне со всеми самоотверженно носившим тяжелые пачки книг и рукописей, передвигавшим шкафы, навешивавшим портреты, и везде и всегда был другом и товарищем своих сотрудников.

Пушкинский Дом обязан ему появлением на свет—и Пушкинский Дом останется навсегда памятником его творческой деятельности.

Н. ИЗМАЙЛОВ.

Память Бориса Львовича Модзалевского Академия Наук Союза Советских Социалистических Республик почтила уже дважды после кончины его.

28 апреля в Пушкинском Доме Академии, под председательством академика С. Ф. Платонова, при громадном собрании ученых и литераторов, состоялось открытое заседание, посвященное Б. Л. После вступительного слова ак. С. Ф. Платонова неприменный секретарь Академии, ак. С. Ф. Ольденбург, произнес речь о Б. Л. Модзалевском как о человеке и работнике. Н. О. Лернер говорил о Б. Л. как комментаторе Пушкина. П. Е. Щеголев сделал характеристику научной деятельности Б. Л. Работам Б. Л. о декабристах была посвящена речь Ю. Г. Оксмана; in memoriam почившего горячо говорил П. Е. Рейнбот.

12 мая, под председательством ак. С. Ф. Платонова и снова при переполненном зале, вторично вспоминали в торжественном заседании академика Н. А. Котляревского и Б. Л. Модзалевского, как двух основателей Пушкинского Дома Академии Наук. Об их деятельности в Пушкинском Доме говорил М. Д. Беляев. Б. Л., как собирателя и исследователя литературных архивов, характеризовал Н. В. Измайлов; памяти обоих выдающихся работников была посвящена и речь И. А. Кубасова.

Фантастический
рассказ
С. А. СЕМЕНОВА

Иллюстрации

Н. А. УШИНА

I.

Инженер Игорин нетерпеливо и с тревогой глядел на часы. С каждым прыжком секундной стрелки его сердце билось чаще и сильнее, дыхание становилось глубже. Еще только один час — и он будет сидеть внутри металлического «Плутона». Только час — и мощная машина со скрежетом вопьется и поползет в недра земли. От этой мысли к его голове прилиwała кровь, глаза застилались туманом. Нервный, настораживающий трепет пробегал по телу, мучительно томил в ожидании заманчивого и пугающего момента.

Талантливый изобретатель, механик-самоучка Захаров, при энергичном содействии члена Геологического комитета профессора Тураева, создал подземную самодвижущуюся машину.

Уже месяц, как сооружение «Плутона» закончено. А сегодня, в семь часов вечера, он должен отправиться в путь.

Игорин совсем недавно окончил Институт и, в качестве ассистента профессора Тураева, должен был, вместе с ним и Захаровым, принять участие в подземной экспедиции. Как ни велико было его волнение, однако, все же оно не объяснялось целиком только необычайным характером путешествия. Здесь было и другое. Не только о постройке машины, но и о самой экспедиции знали очень немногие. Это была тайна Геологического комитета, на средства которого и строился «Плутон».

По своей конструкции подземная машина могла послужить ужаснейшим

военным средством в руках милитаристических государств. Боязнь именно такого применения изобретения Захарова и руководила мудрой осторожностью Геологического комитета.

Одна из задач подземной экспедиции носила разведочный характер. Геологический комитет поручил профессору Тураеву обследовать всю область залегания тяжелых металлов на территории Северного Урала. Но, помимо практических целей, на обязанности экспедиции лежали и более серьезные задачи. Предстояло окончательно разрешить глубочайший научный вопрос о внутренней структуре Земли. В последнее время этот вопрос стоял особенно остро. Несмотря на то, что старое учение о силовом огненно-жидкой массе внутри Земли было отвергнуто, однако и новая теория уже успела устареть. Взгляды защитников твердометаллического строения земного ядра далеко не пользовались общим признанием. Целый ряд тифонических и вулканических процессов не объяснялся новой теорией. Все эти процессы говорили о какой-то непрерывной и чрезвычайно сложной деятельности внутри нашей планеты.

У профессора Тураева на этот счет имелись собственные соображения. Но об них ученый молчал. Были ли они слишком парадоксальны или, быть может, недостаточно обоснованы — сказать трудно. Ясно было только одно: — геолог надеялся проверить их, принимая эту экспедицию. Он горячо и неустанно торопил постройку «Плутона».

Часовая стрелка подползала к половине седьмого. Игорин нервно оделся,

вышел из дома и сел в автомобиль. Через десять минут мотор остановился на большой ровной опушке, среди высокого соснового леса. У огромного досчатого гаража, с железными решетками, прильнув чудовищным телом к земле, лежал «Плутон». Около чего хлопотал механик Захаров. Профессор уже находился внутри.

Внешним видом «Плутон» походил на несколько удлиненное гигантское яйцо, в пять саженей продольного и в две сажени поперечного диаметров. Передняя часть его тела на полторы сажени покрывалась винтовым цилиндром, с глубоким двухфутовым нарезом. Кроме нареза, передние края цилиндра были снабжены острой зубчаткой. На ходу «Плутон» должен был врезаться в землю всем своим колоссальным корпусом, с помощью именно этого винтового цилиндра, приводимого во вращение изнутри двумя сверхсильными моторами.

Снаружи и под винтовым цилиндром корпус одевала сплошная огнеупорная броня. Под броней была еще толстая теплопроводная стенка. И только за нею находился металлический остов «Плутона». На «спине» и по «бокам» «Плутона» располагались по одному иллюминатору, с приспособленными к ним сильными рефлекторами. Один из боковых иллюминаторов заменял люк, через который можно было проникнуть в кабину, а затем и в машинное отделение. «Нос» же этого подземного корабля был вооружен подвижным резцом, в форме утолщенного к основанию зуба пилы. Резец одновременно служил и рулем.

Бронированный корпус машины был построен из исключительно твердого и неплавкого материала, рассчитанного на давление в миллион атмосфер. Обыкновенные твердые материалы, как придий, платина, хром, не выдержали бы страшной температуры и давления в глубинах Земли.

Резец-руль и винтовой цилиндр с зубчаткой состояли из «скормунда». Этот состав был получен в последнее время во Франции химическим путем. Твердость «скормунда» превосходила во много раз твердость алмаза. Тройные стекла иллюминаторов обладали

такими же стойкими и непроницаемыми свойствами.

Под землей «Плутон» мог развивать большую скорость. Оба мотора обладали мощностью в триста тысяч лошадиных сил. Честь изобретения этих моторов принадлежала исключительно механику Захарову. Горючим же веществом служил открытый профессором Тураевым металлоид «Вулкан», заключающий в себе бездну энергии.

Однако, несмотря на титаническую силу моторов, несмотря на несокрушимую крепость всего корпуса, уйти глубоко в землю «Плутон» все же не мог бы. Он с успехом буравил бы мягкий грунт, уплотняя за собой отбрасываемую винтом рыхлую почву. Но уплотнить раздробленные в порошок горные породы было невозможно. Объем размолотого гранита был бы, все-таки, больше объема целого гранита. «Плутон» неизбежно застрял бы там, как в тисках.

Гениальный механик победоносно вывел свое изобретение из этого затруднения. Во время движения «Плутон» не столько буравил землю, сколько «пожирал» ее, в буквальном смысле этого слова. Помимо резцаруля, в передней части машины находилось так называемое «жерло» или пасть «Плутона». Земли немного откидывалось нарезом винтового цилиндра назад. Главная масса попадала в раскаленное «жерло», моментально плавилась там и, пробегая в виде жидкого стекла по сети расположенных внутри стен труб, извергалась из задней части корпуса. Этот «физиологический» процесс протекал с большой быстротой. При этом значительный процент почвы перегорал совершенно. Благодаря большой плотности, стекловидная масса лишь на одну треть заливала вырытый туннель и остывала в форме ровного пола.

Температура раскаленного жерла зависела от степени напряжения моторов. Чем сильнее пускались двигатели, тем больше раскалялись стенки жерла. Они нагревались по трубкам горящими газами того же самого «Вулкана», который питал и моторы. На полном ходу моторов температура жерла достигала шести тысяч граду-

сов. При такой жаре почва уже не плавилась, а сразу превращалась в пары.

Машинное отделение «Плутона» помещалось впереди, т. е. под винтовым цилиндром, а каюта—позади. Каюта была снабжена всем необходимым для целей подземной экспедиции. Кроме разных измерительных приборов, инструментов, был взят даже запас пищи. Путешественники рассчитывали под землю пробыть долго. Аппараты, вырабатывающие кислород для дыхания, и поглотители углекислоты дополняли снаряжение каюты.

Когда инженер проник через люк в каюту, профессор Тураев стоял у бокового иллюминатора, с хронометром в руках. Его молодежавое, бритое лицо выражало полное удовлетворение. Веселые, свежые глаза обернулись и ласково стрельнули в инженера.

— А!.. Вы уже здесь! Хорошо! Потрудитесь занять свое место, — скомандовал он притворно строгим тоном.—Через пять минут моторы будут пущены в ход, и от «Плутона» на земле останется только один след.

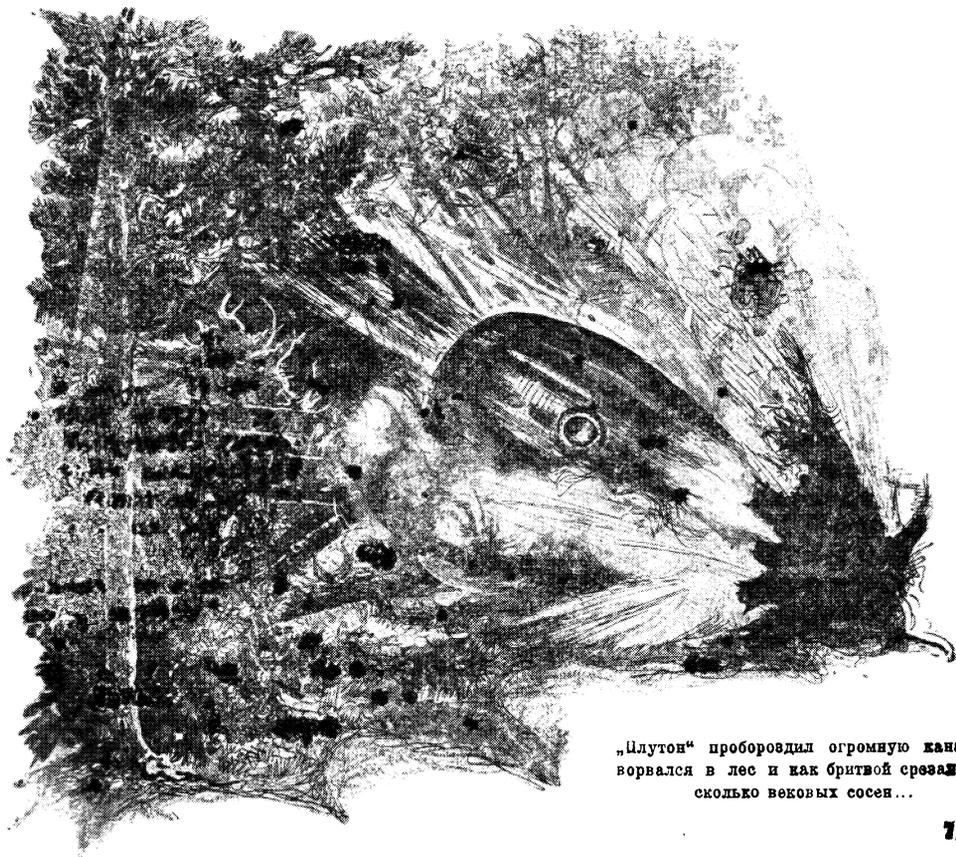
А через два-три часа юдоль земной поверхности от нас будет так же далека, как теперь звездное небо.

Профессор довольно погладил свой бритый подбородок и вскинул прищуренные глаза на иллюминатор в потолке. Сквозь толстые тройные стекла виделось облачное вечернее небо. Серый, пасмурный день быстро уходил.

В каюте появилась кряжистая фигура Захарова. Не останавливаясь, механик прошел в машинное отделение. Скоро оттуда донесся приглушенный шум разогреваемых моторов. Профессор поднял хронометр. И когда стрелка остановилась на семи, он дал механику знак, а сам взялся за штурвал.

Пущенные Захаровым моторы загудели. «Плутон» дрогнул и рванулся вперед. В боковых иллюминаторах поплыла зеленая поляна, замелькали стройные сиволы сосен. Потом все исчезло. В каюте воцарился мрак.

Если бы в этот момент снаружи были наблюдатели, они увидели бы необычайное зрелище. Оторвавшись от

«Плутон» проборовдил огромную канаву, ворвался в лес и как бритвой срезал несколько вековых сосен...

гаража, «Плутон» одним напором пробороздил через всю опущку огромную канаву. Разинув огненную пасть, ворвался в лес. Как бритвой срезал несколько вековых сосен и, кидая облака дыма, столбы земли, пропал из глаз.

II.

Не выпуская штурвала, профессор Тураев включил электрический свет и посмотрел на манометр, определяющий давление напластований.

— Вот как!.. Тысяча атмосфер! — удивленно воскликнул он. — Почвенный слой уже сопротивляется с силою в тысячу атмосфер. Это значит: мы пробежали два километра и закопались на двести метров вглубь.

— Павел Андреевич! Мы двигаемся к югу, — сказал Игорин, на обязанности которого лежало следить за компасом и рядом других приборов. — Значит «Плутон» удалится из области залегания тяжелых металлов? А ведь по заданию Геологического комитета...

— Тяжелые металлы могут подождать, а с ними и Геологический комитет, которому они так понадобились, — упрямо перервал профессор молодого инженера.

Вдруг каюта вздрогнула от страшного толчка. Захаров растянулся на полу. Но профессор не упал. Он крепко держался за штурвал. «Плутон» дрожа замедлил ход, словно его впереди ожидала непреодолимая преграда.

— Гранит! — крикнул учевый. — Мы попали в область сплошного гранита!..

Стенки «Плутона» были абсолютно непроницаемы для звуков. И, тем не менее, все трое слышали какое-то пронизывающее, жгучее пение. Это пронеслось по проложенным в стенках трубам расплавленный гранит. Все предметы в каюте вибрировали в себя это пение и, вибрируя на разные лады, отзывались. А что было снаружи?.. Надо было думать, что адское шипение внутри жерла, скрежет реза и неистовый топ винтового цилиндра разбегались и далеко плыли даже по массиву безбрежного гранита.

«Плутон» шел со скоростью только пятидесяти метров в минуту. Манометр показывал давление в четырнадцать тысяч атмосфер, а термометр — две

тысячи триста пятьдесят градусов жары в жерле по Фаренгейту. Но в каюту жара не проникала. С самого отъезда ртуть оставалась на двадцати по Реомюру.

С каждой минутой давление увеличивалось, а ход «Плутона» уменьшался.

— Должно быть плотность гранита возрастает, — заметил Захаров. — Не повысить ли скорость, Павел Андреевич? Что-то уж по-черепашьему мы ползем. «Плутон» скоро совсем застрянет. — Механику не терпелось. Изобретатель, во что бы то ни стало, хотел испытать сокрушительную мощь своих двигателей. В какие сферы углублялся «Плутон» и для чего? — такие вопросы мало волновали Захарова. Словно машинный дух, он был целиком поглощен работой своего создания.

— Да, пожалуй, это не будет лишним, — согласился после некоторого раздумья профессор Тураев. — В противном случае, нам сегодня не удастся проникнуть через гранитный слой, поближе к загадкам земного организма.

Лишь только Захаров взялся за регулятор, как «Плутон» внезапно остановился. Давление сразу упало до нуля. Температура тоже стала быстро понижаться.

Геолог с недоумением поглядел на манометр.

— Стоп!.. Остановить моторы!.. — приказал он. — Здесь что-то неладно. Надо сделать вылазку и посмотреть, куда мы попали.

Облачившись с головы до ног в жаронепроницаемые костюмы, снабженные резервуарами кислорода для дыхания, все трое вышли из «Плутона». Профессор Тураев засветил рефлектором вокруг. Обширный туннель, который просверлил «Плутон», был почти пуст. Стекловидной массы оказалось очень мало, да и та уже успела остыть.

— Да тут словно и не жарко — подумал Захаров и, обняв руками шлем ученого, громко прокричал:

— Ну и прожорлив наш «Плутон»! Неужели он все это проглотил?... Или гранитная порода такая?..

— Углероду много, углероду!... Перегорает все!.. — слабо отозвался гео-

лог и полез на «спину» «Плутона» к винтовому цилиндру. Затем поднял рефлектор и протянул вперед. Яркий, длинный луч утонул в какой-то темной, ужасающей пустоте. Впереди была беспредельная черная бездна. На целую треть тела «Плутон» висел над Сездной.

При взгляде на нее у геолога зашумело в висках. Съежившись, в немом страхе, он отполз обратно. Он понял, почему остановился «Плутон».

— Ну, как, Павел Андреевич?.. На что мы наткнулись? — крикнул Захаров снизу. Из-под шлема ученого прозвучал непонятный глухой звук. Механик и инженер подыались к нему.

При одиноком, теряющемся во мраке луче рефлектора, все трое безмолвно замерли над пропастью. Теперь всем было ясно, на что наткнулся «Плутон». Было также ясно, что «Плутон» не мог двинуться и назад. Винтовой цилиндр даже краешком не задевал гранита. Он целиком торчал в пустоте.

Профессор, однако, скоро овладел собою. Не говоря ни слова, он отправился в кабину и в несколько минут изготовил три ракеты. Обернул их в жаропроницаемую оболочку и возвратился.

— Посмотрим, как велико это пустое пространство? — подумал геолог, и, с сухим треском, первая ракета взвилась вверх. Длинной золотой иглой она проколола тьму, потом высоко-высоко запылала желто-зеленым огнем и распалась. Вторая ракета, описав траекторию, брызнула чуть заметными искрами вдали и потухла.

— Ага!... Наткнулась!... Теперь глянем вниз, — и третья ракета вырвалась вглубь. Но, не пролетев и ста метров, ракета вспыхнула морем бледно-фиолетового пламени. Путешественников с силой швырнуло далеко в туннель. Но пламя тут же погасло. Воспламенился и сгорел на дне какой-то тяжелый газ.

Первым очнулся Захаров. Профессор и Игорин еще лежали неподвижно. Механик осторожно подполз к «Плутону» и осветил рефлектором. Машина всем корпусом находилась

в туннеле. Ее сдвинуло давление газа. Игорин тоже встал на ноги и приблизился к профессору Тураеву. Геолог все еще лежал без чувств. Его бережно внесли в кабину, сняли жаропроницаемый костюм. Пока инженер приводил его в чувство, Захаров пустил моторы и дал «Плутону» задний ход.

— Куда?... Куда? Что вы с «Плутон» делаете? — вдруг очнулся ученый, впиваясь в приборы и мимом обзревая положение вещей. — Это совсем необязательно! — С этими словами геолог, как ни в чем не бывало, вскочил на ноги и схватился за штурвал. Через секунду «Плутон» врезался в западную стенку туннеля и засверлил вперед, под углом в шестьдесят градусов от прежнего пути.

— Павел Андреевич, — заговорил Игорин, — чем объяснить эту пустоту на такой большой глубине? Какого она происхождения?

Профессор не отвечал. Он внимательно следил за какой-то сложной, только ему одному понятной картограммой на стене.

— Конечно, естественного! — сказал Захаров. — Мало ли всяких пещер, гротов находили под землей. А эта — только размером больше.

— Гм! Естественного! — недовольно промычал инженер. — Это в сплошном граните, да еще при давлении в четырнадцать тысяч атмосфер?... Объяснение довольно-таки наивное и к тому же противоречит самым элементарным законам физики.

Механик обидчиво помолчал. Слова инженера незаслуженно укололи его.

— Другого объяснения я не вижу, — после небольшой паузы заговорил он. — Уж не считате ли вы, чего доброго, эту пустоту искусственной? — Костистое лицо Захарова готово было искривиться, как от невероятного парадокса, в улыбку. Но сильный толчок его опрокинул на диван. Иллюминаторов в кабину брызнул ослепляющей яркости свет, точно «Плутон» ворвался в недра самого Солнца. И едва все трое уцепились, кто за что попало, как «Плутон» снова прыгнул и завертелся волчком среди какой-то бешеной стихии. Не-

престанно содрагаясь от жесточайших ударов, каюта несколько раз обернулась вверх дном. Профессора отбросило от штурвала. Он кубарем прокатился по каюте, дотя руками. Попал под диван и там крепко застрял. Игорин и Захаров держались за один из приборов на стене. Они почти висли в воздухе.

Пять минут «Плутона» кидало, как пылинку в огненном, пенящемся водовороте. Потом подхватило и с непостижимой скоростью понесло куда-то к центру Земли.

Ослепленные исследователи все еще дрыгались, ожидал новых эквилибристических фокусов «Плутона». Но машина уже неслась по совершенно прямой линии, со скоростью трех тысяч километров в час.

— Мы погибли!... «Плутон» внутри расплавленной Земли!—едва выговорил Игорин, закрывая руками слезящиеся от нестерпимого света глаза.

Иллюминаторы вспыхивали всеми цветами радуги. Каюта пылала то желтым, то зеленым и синим огнем, то вдруг окрашивалась ярко багровым и резко переходила в фиолетовый, то загоралась и долго алела бледно-красным, то сменялась светом неопикуемой белизны.

Еще немного и гибель от смертоносных лучей была бы неизбежной. Но профессор вовремя предупредил опасность. В три прыжка он задвинул иллюминаторы красным стеклом и стал у штурвала.

— Мы попали в магматический поток, — сказал он, когда инженер и механик оправились. — Внутренность Земли наполнена не сплошной огненно-жидкой массой, а лишь пррезана непрерывными каналами, как наше тело артериями. Опасности беспомощно блуждать в океане атмосферы нет...

— Но, ведь, управлять «Плутоном» нельзя, Павел Андреевич! — возразил все еще бледный Игорин. — Мы можем вечно носиться по кровеносной системе Земли.

— При первом крутом повороте мы застрянем. А этого нам только и надо, — спокойно сказал геолог.

— А если канал широк, если все каналы таковы?.. Как же мы тогда

застрянем?—с ноткой отчаяния в голосе сказал инженер.

— Ну, тогда уж будем носиться!... Что-нибудь из двух!.. — профессор раздраженно пожал плечами.

— Как бактерия в человеческой крови! — беспечно добавил Захаров, не разделявший опасений своего коллеги. Спокойный вид геолога и таинственная картограмма на стене внушительно повлияли на него.

И ученый оказался прав. Скоро «Плутон» затрясся, как смертельно раненый зверь, и стал от ужасного удара. Затем, собравшись с силами, приналег и медленно пополз в твердый грунт. Будь раскаленная магма менее плотной и упругой, его двойная оболочка и броня не могли бы устоять. «Плутон» лопнул бы, как тыква, срозмаха брошенная на камень. От сотрясения в каюте много предметов сорвалось с винтов. Половина измерительных приборов была разбита. Но пассажиры каким-то чудом уцелели.

Профессор бледный, потрясенный ударом тела о стену, с трудом поднялся на ноги и снова занял место у штурвала.

— Сейчас мы находимся на глубине около десяти тысяч метров под землей, — медленно, но твердо проговорил он, — на глубине, где сеть магматических потоков имеет наименьшую частоту. По моему расчету, здесь каналы раскинуты не менее, как через каждые двести-двести пятьдесят километров. На сегодня возможность такого нового сюрприза исключена.

— А в следующий раз мы вновь натолкнемся на такую возможность?— с горечью в голосе сказал Игорин.

— За следующий раз вы можете быть спокойны, — невозмутимо ответил ученый. Если мы запасемся специальными приборами, предупреждающими о близости магмы, то это даст нам возможность, лавируя среди каналов, опуститься на любую глубину... А что такое?! — и профессор изумленно поглядел на иллюминаторы. Они попрежнему пламенели красным светом.

— Это магма за нами гонится по пятам!—догадался Захаров. — Она преследует нас!..

— Теперь нам от нее не уйти, — с тревогой на лице сказала Игорин. — Куда бы «Плутон» ни проникал, она всюду будет двигаться за нами. Единственный выход — выбраться на поверхность Земли.

— И наградить ни в чем неповинных жителей вулканом!... — Голос ученого резко повысился. — Прекрасный совет!... Ценой людских бедствий освободиться от временных неудобств!

— Но это рано или поздно должно произойти!.. Это неизбежно! — заводновался инженер. — Никаких исследований мы производить не можем. Так или иначе, а возвращаться на земную поверхность мы же будем. И потом, мы, ведь, можем выбрать пустынную местность, где вулкан никому бреда не причинит...

— А каким образом мы отыщем эту пустынную местность?... Разве вы позабыли?... — геолог указал рукою на осколки разбитых приборов.

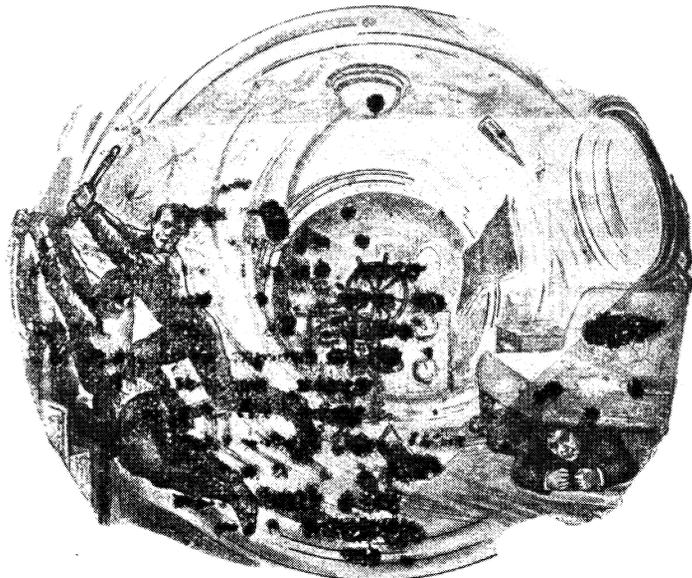
— Что же нам тогда делать? — Игорин безнадежно поник головой.

— Осмотрительно продолжать путь. Еще не все потеряно. Магма может найти выход в какой-нибудь пустоте и мы преспокойно выберемся наверх.

— Смотрите! — крикнул Захаров. — «Плутон» уходит от магмы...

И действительно. Ярко-красное предохранительное стекло иллюминаторов стало быстро темнеть. И скоро оно совсем превратилось в черное. Снаружи зиял мрак.

— Вот видите!... Тревоги ваши оказались напрасными, — весело улыбнулся геолог. — Сила напора из центра, очевидно, ослабла и магма осталась позади. Теперь «Плутону» останется только пробуровать как можно более длинный извилистый путь, на случай новой погони магмы. Это совсем не лишняя предосторожность!.. Температура гранитного туннеля не так уж высока... Прежде, чем выйти на поверхность, магма в нем успеет остыть и отвердеть. — В заключение

Профессор прокатился по каюте, попал под диван и там крепко застрял. Игорин и Захаров почти висели в воздухе.

своих бодрящих слов ученый уверенно поднял голову и крепко зажал руками штурвал.

III.

Прошло часа полтора. Неторопливо дробя и глотая гранит, «Плутон» медленно полз под землей. Весь пройденный им путь представлял сплошной, запутанный лабиринт.

— И все-таки, профессор, ваше сравнение земного шара с живым организмом мне кажется мало убедительным, — говорил инженер. — Я еще до сих пор не могу отказать от мысли считать нашу старушку Землю мертвым, остывающим телом.

— Считать вы можете, как вам заблагорассудится! — горячился ученый, не переносивший равнодушно ничьих возражений.

Считают же малайцы, что Земля воткнута на рога огромного быка. Это только указывает на консервативный характер вашего мышления. Для того, чтобы опровергнуть мою аналогию, нужна критика основных положений, а не просто отрицание, ничем не мотивированное. Моя идея покоится на целом ряде неопровержимых доказательств.

В чем же общее между Землей и организмом?... Прежде всего — во внутренней жизни. Вулканы, гейзеры, нефтяные фонтаны, множество других

источников говорят нам, что внутри Земли происходят непрерывные процессы, говорят, что Земля живет. Кристаллизация, образование новых пород, бездна всяких химических процессов — что все это такое? Все это — работа наших органов, наших желез. А картина вечных движений и изменений на поверхности?.. Какое же это мертвое тело?.. Я не говорю уже о магме, о земной крови, которая омывает и питает нашу планету. Здесь — аналогия полная. Кроме того, как и организм, Земля имеет и свою среду. На нее постоянно воздействуют Солнце, звезды, соседние планеты. И, конечно, Земля не остается в долгу. Всякое движение, всякая жизнь основана на взаимодействии.

В это время пение в трубах прекратилось. «Плутон» начал резко вздрагивать. Словно нарез и зубчатка цилиндра срывались, соскальзывали с неустойчивой металлической массы. Продвижение вперед стало еле заметным.

Это заставило профессора успокоиться. Он стал прислушиваться.

— «Плутону» что-то попало не по зубам, — тихо сказал Захаров, тоже прислушиваясь.

— Странно! — пожал плечами геолог. — Что здесь такое может быть?.. До сплошного металла еще, кажется, очень далеко!... Да и движемся мы вовсе не туда, не к центру Земли..

— Как тут не сбиться? — с досадой сказал Захаров, поддаваясь минутной растерянности ученого. — Роемся в земле, как слепые кроты!

Профессор Тураев молча отошел от штурвала к иллюминатору и кинул из рефлектора яркий электрический луч.

Перед глазами медленно плыла какая-то черная, изрытая винтом «Плутона» стена.

— Это не металл, — подумал профессор Тураев, — и не минерал.. Так что же это такое?... Разве — порода, еще неизвестная науке?..

Стена, неожиданно, оборвалась. «Плутон» прыгнул в пустоту, залитую белым светом.

— Магма!... Магма опять! — закричал механик и остановил работу моторов. «Плутон» встал, как вкопан-

ный. Из всех трех иллюминаторов в каюту струился сильный и, в то же время, холодный, мертвый свет.

— Нет, не магма, — протянул геолог, глядя через иллюминатор. — А что именно? — Ни разглядеть, ни понять не могу... Может вы лучше видите?..

Захаров и Игорин, с вытянутыми лицами, изумленно глядели в другой иллюминатор. Картина превосходила всякое воображение. Они точно онемели.

Не дождавшись ответа, профессор Тураев вышел из каюты. Осторожно открыл люк и вылез из «Плутона». За ним машинально последовали инженер и механик. Едва геолог обвел глазами вокруг, как тут же присел, придавленный невиданным зрелищем. Его остолбеневшие, растерянные спутники тоже отказывались верить глазам. Головы их не вмещали понимания окружающего.

Все трое стояли посредине фантастического овального зала необозримой величины. Несмотря на ровный свет многих тысяч огней, усыпавших обширный свод, всего нельзя было охватить и разглядеть. На всем протяжении стен из красного полированного металла тянулась непрерывная цепь пузатых веретенообразных колонн. Весь овал зала охватывался ими, как кольцом. Но колонны не подпирали высокого свода, а бесшумно вращались на оси. Они, как будто, равномерно и чинно плыли в неведомом танце. В промежутках между колоннами тоже бесшумно, но с неуловимой быстротой, вращались неясные металлические тела золотистого блеска. Своим стремительным движением они как бы пытались разогнать неторопливый, торжественный ход гигантов. Кроме того в зале вращалось и двигалось в различных направлениях множество дисков, цилиндров, конусов, осей, расположенных в строгой симметрии. Посредине зала, из одного края в другой, шел длинный ряд каких-то загадочных механизмов. Каждый механизм был заключен в прозрачный колпак.

Пол зала казался застывшим озером. Под его стеклящей, прозрачной

поверхностью иногда вспыхивали и потухали разноцветные огоньки. Поблескивая, появлялись непонятные тела и снова исчезали. Был ли там второй этаж такого же мира механизмов или что иное — неизвестно.

В зале, однако, ни яркий свет, ни сложные, сверкающие движения не оживляли, не одухотворяли всего зрелища в целом. Ни малейшего звука, или хотя бы шороха не рождалось нигде. Было одно немое, вечное движение. Именно поэтому предметы казались только призраками безжизненного мира. Будто давным-давно некий волшебник толкнул эти совершенные механизмы и потом забыл их навсегда.

— Какое чудесное царство машин!.. шептал восхищенный инженер. — И кто мог построить его?.. Какие великие существа!.. Неужели жили такие люди под землей?..

— Очевидно жили. Не боги же создали его, — грубовато буркнул Захаров, глазами буквально пожирая машины.

— Но каким образом машины все еще работают? — продолжал инженер. — Какая сила, пережившая строителей, движет их?.. Вот что удивительно!..

— Ничего удивительного нет, — сказал профессор. — Мы с этой силой уже достаточно познакомились. Вся внутренность земли целиком — неиссякаемый источник энергии. Это — Perpetuum mobile безграничной мощности.

— Значит, здесь использованы постоянно движущиеся потоки магмы? — догадался инженер.

— Именно!.. Постоянно циркулирующая кровь земли.

— Смотрите!.. Зал, кажется, имеет выход.. — Захаров указал рукой на темнеющий вдали стрельчатый проход. Озираясь и лавируя среди машин, все трое двинулись туда. Проход оказался началом длинной галереи. По обеим сторонам галереи были сделаны в стенах большие круглые окна из желтого стекла. Окна открывали вид на поразительные панорамы.

Через первые пять окон, с одной и другой стороны, была видна внутренность двух величайших шаровид-

ных камер. Из мощных трубных жерл, через стены, внутрь камер врывались, под стихийным напором, потоки раскаленной магмы. Описав дуги в пространстве, потоки сливались посредине камер в один сплошной водопад и всей массой обрушивались на исполтинские вращающиеся турбины. Последние походили на вазы более пятидесяти метров диаметром. Потоки лились непрерывными струями и пенились внутри ваз. Сверкали брызгами огромных лопающихся пузырей и исчезали в турбинах, как в ненасытной пасти чудовищ.

— Грандиозное зрелище!.. Вот где закована огненная кровь земли!.. — воскликнул инженер, не отрывая глаз. — Вот она — побежденная сила!..

— Взгляните на стекла окон, — заметил Захаров, не упускавший ни одной детали. — Они не пропускают ядовитых лучей магмы. Особенный состав... химический... Вот чего не хватает нашему «Плутоноу». — В голосе механика зазвучали завистливые нотки. Было видно по лицу, что он не задумался бы эти стекла переставить в свою машину, если бы такая операция не являлась столь затруднительной.

Все следующие окна галереи выходили на широчайший подземный канал с целой рекой магмы. Бурлящие волны бешено бились о раскаленные стены канала. Облака паров то клубясь, то растилаясь сплошным туманом, неудержимо неслись по следам волн.

— Оох!.. Даже дыхание захватывает, — Игорин со вздохом взял за грудь. Отошел на середину галереи. — Трудно поверить, что мы с «Плутоном» мчались по такой же адской реке. Это что-то невообразимое!..

Наконец галерея кончилась. Шедший впереди Захаров остановился.

— Стена!.. Дальше идти некуда! — крикнул он.

— Этого не может быть! — профессор подошел вплотную к стене. — Впереди должен находиться хотя и покинутый, но все же какой-нибудь мир. Для чего тогда эти машины, эта удивительная техника?.. А!.. Вот!.. Так и есть... рычаг!.. — И, не долго думая, профессор навалился на него

всем телом. Стена чуть дрогнула и бесшумно скользнула вверх.

В тот же миг всех троих с непреодолимой силой рвануло вперед. Инженер и механик инстинктивно ухватились друг за друга. Однако устоять не могли. Подхваченные вихрем их сцепившиеся тела исчезли впереди. Геолог не выпустил рычага и удержался. Но только на две-три секунды. Воздушный поток оторвал его от рычага, высоко поднял вверх и кинул куда-то в пустоту. Свистящий, холодный мрак захлестнул сознание.

IV.

Геолог поднимал то одну, то другую руку, шевелил ногами, поворачивался на своем ложе, испытывая при этом в теле приятное ощущение. Видел вокруг себя комнату. Но встать, осмотреться, не мог и не хотел. Сноп золотых лучей, падавших на тело от блестящего диска над головой, обесиливал всякое желание. Мозг был парализован. Только какал-то его маленькая частичка еще жила, имела власть и протестовала. Этим крохотным кусочком мозга ученый и силился оживить остальные мертвые части. Но напрасно. Ни память о прошлом, ни сознание окружающего не возвращались, словно к шее был приставлен мертвый череп.

— Что такое?.. Что с головой?.. Что?.. — жалким червячком копошился живой кусочек мозга и недоумевал. Чтобы убедиться, профессор поднял руку и скользнул ею по голове. Тупая, ломящая боль рванула тело. Голова была разбита. Все темя пересекал глубокий пролом.

— Ая-яй!.. Ай!.. — закричал геолог и, как обожженный, вскочил на ноги. — Где же это меня так..?

От потрясающей боли пробудилась мысль. Все мозговые клетки зашевелились. Качаясь, профессор обошел комнату. Боль постепенно утихала. Комната оказалась почти пустой. Но стены и потолок поражали сказочной роскошью. Причудливая металлическая мозаика, разноцветная эмаль, лацислазуль, были собраны в живописные узоры орнаментов. Из узоров, как живые, вылезали и глядели, не мигая,

барельефы человеческих и звериных голов.

— Так-так!.. Они самые!.. Сомнений нет!.. — шептал с затаенной радостью ученый, внимательно и долго рассматривая три звериных головы из темно-зеленого минерала.

— Они!.. Они!.. — повторял он, шаря по карманам. — Они!.. Царственные звери!.. Немые свидетели межледниковых культур. — Фигуры походили на головы тигров с длинными моржовыми клыками. Профессор достал из кармана записную книжку, отыскал рисунок такой же головы и стал сравнивать. — Никаких различий!.. Никаких!.. Он самый!.. Махайрод!.. книжалозубый тигр межледникового периода!.. Махайрод — потрошитель слонов!.. Grimаса радости скривила лицо. — А где гиперборей? — шепнул он и оглянулся. — Где же люди межледникового периода?.. А-й!.. — схватился за голову и грохнулся об пол. Струйка алой крови потекла из головы по искристой мозаике пола.

Еще в бытность студентом, Тураев создал любопытную гипотезу о погибшей под снегами последнего ледникового периода культуре Гипербореев. Гипотеза была так неожиданна и мало правдоподобна, что не только профессора, но даже и студенты сочли ее шуткой. Идея о существовании в такие отдаленные времена на севере Европы высокой цивилизации — и не могла не показаться только смехотворной выдумкой. С точки зрения геологии такая гипотеза еще была терпима. Но археологи об этой и слышать не хотели. Теплый климат, богатые ископаемые, близость моря — аргументы геологов — их абсолютно ни в чем не убеждали. Однако Тураев не сдавался. Мало того. Он шел еще дальше. На основании какой-то сомнительной находки, он вздумал утверждать, что гиперборейская культура не исчезла, что эта культура, может быть, существует и до сих пор.

— Никакой культуры в такой период быть не могло! — веско и безапелляционно отвечали ему.

Тураев искал утешения в своей «находке». Он верил в нее своим

Все трое стояли посредине фантастического овального зала необозримой величины, переполненного изумительно двигавшимися колоннами в загадочных механизмах.

необыкновенным чутьем. Этой находкой был не больше, не меньше, как кусок остывшей вулканической лавы. Сама по себе лава не представляла интереса. Но что находилось внутри — являлось незаурядной загадкой. Внутри был вплавлен осколок какого-то металлического предмета, напоминавшего голову махайрода. Лаву Тураев нашел в Исландии, в одну из своих учебных экскурсий. По всем признакам, лава была выброшена вулканом недавно. Но как предмет застрял в ней? — понять было почти невозможно. Единственным объяснением оставалась мысль, что предмет тоже выкинут

из вулкана. Так и решил Тураев. А отсюда и вытекли все его головокружительные выводы о культуре гипербореев. — Раз предмет не расплавился в магме, — рассуждал он, — значит, он — продукт высокой металлургической техники. Если на нем изображен махайрод — должен принадлежать к культуре, древность которой простирается к межледниковому периоду. — Попасть в вулкан предмет ни в каком случае не мог, — продолжал допытываться Тураев, — следовательно, эта культура находится или находилась внутри земли. Вопрос: каким же образом предмет выкинуло в Исландию, раз он принадлежал культуре гипербореев? — Тураев решил просто: — Загадки в этом никакой нет. Потоки магмы могли его выкинуть где угодно, хоть на Огненной Земле.

Вот какими извилистыми путями Тураев пришел к своей гипотезе. Но это была хотя и гадательная, однако все же научная основа его идеи о гиперборейцах. Неотступно преследуемый мыслью об исчезнувшей культуре, он часто наедине, с помощью фантазии, дорисовывал то, перед чем бесстрашна была наука. Как у наркомана, в его пылком воображении проходили красочные картины далекого прошлого. Сплетаясь в стройную канву ярких видений, перед ним оживала вся история таинственного народа.

Первая и самая отчетливая картина его фантазии это — море непрерывно падающего снега. То ровно снижаясь тяжелыми хлопьями, то бешено крутясь мерзлым, сухим вихрем, снег падает застывая необозримое пространство, подобное полярной пустыне. Только кое-где, прорезав снежный саван, торчат золотые шпили, верхушки обелисков и башен. Местами, точно под стеклянными куполами, еще вспыхивают и гаснут огоньки. Как затерянные среди полярного океана маяки, они то тускло озаряют, то снова кидают в полумрак густую снежную мглу. Там, где-то в глубине, кто-то отстаивает жизнь от объятий мертвящего снегопада. Ни солнца, ни неба нет над этой жуткой равниной. Они закрыты снежными тучами на многие столетия.

Но вот под снегом исчезает все. Воображение Тураева переносится вглубь, под снега. В просторных роскошных амфиладах, при слабо догорающих под сводами огнях, он видит тысячи трупов. Белые окоченевшие тела, в легких голубых и спренивых одеяниях, лежат неподвижно, прильнув друг к другу. Все они искрятся тонким слоем инея, как засахаренные мумии.

Но не одних мертвых Тураев видит внутри оледенелого города. Он видит и живых. Одетые в меха, вооруженные инструментами, они неумоимо суетятся около машин. Нагревают замерзающие залы, выкачивают воду, ломают и разбирают на материал стены, крыши зданий и увозят на машинах куда-то в глубь земли. Люди появляются, действуют и исчезают с точностью не живых существ, а каких-то железных механизмов. Лица их никогда не улыбаются. На суровых, сосредоточенных масках лежит печать неукротимой энергии и упорства. Это не люди, а какие-то титаны, волю которых не могут сломить слепые силы природы.

Проходят годы, десятилетия, века. На людях уже нет мехов. Они уже среди гигантских кранов, чудовищных машин, с лягом и грохотом врезающихся все глубже и глубже к самому сердцу Земли. И теперь, среди неустанного стального скрежета, их лица кажутся Тураеву все теми же масками. Закованные в металл, люди мелькают в огненных шахтах, как призраки, обуздывая раскаленные потоки магмы.

Текут многие тысячелетия. Внутренние силы побеждены. Мертвые блики угрюмых машин уже не окружают людей. Они запрятаны в укромных уголках и, как вечные рабы, не показываясь, служат своим творцам.

И теперь люди изменяются. Упорный труд уступает место непрерывному празднеству. Везде царит расточительная роскошь, всюду только наслаждаются.

— А что же дальше?.. Вырождение и гибель?.. — возвращаясь к действи-

тельности, спрашивал себя Тураев. И на этом заманчивалась его фантазия.

Втечение пяти лет он не расставался со своей гипотезой. Все искал подтверждений. Под конец выбился из сил. Но через десять лет интерес к культуре гипербореев у него возник опять. На этот раз геолог погрузился в древнегреческую мифологию. Известное предание жрецов Дельфийского храма о «ипервореях» разбудило в его сердце новые надежды. Древнейший греческий миф о существовании сказочного народа в той северной стране, «откуда дует холодный Борей», не случайно совпадал с его гипотезой. В этом Тураев был убежден. А главное: он знал, что наука последних лет перестала смотреть на мифы, только как на поэтический вымысел. В них всегда можно было найти много отраженной истинной жизни.

— Откуда у греков могло возникнуть это сказание? — думал он. — Откуда все эти намеки, что даже их древнейший и любимейший бог Аполлон пришел к ним из Гиперборий.

— Почему, — с досадой задавал он себе вопрос, — рассказу Платона об Атлантиде можно больше верить, чем повествованиям дельфийских жрецов? Кто знает, быть может сами греки происходят от гипербореев?.. Разве это невозможно?.. Разве не могла какая-нибудь группа во время катастрофы переселиться на юг, деградировать, а потом снова возродиться? Ведь не только расовые признаки древних греков отмечают в них северных пришельцев, но и вся их необычайная культура так своеобразна, так непохожа на культуру окружающего восточного мира. А что теперешний грек скорее похож на турка, чем на своего классического предка, только подтверждает мою мысль, — с увлечением подкреплял свою гипотезу Тураев все новыми и новыми аргументами. — В южных географических условиях, среди чуждого «варварского» мира, чудесный осколок богатого северного народа долго устоять не мог. Культура быстро отцвела, как и возродилась. Чистая раса смешалась с арабскими и тюркскими племенами и выродилась.

Ученый— снова пришел в себя. Лежал он не на полу, а на ложе. Золотой сноп делительных лучей над его телом исчез. Сиял только широкий диск. Комната была та же. У самых ног стоял человек. Голый череп, бледное, безволосое и изрезанное морщинами лицо; длинный желтый хитон на высоком, худом теле украшал его внешность. От больших голубых глаз, глядевших холодным и пытливо-вдумчивым взором, профессору Тураеву почему-то стало грустно и тяжело. Ни страха, ни изумления он не испытывал. Здесь было нечто другое. Им овладело чувство, какое охватывает ребенка перед неласковым «чужим». Слишком безучастно, непростительно бездушно смотрело на него это странное человеческое существо.

Если бы человек заговорил — профессору Тураеву стало бы легче. Пусть он заговорит хотя на своем, на непонятном языке. Но человек молча стоял и глядел. В синих, пустых глазах не было и признака любопытства. Длинные, чуть опущенные седые ресницы, казалось, струили на ученого негреющие серебряные лучи.

На его лице лежал отпечаток какой-то безмерной усталости. Словно этот человек слишком долго жил, все перечувствовал и хотел умереть.

Откуда-то, из глубины, профессор Тураев почувствовал, что перед ним исключительное существо. Простым гипербореем оно быть не могло. Гиперборей, по его еще ранним соображениям, если и жили до сих пор, то только медленно регрессирующей жизнью. Достигнув известного предела в своем развитии, они должны были, по законам культурно-исторической эволюции, начать процесс постепенного падения. Скорее интуитивно, чем сознательно, ученый догадывался, что у его ложа стоит, может быть, последний представитель какой-то верховной касты. Может быть, только одян он и знает тайну управления машинами, созданными еще в эпоху великих строителей.

Не в силах переносить дальше неподвижный взгляд гиперборей, геолог нервно шевельнулся на постели. За-

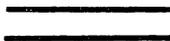
тем приподнялся и сел с неудержимым желанием заговорить. В тот же миг старик вышел из задумчивости. Глаза засветились сильным волнением. И он поспешно вышел из комнаты. Вместо него в комнату неслышно проскользнули трое гибких, как юноши, людей. Вся одежда их состояла из короткого, от пояса до колен, зеленого трико. В руках они несли нечто в роде ручного катафалка или паланкина.

Профессор Тураев вопросительно поглядел на катафалк. перевел глаза на людей... Но ему даже и одуматься не дали. ловкими движениями подхватили и уложили на носилки. Вынесли из комнаты. Почти бегом пронесли по широкому корридору, со свечами по толком и вьющимися растениями по стенам. В зале, проколотом от пола до потолка толстой трубой, остановились. Здесь ученого, вместе с носилками, конвоиры поместили в цилиндрический вагон и стали стремительно падать по трубе вниз. Через минуту падение прекратилось. Профессора Тураева перегрузили в вагон трубы горизонтальной, и снова понеслись. Однако на этом путешествие геолога не кончилось. Скоро оказалась новая пересадка. Теперь его положили на открытый

экипаж-площадку и заскользили в обширном туннеле со скоростью сквозного ветра. Профессор Тураев покорно и терпеливо лежал. Три конвоира стояли неподвижными изваяниями.

Но вот, впереди, сквозь жерло туннеля заблестали яркие переливы огней какого-то гигантского зала. Геолог растерянно заморгал и, от внезапного шума в разбитой голове, снова потерял сознание.

Окончание в 6-й, июньской книжке „Мира Приключений“.

Новейший рассказ ДЖОНА ВАНДЕРКУКА Иллюстрации С. ЛУЗАНОВА

1.

За рекой луна на ущербе поднималась над стеной джунглей, и по черной воде к нам тянулась дорожка бледного света. Где-то далеко лаял пятнистый ягуар.

Лебрен, сидевший со мной на террасе, встал со стула и скрылся в темной комнате позади. Он вернулся минуту спустя с копящим фонарем и повесил его на перекладине. Француз сел и провел рукой по жидким белым волосам:

— Привычка, мосье, — пояснил он. — Привычка и страх. Самые близкие родственники. Немножко такого света гонит ночь вон... Я старик и ночью боюсь... всего этого. — Он протянул руку, заглядывая в этом жесте горы, дремлющие тени джунглей и смесь заглушенных звуков, доносящихся отсюда. — Фонарь держит все это в отдалении. Воспоминания не надвигаются так быстро...

Он вдруг замолчал и повернулся ко мне. Его лицо было так подвято, что лучи фонаря падали на него.

— Как вы думаете, мосье, — сказал он, — сколько мне лет? За семьдесят?

Я покачал головой — в нерешительности.

— Но это бы вас не удивило? Конечно, нет. Мои волосы совсем белые. Моя кожа, — он протянул руку, — как кожа мумии. Все мои кости выступают. А на той неделе я праздновал всего свой пятьдесят первый день рождения.

Лебрен наклонился ко мне:

— Вы знаете, что я гнил шесть лет в тюрьмах Кайенны? Я украд, и поэтому Франция с великодушной логикой украдла мою кровь, мою силу, здоровье, душу, все, кроме моей драгоценной жизни. — В тоне его зазвучала угрожающая, мучительная

ирония. — Это было гибелью. Я собрал все свое мужество, чтобы бежать. Четверо истощенных, подуразбитых людей и я рискнули пуститься в джунгли без провизии, без всяких инструментов, без карт. Я перешел своих друзей...

Лебрен вдруг замолчал, и нас охватила тяжелый, сырой, экваториальный мрак.

Мне уже раньше приходило в голову то, что рассказал сейчас Лебрен. Нет такого путешественника в голландской Гвиане, — или Суринаме, как называют ее местные жители, — до которого не дошло бы хотя несколько слов про одиноких французов, поселившихся там. Тупой голландский плантатор указывает вам на них, конечно, очень таинственно, когда они проходят под горячим солнцем по улицам Парамарибо.

— Он бежал через джунгли, мингер. Это удивительно! Восемь месяцев яти сто миль! Но их нельзя расспрашивать.

В знаменитые исправительные колонии Кайенны, примыкающие к голландской Гвиане, Франция ссылает своих преступников, изменников и врагов. Иногда какой-нибудь преступник бежит отсюда. Он выживает редко, очень редко. Лебрен был один из выживших.

Француз не заметил, как потухла его трубка. Он сгорбился на своем стуле и вытянул вперед голову, точно всматривался во что-то прошедшее и дорогое. После первой вспышки выражение его тонких губ стало мягче. К нам доносился тихий лепет ветерка в манговых деревьях, стоявших как ширма между большим домом и выбеленным бенгалом Лебрена.

— Мосье, вы без сомнения заинтересованы, — нарушил молчание Лебрен. — Мне думается, что в такую ночь, как эта, и вместе с вами, чужим человеком, я снова могу встретиться со старыми друзьями.

2.

Он сделал паузу, откашлялся и начал:

— То, что было у меня позади, не имеет значения. Бедность, дешевая мудрость, потом преступление, осуждение и триумф корабля. Короткая и обыденная история. Но это не тема моего рассказа. Я начну с одного послеобеденного часа, часа жестокого зноя в городе Сен-Лоране, ровно в ста милях отсюда, за пограничной рекой, разделяющей французскую и голландскую Гвиану. Я был бос, как и все каторжники этого сжигающего зноем города, и со сторбленной спиной и с красными воспаленными глазами чистил улицы. Я был не тот человек, что теперь, мосье. Вы не узнали бы меня. Теперь мои дела идут успешно, я сыт, я — довольный своей судьбой управляющий богатой голландской кофейной плантацией. Тогда же я был Пьер Лебрен, вор, без всяких надежд впереди, кроме долгих лет изгнания в самой ужасной колониальной тюрьме во всем мире. Без надежд... до того послеобеденного часа, о котором я начал вам рассказывать.

Мой товарищ по очистке улиц, работавший со мной больше тридцати месяцев, был Леон Аккарон. Когда-то он был выдающимся юристом, имел ученую степень и был человеком влиятельным и богатым. Но он сделал мошенничество, обманул доверие и, наконец, стал обыкновенным босоногим каторжником, как и я, работающим в грязи негритянского города. Он говорил мне о такой отважной веди, такой отважной, мосье, что она даже вне вашего понятия: его планом было бегство. Даже пять лет каторги не помрачили ум Аккарона, не придавили его тщеславной веры во всемогущество его разума, веры, которая обычно бывает у умных людей. Он доверился мне.

С тех пор прошло семнадцать лет, но я все еще вижу его лицо, когда оно склонялось ко мне. Продолжительный голод обтянул кожу лица на длинном остром носу и на скулах и сделал ее желтокоричневой. Он был некрасив, но в глазах его, даже еще и в этой обители смерти по ту сторону реки, все еще сверкал огонь.

Вы не были заключенным в Кайенне и поэтому не поймете. Дайте мне вам объяснить. Французская Гвиана, как раз к востоку отсюда, занимает большую область. В ее пределах много тысяч квадратных лиг¹ густых неисследованных джунглей. Там есть города, реки, саванны, там есть и три маленьких знаменитых островка — недалеко от материка, — это «Les Iles de Salut». Если перевести на тюремный язык, мосье, это — «Острова Прощания»: Чортов остров для изменников, Св. Иосифа и Le Royale. Налю всей этой колонией навис ужас. Город Кайенна, дающий название всему краю, и речной порт Сен-Лоран находятся в местности, которая могла бы быть богата. Но они превращены в ад, в котором только одни тюрьмы. В мое время в Гвиане

было приблизительно двадцать пять тысяч осужденных. Большая часть были белокожие, французы. Были и чернокожие, и арабы из африканских колоний. За ними наблюдала пригоршня чиновников. Но дисциплина была великолепная, и очень немногие убегали. Почему? Объяснение простое. Взгляните!

Лебрен вытянул вперед руку.

— Джунгли, — эта ужасная, непроходимая стена. Она со всех сторон окружает тюрьму. Беглец же должен уходить туда босой, без запасов, не зная дороги, зная только, что к западу находятся голландские колонии. Аккарон предлагал быть вожаком в этом живом мраке джунглей. Я же должен был по его предложению завербовать еще двух человек. Аккарен назвал заключенных в одной камере со мной: Аббемона, раструженного священника, и бретонского крестьянина Бриера. Вопреки долгим годам голодовки, — каждый заключенный в Кайенне смертельно голоден каждый час своей жизни, мосье, — и священник, и крестьянин не потеряли своей физической силы. Лихорадка, солнце и горы не могли размягчить их крепких мускулов. Это были люди необыкновенно высокого роста: Аббемон шести футов, Бриер еще выше.

Прошло немного времени, когда я поделился нашим планом с Бриером. Бриер был сослан в Кайенну на пожизненную каторгу. В дни голода он задушил своего новорожденного ребенка. Это был его восьмой ребенок. Он говорил, что убил своего малютку потому, что любил его и не мог вынести, что он будет жить только для того, чтобы умереть с голоду.

Камера в Сен-Лоране — страшное место. Девятнадцать других преступников помещались со мной в покрывшемся плесенью ящике в пятнадцать квадратных футов и с таким низким потолком, что самый низкорослый из нас мог упираться в него ладонями. Двенадцать узких брезентовых полок на деревянных столбах по четыре одна над другой. Часть заключенных спала на них, остальные — на сырой грязи пола. Не допускалось никаких покрывал, даже когда человек замерзал в припадке малярии. В крошечное, решетчатое окошечко виднелось ночное небо.

Трудно было найти минуту, когда все в камере спало. Шпионам в Кайенне платят маленькими порциями пищи. За это люди в Кайенне продадут родную мать.

Но мой час настал. Все в камере лежало тихо, как мертвые. Я дотронулся до Бриера. Я лежал на земле как раз под его койкой. Когда он проснулся, он не произнес ни звука. Я приложил губы к его уху и сообщил ему весь план. Бриер слабо улыбнулся, потом кивнул головой: «Хорошо, если вы хотите», — сказал он. Это было все. Но ведь я знал, что в тюрьме у нас стало легендой, что Бриер не произнес за все время и дюжины слов.

На лице Бриера все же было удивление. Он удивлялся мне, удивлялся, что я, маленький ворышка, нашел где-то в своей печали

¹ Прим. переводч.: лига - три географические мили

место для того гордого, что называлось надеждой. И он тоже готов был рисковать для этого своей жизнью.

На следующий день, у сточной канавы, Аккарон поручил мне завербовать еще одного заключенного, у которого есть деньги. Это был Альфонс Галлай.

3.

Я знал Галлая. Все в Кайенне знали его. Но я не знал, как к нему подойти. Хотя он и был обыкновенный каторжник, но исполнял обязанности личного секретаря тюремного смотрителя Сен-Лорана. Все мы слышали про его советы. Он был уже четыре года в Сен-Лоране и каждую ночь писал совет новой даме. Галлай был высок и необыкновенно красив. Всем было хорошо известно, что ему разрешалось иметь деньги.

Но как подойти к такому человеку? Как заставить его рисковать своей жизнью ради ужасов джунглей? Но завербовал его для нас большой священник Аббефон. Я долго не знал этого. Как-то раз ночью, в глубине джунглей, Галлай рассказал мне.

Мы лежали, прислонившись друг к другу, возле упавшего дерева. В это время наша грубая одежда была сорвана с нас терновыми ветвями на нашем пути. Дождь безостановочно лил в густом, холодном мраке. Галлай говорил нежным и мягким голосом, точно обращался к даме. Я и теперь помню его слова:

— Пьер, — сказал он, — если вы будете жить, то будете жить из страха. Когда умру, я умру потому, что боюсь. Страх, хотя мы и не допускаем этого, руководит всей нашей жизнью. Страх привел меня и сюда. Наш друг Аббефон научил меня, что значит это слово, как научил меня теперь смелости. В первый раз, когда я встретился с ним, он остановил меня в коридоре в Сен-Лоране и тут же сказал мне, что готовится побег и что я должен участвовать в нем, потому что у меня есть деньги. Я улыбнулся. Смешно было слышать такие слова от босонюго гиганта, имени которого я даже не знал. Но тут я почувствовал под сердцем острую боль, как укол. У Аббефона под рубахой был нож, и он уколол меня кончиком.

Шаги в коридоре спугнули его, а я постарался забыть эту встречу.

Как-то раз утром я не мог поднять головы. Я нашел длинный нож, запутавшийся в моих волосах и глубоко вогнувшийся в доски койки. Это Аббефон просунул в темноте руку между решеткой и приколот меня, как муху. Несколькими днями спустя он проходил мимо окна конторы, где я сидел. Я встретился с ним взглядом и кивнул. В ответ он улыбнулся мне, и эта улыбка была так неожиданна и обаятельна, что я стал бояться только того, что не узнаю его ближе.

— Я, пожалуй, сделал ошибку, что рассказывал вам про Галлая раньше, чем познакомил вас хорошенько с Аббефоном. Он сохранился, как я уже говорил, в одной камере со мной и Бриером. Подойти к нему было легко, но снова надо было ждать,

когда все будут спать. Наконец, мне удалось приблизить рот к самому уху отца Бруно Аббефона и прошептать его имя. Он удивленно взглянул на меня. Я приложил палец к губам и потом принялся рассказывать ему о нашем плане. Аббефон сел на своей койке, откинул назад голову и захохотал. От страха я застыл на месте. Тотчас же все остальные в крошечной камере проснулись, и поднялись вопросы, проклятия, сердитый, предупреждающий шопот. Аббефон указал на меня.

— Этот малыш, — сказал он, — он собирается уйти от нас и так добр, что приглашает меня. Понимаете вы, дураки? Один храбрый малыш собирается бежать!

Мгновение, в камере было полное молчание. Потом кто-то засмеялся, кто-то заворчал, выругался. Потом все снова улеглось. Вы понимаете, мосье? Они ему не поверили.

Аббефон продолжал говорить, не понижая голоса:

— Скажи мне, малыш, когда ты собираешься пуститься в путь и кого еще удостоил приглашения?

— Довольно насмешек, Аббефон.

Но Аббефон был уже со мной. Он толкнул меня и сказал:

— Говори же...

Когда я все сказал, он кивнул и повернулся на другой бок, чтобы спать.

Вы, конечно, поняли, мосье, что Аббефон нарочно говорил громко. Ни один шпион не соблазнился бы доносом, когда о побеге говорят вслух.

На следующую ночь нас наказали светом.

— Светом? — спросил я.

Лебрен нетерпеливо кивнул.

— Да, да. Это было вызвано смехом Аббефона. Это одно из своеобразных наказаний в Кайенне. На крючок посреди потолка на всю ночь вешается яркий фонарь. Это и все. Но в тюрьме, находящейся в сырой местности, на этой широте, вы можете себе представить, что это значит. Москиты, мухи, мушки слетаются на свет и положительно кишат в воздухе. После каждого такого наказания человека два всегда сваливаются в лихорадке. В колонии, мосье, это наказание называют «сухой гильотиной».

Но я продолжаю. Мы окончательно разработали наш план. В определенный вечер Галлай взялся подделывать имя смотрителя на ордере, по которому нас пятерых должны отправить на работы. Этот ордер будет передан жирному французскому стражнику, который возьмет нас из камеры и выведет за город. Там он получит плату и вернется в тюрьму с рассказом о своей борьбе с нами и с поддельным пропуском, который послужит ему защитой. Он ничем не рисковал. Тюремное начальство не имеет ничего против, когда остается меньше ртов.

4.

Наконец настал день побега. Вечером мы услышали в коридоре шаги. Стражники в хаки остановились у нашей решетчатой двери. Он повозился с ключами и средя

испуганной тишины прочел наши имена: Лебрен, Бриер, Аббемон.

— Поименованные, — сказал он сухим голосом, — откомандированы на речные работы. Идите, свиньи.

Мы вышли, и дверь нашей клетки захлопнулась за нашей спиной. В темноте мы не разглядели, что со стражником были Аккарон и Галлай.

Стражник вывел нас за ворота тюрьмы. Мы маршировали по главной улице. Негры сидели в дверях своих лачуг и разговаривали при колеблющемся свете свечей. Вот конец поселения. Силуэты пальм на освещенном лунной небе и легкое сухое шуршание банановых листьев. Впереди выросла густая тень джунглей. Дорога перешла в тропу. Стражник вдруг остановился.

— Довольно, — шепнул он, — платите деньги и уходите кончать самоубийством.

Галлай принялся отсчитывать условленную сумму, пятьсот франков, но стражник протянул руку.

— Я возьму все. Вам не понадобятся там деньги.

Бесполезно было протестовать. Галлай отдал ему все, что у него было.

Стражник кивнул и пошел назад дорогой, которой мы пришли... Мы были свободны.

5.

— Идемте, — шепнул Аккарон, — эта тропинка ведет к югу вдоль по берегу реки. Идите тихо и быстро. И прислушивайтесь. Эта свинья может еще послать их вслед за нами.

И он нырнул во мрак.

По временам лунный луч в просвете веток серебрил лужу на нашем пути. Я шел за Аккароном. Его спина была согнута, глаза сверкали, когда он оборачивался ко мне.

Мы шли всю ночь. Никто не говорил. На заре вожаками стали Бриер и Аббемон. На просеке, где когда-то был лесозаготовочный лагерь, мы нашли широко разросшиеся дикие смоковницы. По приказу Аккарона каждый из нас сорвал по чудовищному пучку, чтобы нести с собой в качестве пищи. Для таких ослабевших людей, как мы, эта тяжесть была почти непосильна. Я пошатываясь шел за Бриером, ловил ветки, чтобы они не хлестали меня по лицу, и падал в лужи. Ноги и руки слабели с каждой минутой. К полудню я споткнулся о корень и уже не мог встать. Но упал я под бавольником и мои спутники приветствовали это. Бриер бросился на землю. За ним последовали и другие. Я заметил, что у Аккарона не было больше его груза, этих драгоценных смокв. Но никто не спросил его.

Вы знаете, как растет бавольник, как воздушные корни тянутся вниз из ствола, образуя комнатки без крыши? Случайно мы в этот день нашли единственный кров для человека во всем лесу. После полудня мы ели наши смоквы. Вам и даже мне теперь это кажется отвратительной сырой пищей, но для нас, голодавших годы, это было достаточно хорошо.

Мы спали весь этот день до глубокой ночи, а сырость, молчание и мрак джунглей с уходом солнца превратились в холодный туман. Я проснулся около полночи, весь дрожа в приступе лихорадки. Кругом раздавались неумолчные ночные голоса джунглей. Я слышал недалеко злобное хрюканье кабана, ноздри которого чуяли наш незнакомый ему запах. Из-за многих миль к нам слабо но непрерывно доносилось таинственное «дум-дум-дум» там-тама, выбиваемое «колдуном» дикарей.

Я не спал всю эту долгую ночь. Когда она, наконец, кончилась, мы снова двинулись в путь. Этот день, ночь и следующий день были повторением первого. Потом мы вышли на берег реки, бесшумно катившей свои могучие воды. За рекой, молчаливая и неприступная, была свободная колония Суринам. Мы смотрели с ужасным биснием сердца... Теперь нашей задачей было переправиться через реку.

В этом месте река была в добрые полмили шириной. Период дождей только что кончился и то, что в обычное время было быстрой рекой, теперь стало бешеной водной лавиной. Огромное дерево, вырванное с корнем, несло по течению. Маленькая красная обезьянка судорожно ухватилась за его ветви.

Аккарон забыл, что к концу долгого периода дождей река опаснее всего.

У нас не было не только топоров, но даже ножей, чтобы срезать дерево для плота. За несколько дней до побега был очередной обыск, и у нас отняли все те жалкие инструменты, которые нам удалось собрать.

Если вы когда-нибудь плыли в лодке по реке в этой стране, мосье, вы видели высокий тростник, окаймляющий ее с обеих сторон. Он такой толстый, как рука человека, и очень высокий. Он должен был стать нашим судном в опасном путешествии через реку.

Занесенные нами смоквы скоро вышли. Мы теперь немного утолили голод несколькими кокосовыми орехами.

Бриер первый напомнил нам, что надо работать. Он молча пробрался к реке по высокой траве. Мы услышали плеск, тяжелое дыхание и треск камышей. Аббемон Галлай и я пошли на помощь Бриеру.

Он почти по пояс стоял в мелкой воде. Это звучит, как парадокс, но я точен. Воды среди высоких стеблей была не больше, чем в ярд глубиной, но дно было илстое и ноги все глубже и глубже уходили в этот ил.

Работа была мучительная. Дно было мягкое, но корни крепко цеплялись за него. Нужны были соединенные силы мои и Аббемона, чтобы вырвать один стебель. Аббемон громко пел какие-то странные песни и уверял, что это латинские гимны.

Я уже говорил, что Аббемон был священник. Он был священником в маленьком, но богатом приходе на окраине Тулузы. Но его обязанности и обеты никогда не лежали на нем тяжелым бременем. Он был сослан в Кайенну за то, что растопил и

продал золотую чашу из церкви. Ему, по-видимому, нужно было оплатить расходы на тех прелестных женщин, которых он принимал по ночам в своей церкви. В Гвиану он приплыл в трюме, как обыкновенный преступник, но сам он не считал, что совершил позорное преступление.

До сумерек мы навалили целую гору тростника на площадку, которую очистили для нас Аккарон и Галлай. В эту ночь тростники были для нас приятным ложем, хотя и были мокры и покрыты тиной. Но мы спали на них крепко, без снов, как спят измученные люди. На следующий день мы продолжали работу, и гора наша так выросла, что можно было начинать постройку плота.

И мы начали. Это было время напряженной работы. В реке мы ловили руками каких-то скользких рыб и поедали их живыми. Воодушевление наше не падало. Мы были счастливы. В первый раз за много лет в работе нашей была цель, и цель эта была исполнением наших страстных мечтаний о свободе.

Взять плот оказалось труднее, чем мы думали. Нашим планом было накладывать один на другой ряды сплетенных камышей, пока плот не станет достаточно толст, чтобы сдерживать нас. Но лианы, которые мы употребляли, как веревки, постоянно обрывались, а камыш, высыхая, корчился и принимал невозможные формы. Но мы все же кончили наш плот. Это была какая-то ужасная, бесформенная вещь дикого вида. Но и мы тоже, с окровавленными лохмотьями одежды, с худыми, обросшими лицами, были похожи на каких-то страшных призраков.

6.

Общими силами мы кое-как спустили на воду наше сооружение. И в душный полдень знойного дня мы увидели, как наш плот торжествующе поплыл по лону реки. Аккарон первый залез на него. С замиранием сердца видели мы, что даже

под его легким весом плот значительно погрузился. Потом мы все один за другим забрались на плот.

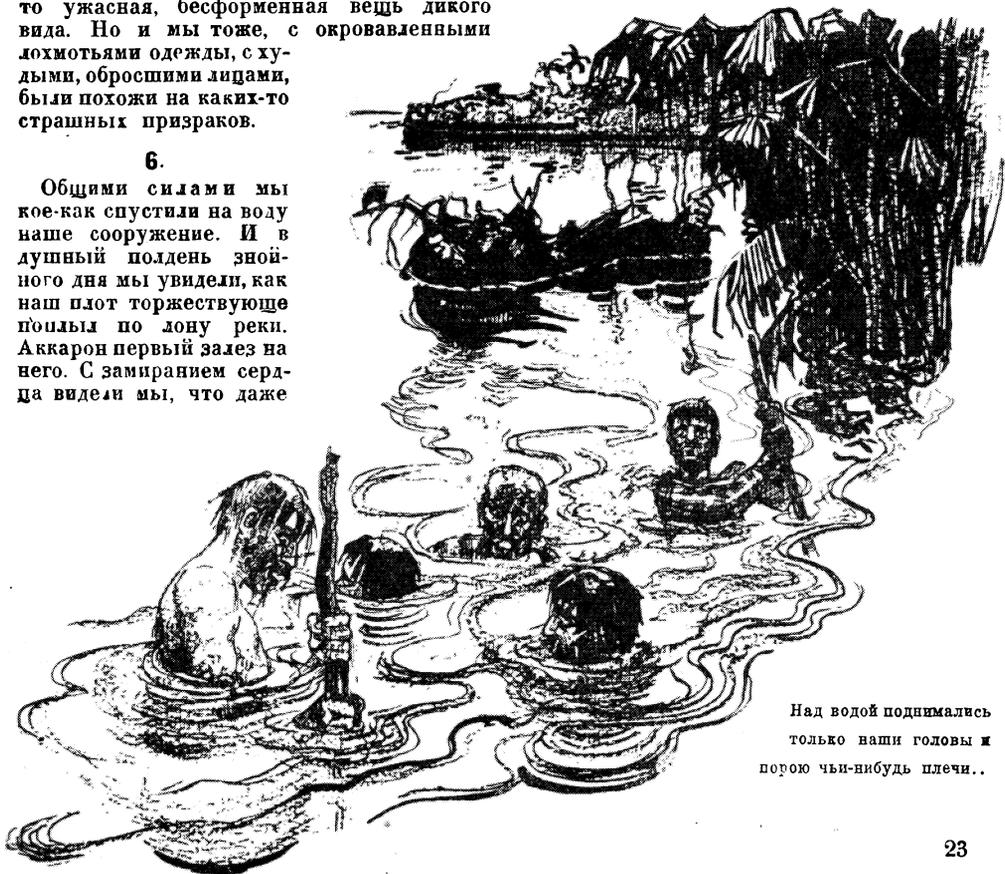
Мосье, чувствовали ли вы когда-нибудь, что сердце разбивается в вашей груди? Когда мы все очутились на нашем плоту, он опустился под поверхность воды. Мы лежали на плоту, и река лизала наши губы. Казалось, мы потерпели неудачу.

Но ободрил нас Галлай. Он указал нам на то, что хотя наша тяжесть и опустила плот, он все же не на дне, и глубже, чем сейчас, не опускается. Он предложил двигаться и сказал, что ничего не имеет против того, чтобы немножко помокнуть.

Мы приветствовали эти слова. Мы все слишком привыкли к ударам надежды, которая умирает.

Бриер и Аббемон сделали длинные весла из коры, оторванной от ствола пальмы. Работая одной рукой этими веслами, другой, цепляясь за тонущий плот, они вывели нас на середину реки. Потом течение подхватило нас, окружило на месте и понесло.

Я часто думаю, какими нас должны были видеть красные глаза черного ястреба, заметившего нас в этот день и преследовавшего нас по воздуху. Над водой поднимались только наши головы и порой чьи-нибудь плечи. Каждый водоворот погружал нас глубоко в воду и мы снова появлялись на поверхности полупотонувшие, громко крича от страха и от боли, которую причиняла

Над водой поднимались только наши головы и порою чьи-нибудь плечи..

нашим легким вода. Волосы наши были длинны и спутаны. Вода прилизывала их на наших дбах, и мы были похожи на крыс. Глаза наши налились кровью и открытый рот издавал стоны. Ястреб, вероятно, удивлялся, как могут быть такими шумными мертвые люди. Он не покидал нас впродолжение всего этого ужасного дня.

Течение реки Мэровин, как вы знаете, если видели эту реку в половодье, с быстрой стрелой извивается по самой середине русла. Все наши усилия направить плот к противоположному берегу были напрасны. Нас несло вниз с быстротой водопада. Каждая минута приближала нас к населенным местам нижней части реки и к новой невзле. Мы ни на дюйм не могли приблизиться к голландскому берегу.

Вспомните, дорогой мой, все то, через что мы прошли. И, вот, незадолго до захода солнца, после пяти часов ужасного путешествия, мы могли разглядеть стены тюрьмы, из которой бежали. Нас принесло к самым воротам. Мы видели лодки вдоль набережной. Нам казалось, что каждая из них направляется к нам, чтобы захватить нас. Потом встречное течение водоворота повернуло нас к Суринамскому берегу. Мы брыкались и били воду руками. В воюющей грязи топей приближался слева суринамский берег — драгоценный берег безопасности! Мы пристали к нему, наконец. Я рассказываю вам, мосье, но слова не могут выразить волнений этого дня. Нам удалось добраться до камышей. Мы укрылись там, и сон истощения сковал нас.

7.

Повидимому, судьба еще совсем отвернулась от нас. Наш сумасшедший плот прибило к безопасному берегу. Нас теперь могли даже увидеть из тюрьмы, но мы были свободны.

Всю эту ночь и следующий день мы спали, как мертвые, скрытые остроконечными травами болота. Но муки голода заставили нас тронуться в путь. Пищей нашей стали маленькие красноватые крабы, выползавшие из отверстий в мягкой тине берега. Мы подстерегали крабов, бросались на них и разламывали панцирь. Крошечный кусочек мяса был скользкий и горький. Нам пришлось охотиться за ними весь день, чтобы наловить их достаточно и утолить голод.

Мы отлично знали, что нам не нужно медлить в пути, как бы мы ни устали. Борьба за существование в джунглях слишком тяжела, чтобы человек долгое время мог выдержать ее... От того места, на котором мы находились, до первой голландской населенной колонии на реке Коттика, расстояние, — которое сильный мужчина по прямой дороге мог бы пройти в тридцать часов. Мы это знали. Но мы знали также и то, что туда нет дороги, что нужно идти через большую, необитаемую область болот и джунглей, которые в это время года были залиты черной зловонной дождевой водой.

Место же, к которому мы пристали, находилось среди бесконечных зарослей манговых деревьев.

Вы видели манговые леса, мосье? Они окаймляют морской берег и повсюду окружают болотистые местности. Их искривленные стволы поднимаются футов на десять над высокой водой и корни извиваются, стараясь прочнее удержаться в грязи дна. Эта грязь так ноздревата, что похожа на движущийся песок. Почти невозможно срубить манговое дерево топором. Они гнутся и хлещут, как разозленные змеи. Мы же должны были пробираться через эти заросли с голыми руками. Мы были, как в осаде.

Видели вы когда-нибудь в ночном кошмаре, мой друг, что вы очутились на дне сырого колодца? Пытались ли вы ухватиться окровавленными пальцами за что-нибудь, чтобы выбраться из этого ужаса — и ощупывали только скользкий холод отвесных стен? Тогда вы, быть может, поймете. Нам оставалось только бродить наугад по воде среди корней, находить точку опоры для рук и подниматься на них, как обезьяны. Палящее солнце в соединении с влажным воздухом вызывало такую испарину, что от нас шел пар. Корни были скользкие. Мы старались осторожно ступать с корня на корень, но постоянно соскальзывали в жирную грязь.

Эту ночь мы провели без сна, охватив руками стволы. Потом снова начался кошмар.

Такое испытание определяет человеческий характер. Аббемон и Бриер, шедшие впереди, цеплялись за деревья и постоянно протягивали нам руку помощи. Даже Галлай помогал, где мог. Юрист Аккарон все время просил помощи у шедших впереди и сам не помогал никому. Он привлек, что ему всю жизнь служили другие. Теперь его возмущала его слабость, которая заставляла его протягивать руку за помощью, ненавидел нас, когда мы помогали ему...

Эту ночь мы устроили нечто вроде лагеря на полоске сухой земли. Но спать нам не пришлось. Заключенные в Сен-Лоране воображают, что привыкли к москитам! Но мы и понятия о них не имели до сих пор! Тут, в этих молчаливых болотах, мосье, их были такие тучи, я выражаюсь буквально, — что они затемняли воздух и закрывали самую луну. Мы же были в это время совершенно обнажены и беззащитны. Пока один из нас спал, другой размахивал над ним пучком травы, хоть немного спасая спящего и себя.

8.

Мы знали, что голландские колонии находились к западу и к северу. Нашим единственным путеводителем было солнце, восходившее на востоке и заходившее на западе. Идти дальше по болотам мы были не в состоянии. Нам было необходимо углубиться в лес, хотя он был и в стороне от прямого пути. Мы видели его впереди на более высокой части местности. Он стоял зеленый, первобытный, тихий.

Говорю вам, мосье, что мы видели этот лес. Он был не дальше, чем в двух милях. Но мы дошли до него только на четвертый день вечером. Нам приходилось искать себе пищу крабов, моллюсков, корни, даже листья. Кроме того, мы смертельно устали и постоянно должны были отдыхать.

Вы видели болота в этой стране? Не болота манговых лесов. Тут было недостаточно мокро для этих болот. Тут у местности спокойный и отрадный вид. Кучки земли прижались плотно одна к другой. Острокопечная, бледная трава тихо колы-

менно победит нас, если мы будем растрачивать в разговоре драгоценное дыхание.

Лебрен повернулся ко мне.

— Вот почему я зажег сегодня вечером фонарь, мосье. Там, в болотах, мне стало казаться, что вся природа кругом — живое существо, которое всякими хитростями старается уничтожить всех людей, дерзающих нарушить ее молчание и победить ее извечное могущество. Джунгли могут казаться людям великолепием жизненности. Но говорю вам, что это не так. Джунгли — сама смерть! Почему вот те деревья втрое выше и толще деревьев Франции?

Точно связка веревок обвили амеиные кольца тело Бриера... Минуты четыре мы молча боролись..

шется на ветру. Но поставьте ногу на такую равнину и вы увидите, что это чортова ловушка. Кучки земли, поросшие травой, кажутся крепкими. Вы думаете, что легко можно перескакивать с одной на другую, как прыгали в детстве по камням. Но попробуйте только! Мгновение ваша нога стоит твердо, потом кучка, точно живая, подбрасывает вас, и вы погружаетесь в черную грязь рядом. Эта грязь не похожа ни на что в мире. Когда вы пытаетесь вытащить ногу болотная грязь охватывает ее и тянет книзу. Но нам все же удавалось продвигаться понемножку каждый день.

Это было безмолвное время. Мы не разговаривали. Мы чувствовали себя людьми, борющимися с врагом, который непре-

Это потому, что они убивают и всегда убивают!

Я видел вон в том лесу чудовищный ствол дерева, который не могли бы сдвинуть с места сто лошадей.

Мы ползли на животах по болоту, держа руки, отпихиваясь ногами, как раненые лягушки. Мы были облеплены грязью. Но мы все же перебрались через болото. Наконец, мы стояли перед высокими, закрытыми воротами джунглей. На жизнь или на смерть, но мы должны были войти в них!

9.

В лесу нас ждало новое затруднение. Мы редко могли видеть солнце. Трудно держаться какого-нибудь направления среди диких зарослей, где нельзя пройти больше двух шагов по прямой линии. Кажется, что стоишь в тихой, таинственной пещере в недрах земли, и напрасно смотришь наверх, чтобы разглядеть хоть кусочек неба.

Мы окончательно сблизы с пути. Непонятно, как мы не погибли с голоду. Еда

стала страстью, отчаянным, все подавляющим желанием. Мы ели листья и корни, как свинья. Животы наши распухали от этой пищи, но мы никак не могли утолить голода.

Каждую ночь мы старались найти ба-вольник, чтобы укрыться в его спускающихся сверху корнях. Днем джунгли пустыньны, но ночью оживают все звери и змеи, все голоса и ужасы.

Раз ночью Галлай протянул руку и коснулся змеи. Он потом всю ночь просидел скорчившись и плача от страха. Галлай был теперь похож на скелет. Казалось, он не шел, а плыл по воздуху, как привидение.

Аббеом тоже похудел, но мускулы под одряхлевшей кожей все еще были стальные. Галлай и он очень подружились за последнее время. Я часто заставал Аббеомна, когда он отдавал Галлаю пойманную им рыбу или крысу. Он говорил тогда, что ему повезло, и он нашел пищи для двоих, но я знал, что он лжет.

Бриер тоже не потерял ни своей силы, ни спокойствия. Обычно он пробивал нам дорогу в джунглях.

Нашей главной пищей теперь были маленькие крысы с карими глазами и неуклюжим волосатым тельцем. Но они были сообразительны, как дьяволы. Нам иной раз приходилось часами лежать у их норок, пока они решались выйти...

Раз как-то Бриер наскочил на змею. Он шел впереди, откинул в сторону ветку и споткнулся о лягу. Он увидел опасность слишком поздно. Его голова, плечи и руки просунулись прямо в петлю, которую образовал боа-коастриктор, висевший фистонами на дереве. Змея, повидимому, спала, но на грубое прикосновение сейчас же инстинктивно ответила. Точно связка веревки обвила змеинные кольца тело Бриера. Дыхание Бриера напоминало звук пилы, пилящей дерево. Но руки его были свободны, и он схватил животное за горло.

Аббеом и я бросились вперед. Священник рвал змеинные кольца, я же боролся с хвостом змеи. Минуты четыре мы молча боролись. Потом могучие кольца ослабели, соскользнули вниз, и Бриер вступил из них освобожденный.

В этот вечер, в первый раз за все время нашего знакомства, Бриер разговаривал и смеялся. Он давал нам ощупывать мускулы на своих руках. Он гордился этими руками, которые убили его малютку, — убили потому, что он любил его, — руками, которые помогали слабому Галлаю продираться через заросли джунглей.

10.

— Леса Суринама, — продолжал Лебрен, — прерываются по временам открытыми пространствами, которые называют саваннами. В лесу земля черная, в саваннах же — белая, сухая, кристаллическая и

почти лишенная всякой растительности. В джунглях достаточно жарко, но на этих пустынных равнинах, где между вашей обнаженной головой и палачином солнцем нет ничего, мозг колеблется на грани безумия от безжалостного белого света, отражаемого песком саванны. В этих саваннах живут индейцы карибо.

Мы только три раза натыкались на их деревни. Индейцы видели нас издали, понимали, что мы — бежавшие из Кайенны преступники, и скрывались вместе со всем своим имуществом. Когда мы входили в деревню, она была совершенно пуста. Мы напрасно искали чего-нибудь съестного в их хижинах и разочарованно продолжали наш бесконечный путь.

К этому времени мы как-то перестали горопитаться и полубессознательно мириться с джунглями. Все, кроме Аккарона. Понемногу, он стал отдаляться от нас. Он был умный человек, умел составлять и задумывать планы. Но это было не нужно в джунглях. Там требовались сила и терпение. Но он не сдавался и продолжал разыгрывать белого юриста. Вместо того, чтобы охотиться, он предпочитал покупать у нас пищу, покупать на обещания, которые выполнит в Париже. Мы только смеялись. Потом он стал воровать у нас пищу.

Однажды он сделал опасную ошибку. Аббеом поймал водяную крысу, и Аккарон, смелый от голода, выхватил ее у него и убежал. Аббеом догнал его одним прыжком. Мы видели, как он схватил юриста за горло, швырнул его, как мешок, в воду и стал держать под водой. Мы все молчали. Галлай дрожал и прикрывал глаза длинными, тонкими пальцами. На поверхность поднялся и лопнул большой пузырь. В черной воде умирал маленький умный мошенник.

Аббеом засмеялся. Он встал на ноги, но не выпускал горла Аккарона. Тот все еще

боролся, но уже слабее, когда Аббемон вытащил его на берег и бросил на высокую траву.

Аббемон ни разу не обернулся на лежавшего на траве юриста, выплевывавшего из легких воду. В этот день мы не разговаривали с Аккароном. Но я никогда не видал человека, лицо которого выражало бы такую смесь страха и ненависти.

На следующее утро, когда мы выползли из наших отдельных комнатов между тысячами корней дерева, Аккарона не оказалось среди нас. Мы видели по следам, что он ушел тем путем, которым мы пришли. Мы никогда больше не видели его.

11.

Теперь нас было четверо. Мы не имели понятия, где мы находимся. Но мы уже шли несколько месяцев, и начался сезон дождей. Не проходило дня без бурного ливня, от которого не было спасения в лесу. Дожди эти несли с собой новую опасность. Тигры, как называют здесь пятнистых ягуаров, стали неосторожны. В дождь мелкие звери редко выходят из нор, и хищникам приходится плохо. Мы часто слышали невдалеке лай ягуаров, которые теперь уже не боялись нашего запаха. Голод превращает в героя даже гвианского тигра. По ночам нам приходилось не спать и отпугивать их криками.

Мы сидели прижавшись друг к другу, дрожали под дождем и криками отгоняли хищников. С наших длинных волос стекала вода, а лианы и листья, которыми мы обвязывали себя, чтобы хоть как-нибудь защитить обнаженное тело, делали нас похожими на лесных демонов.

Наступила ночь, когда мы не могли уже бороться со сном. Дождь лил, как из чудовищного решета, но мы скорчились и храпели.

Я проснулся далеко за полночь. Дождь перестал и светила луна. При ее свете я

увидел то, что разбудило меня. Спinoй ко мне стоял Бриер, а футок в десяти присел пятнистый ягуар. Глаза его сверкали внутренним огнем. Бриер держал в руке палку. И человек, и зверь притаились. Я разбудил остальных толчком локтя.

Мы не знали, что нам делать. Никто из нас не произнес ни звука. Потом Бриер сделал шаг вперед и поднял могучую руку с палкой. Это было сигналом. Зверь сделал прыжок. Бриер ударил палкой. Мы с ужасом услышали, как палка разбилась вдребезги. Удар приостановил скачок зверя, но он снова прыгнул с рычанием ярости. Бриер встретил его своими руками, которые задушили змею. Оба покатались на землю.

Это казалось нам вечностью. На самом же деле мы, должно быть, скоро увидели, как понемногу стало затихать окровавленное тело Бриера. Руки его разжались. Тигр с рычанием зарылся мордой в его горло, и только тогда мы, трое ошалевших дураков, пришли в себя. Мы бросились вперед с криком ярости. Зверь обернулся к нам. Сморды его капала темная кровь. Потом он прыгнул во мрак и скрылся.

Больше ничего уже нельзя было сделать. До рассвета мы, как собаки, сидели на корточках возле тела нашего друга. Утром мы выкопали большими пальцами яму в сырой черной земле и нежно уложили в нее Бриера. Потом покрыли тело землей. Победа тигра была полной. Он истерзал Бриера до неузнаваемости. Уделили только его руки. Мы сложили их у него на груди. Они все еще были сжаты, как тогда, когда он задушил змею и когда — так поздно! — узнал, что такое гордость.

12.

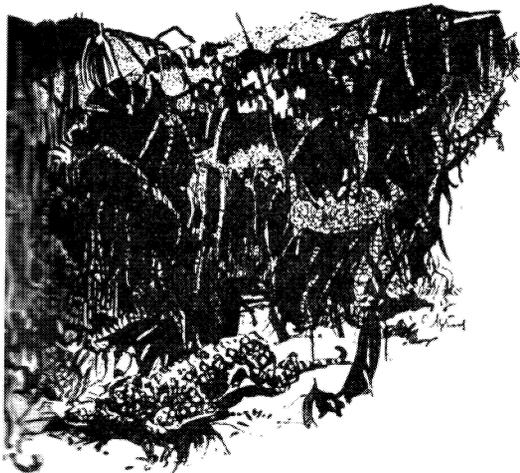
Теперь нас было трое.

Тянулись недели, и в жизни нашей произошла перемена, которую трудно описать. Прежде каждый заботился только о себе, мы не знали чувства товарищества. Теперь Аббемон искал пищу, пока я и Галлай отдыхали. Или я сторожил всю ночь спящих Аббемона и Галлая. Каждый из нас работал теперь на двух остальных и был уверен, что и они позаботятся о нем.

Однажды нам встретилась узкая речка, и мы пошли по ее течению. Мы знали немножко топографию местности, знали, что страна постепенно переходит от низких равнин побережья к высоким горам внутри материка. Ясно было, что река течет к морю или впадает в реку, текущую в море. Поселения же в голландской Гвиане расположены главным образом у моря.

Это была самая легкая часть всего пройденного пути. Местами река была такая мелкая, что мы шли по середине ее.

Временами крокодилы, нежившиеся на отменях в лучах солнца, прятались при нашем приближении. Может быть, мы шли так недели две. Не могу точно сказать. Но тут судьба проделала с нами последнюю скверную штуку.

человек, и зверь притаились...

Мы добрались до широкого и глубокого места, которое нам пришлось обходить по берегу среди тростника и кустарников. Почва тут была скользкая. Мы услышали, как Галлай поскользнулся и упал в реку. Сначала он засмеялся, потом смех его перешел в крик. Мы обернулись и увидели, что огромная змея обвилась вокруг его тела. Она, вероятно, лежала на половину в воде, и когда Галлай упал на нее, обвилась вокруг него кольцом.

К счастью, мы не замешкались. Аббемон и я сразу же легли на живот и началась наша борьба со змеей. Мы рвали и били ее, то падали в воду, то выбирались на грязь берега. Мы кричали и ругались, как пьяные. И мы выиграли бой!

Змея скользнула в темную глубину, а Галлай остался у нас в руках. Но он не мог успокоиться. Он бился в наших руках, как испуганное животное. Мы положили его под деревом и всю ночь успокаивали его. Под утро он, наконец, заснул от усталости.

Не знаю, сколько дней мы ухаживали здесь за нашим другом. Мы давно уже заметили, что по ночам у Галлая лихорадка, но теперь страх ослабил противодействие организма, и лихорадке было раздолье! Кожа Галлая была такая сухая и горячая, что жгла наши пальцы. Он так дрожал от холода, что мы с Аббемоном ложились на него, чтобы согреть его нашими телами. Он был так слаб, что не мог шевелить губами.

Мы с Аббемоном устроились настоящим лагерьем. Это был наш первый лагерь за все время. Мы втыкали в землю палки, укрепляли их камнями и заплетали лианами. Мы сделали такую крышу над Галлаем, что дождь не пробивал ее. Наконец, мы разложили костер. Мы целый день искали сухое дерево и добивались искорки. Но мы добились и стали все время поддерживать огонь и жарили на нем мясо. Два раза Аббемон приносил полные рыбы сети из лиан. Мы были счастливы, потому что Галлай понемножку поправлялся. Он начал ходить, разговаривать, даже помогал нам. За время его болезни Аббемон сидел нам странные рубахи из пальмовой коры.

Мы не хотели продолжать наш путь по реке. Мы боялись, что вид ее снова разволнует Галлая. Мы старались только держаться того же направления, по которому текла река. По ночам, когда Галлай спал, мы с Аббемоном пытались проверить в темноте это направление. Но продвигались мы трагически медленно. Галлай едва мог двигаться.

13.

К концу недели мы поднялись на гору, резко возвышавшуюся над местностью. Эту ночь мы спали в чистом, свежем воздухе. Утром я залез на высокое дерево и передо мной открылся широкий вид. Глаза мои разглядели белое пятнышко, сверкавшее на солнце. Не было сомнения, что это дом. За домом я увидел извивающую чер-

ную полосу. Это была не река, это были рельсы железнодорожного пути.

Мы с Аббемоном танцевали и кричали от восторга. Уверю вас, что это было незабываемое мгновение. Наконец - то мы знали, где мы находимся. Там, где железнодорожный путь, там—белые люди, пища, кров!

Мы спешили идти вперед. От исторической радости на глазах наших выступали слезы. Все страдания были забыты.

Но Галлай отрезвил нас.

— Друзья мои,—сказал он.— послушайте меня и не перебивайте. Я плохо спал прошлую ночь. Мне было очень холодно. Поэтому сегодня я очень устал и хочу хорошенько уснуть. У меня опять лихорадка и она истощает меня. Я хочу проститься с вами... пожалуйста. Мои сонеты в сохранности у вас, Пьер? Ну, тогда все хорошо. Прощайте, друзья мои.

Не успели мы к нему подбежать, как колени его согнулись, голова склонилась вперед и он упал на наши руки.

Одно ужасное мгновение мы думали, что он мертв. Но сердце все еще билось в его исхудалой груди. Кожа его опалала огнем. Лихорадка вернулась.

Ни этот, ни следующий день мы не двинулись по направлению к железнодорожному пути. Мы все время проваляли возле нашего друга. В сумерки второго дня, когда вечные тени джунглей сгустились и молчание длинного дня медленно перешло в хаос ночных звуков, наш друг умер.

В беспросветном мраке ночи джунглей мы молча вырыли руками яму и закопали его. Мы не хотели, чтобы его тронули звери и муравьи.

В эту ночь не было сна. Аббемон, великан и богохульник, плакал, как женщина. Рыдания вырывались из его огромных легких, как заглушенный кашель.

Когда настал следующий день, все наше одушевление покинуло нас. Тяжелыми ногами направлялись мы в лес, чтобы пробыть к белому домику, который еще так недавно заключал в себе столько восхитительных надежд.

В первый раз за все время вожаком был я. Аббемон плелся за мной, как старик. Я впервые заметил, что он уже не молод. Его длинные волосы, спускавшиеся до плеч, были почти совершенно седые. Посередела и слутанная борода на груди. Углы рта, всегда смеявшегося и готового петь свои любимые латинские песенки, теперь устало опустились. Он был значительно выше меня, но я чувствовал, что от одного моего удара он мог упасть и больше не встать.

Весь этот день он плелся за мной. После полудня я обернулся и сказал что-то Аббемоноу. Он не ответил мне. Он прислонился спиной к дереву и, казалось, не слышал моих слов. Когда я дотронулся до его руки, он взглянул на меня и сказал:

— Пьер, мне очень жаль, но ты должен идти дальше один. Я пойду назад... туда... на гору, к моему другу.

Сгорная змея обвилась
вокруг его тела...

И с движением, в котором было нечто от былой энергии, он повернулся и побрел назад.

Мгновение я стоял, не находя слов, потом принялся звать его. Но он не оставался. Я сразу же потерял его из виду в густых зарослях джунглей. Но я слышал, как трещали под его ногами ветки. Я побежал за ним. Но дорога назад была не легче той, пройденной, и в эту минуту отчаяния все силы покинули меня. Я спотыкался, упал и громко звал Аббемона. Но он не отвечал, и мгновение спустя замолкли все звуки от его шагов.

Я бродил всю эту ночь, не думая про хищных зверей, окружавших меня со всех сторон. Всю ночь я звал своего друга. Но кругом была только ночь, молчаливые деревья, пустота. Наконец, я лег и уснул. Когда я проснулся, солнце стояло прямо над зелеными ветвями над моей головой и я понял, что никогда уже не найду своего друга.

14.

Трубка Лебрена потухла. Он вяло держал ее в руке и мрачно смотрел на реку,

белесо поблескивавшую в наступающем дне. Ночь прошла.

Наконец Лебрен снова выпрямился и поднял голову.

— Больше нечего рассказывать, мосье, вы видите меня тут... После этого я залез на дерево, заметил уже значительно ближе белый дом и темную полосу рельс. И дошел до дома и добрая чернокожая женщина приютила меня. Она простила мне мою оголенность, мои спутанные и грязные волосы и пожалела мои провалившиеся щеки. Она накормила меня и ухаживала за мной три долгие недели, когда я в бреду лихорадки громко разговаривал по ночам. Он одел меня и помогла мне найти работу... Уже скоро рассвет, дорогой мой. Вы очень терпеливо слушали меня. Может быть, теперь вы будете рады пойти в большой дом и отдохнуть немного, пока остальные встанут к завтраку.

Старик встал и протянул руку. Потом он отвернулся и устремил взгляд на высокую черную стену джунглей. Он долго стоял так, очень тихо, пристально глядя вдаль.

Так я и оставил его...

Ложь

Новейший рассказ
ФАННИ ХЕРСТ,

*почти все романы которой
за последнее время переве-
дены в СССР.*

Иллюстрации Клары ПЭК.

КАК-ТО раз Целия Риверс прочтала в газете про один опыт в области животной гипнотизации, который и жалость в ней вызвал, и приковал ее внимание.

В боку полевого зверька прорезали окно так, что органические процессы несчастного существа видны были глазу зрителя в экспериментальной лаборатории. Целия хотела бы прорезать такое воображаемое окно в душу Говарда Веста, служащего в Чайной Компании «Альфа» и специальностью которого было пробовать чай. Сама Целия была одной из четырех помощниц главного бухгалтера в той же Компании.

Три другие помощницы очень много говорили между собой о Говарде уязвленным тоном женщин, которые чувствуют, что их не замечают. Но, вероятно, сердце каждой из них было пленено Говардом.

Сердце Целии несомненно было пленено. Она и не думала скрывать это от самой себя. Внешне же они в течение почти двадцати месяцев встречались по четыре и по пять раз в неделю и обменивались не больше, чем необходимыми словами. Как-то раз он дал ей дорогу, когда входил, а она выходила из двери, и тут произошла одна из забавных сцен между двумя людьми, когда каждый делает движение в ту же самую сторону, что и другой.

Это был маленький танец в сердце друг друга. Говард в первый раз заметил свежесть и миловидность Целии. На щеках ее был нежный румянец, а глаза напоминали горный поток.

Но после этой встречи недели две все оставалось без перемен. Только Целия, лежа в постели, все думала о нем. Когда она связывала Говарда и его работу в Компании, Говард начинал казаться ей каким-то таинственным.

Для сотен служащих «Альфы» чай был просто — нечто в пакетах, фунтах и в смеслях. Говард же, уединенный в своей маленькой комнатке с рядами безносых котелков одинаковой вместимости, с красивыми чайными чашками, с постоянным шумом кипящей воды, казался каким-то гением чайных листьев. В комнате, где он двигался среди котелков, из которых вырывался легкий пар, стоял аромат акации. Цветочный черный чай, тягучий су-чонг и конг открывали ему то, что было когда-то лукавой тайной их душевного дыхания.

Когда Целия вносила в свою книгу двадцать один фунт чаю, это было для нее всего только простым товаром.

ЛЮБВИ

Когда Говард двигался в горячем дыхании своих семей, его бледное лицо, казавшееся каким-то закрытым из-за опущенных век, напоминало лицо китайского мандарина в состоянии экстаза. Это происходило потому, что от длинных, свернувшихся листьев формозского чая, который Целия просто вносила в книгу, как «Улонг», для него вместе с паром поднимался тонкий аромат азалии или цветущее видение чайной плантации.

Часами думая о нем в одиночестве своей комнатки в меблированном доме, Целия по своему понимала его. Две его привычки она знала по наблюдениям. В шкапчике, который принадлежал ему полагал с бухгалтером, Говард держал яблоки и книги. И часы завтрака он большую часть проводил, читая и жуя фрукты.

На другую его привычку она наткнулась неожиданно. Рядом с ее меблированным домом был вход в Центральный Парк. Часто, в хорошие вечера, Целия сидела там и смотрела, как один за другими зажигаются окна в домах, высоких, точно Гималайские горы.

Однажды вечером, Целия встретила в парке Говарда. Он вел на коротком, крепком ремне красивую борзую. И без всякой подготовки, так что, когда это случилось, Целия сама была поражена, имя его сорвалось с ее губ.

Это было начало.

Каждый вечер трое, — мужчина, собака и девушка, — встречались у скамьи и гуляли в сумеречный час между семью и восемью.

Эта осень была пряная и ясная. Целии иногда казалось, что полный звезд эфир несет их троица, как хлопья, гонимые ветром. Она так много интересного узнавала во время этих прогулок про Говарда... Что ему дорого одиночество в толпе; что ароматы чая для него — ковры-самолеты, переносящие его из Явы на Формозу, в Цейлон, в Ямайку, на острова Фиджи, в Батум и в Капршун.

Говард был поэт обоняния, Говард был эпикуреец, по небу которого текли ароматные тайны. Его чувство вкуса и чувство обоняния знали о таких красотах Востока, слушая про которые Целия трепетала, как колокольчик. Говард знал про чай, который растет в Бенгале и цвет которого обладает таким свойством, что женщины, собирающие его, рожают через четыре месяца после зачатия. Был известный сорт «Дарджилинга» таинственный, взрачиваемый и с трудом получаемый, две чашки которого омывали глаза для ясновидения.

И все это говорилось Целии, для которой чай был прежде просто товаром.

В жизни Говарда до сих пор была только его одинокая любовь к собаке. Теперь новал страсть к Целии Риверс захватила его и прочно овладела им.

В тридцатый вечер, который проводили вместе девушка, мужчина и собака, Говард и Целия обвенчались в маленькой церковке, которую так и называли «Маленькая церковка за углом».

Если знать человека, как книгу, это — знать таинственные уголки его сердца, скрытые мечты, трепет желаний, то Целия именно так знала Говарда.

Она понимала, что запереть Говарда в таких городских комнатках, какие были ему по карману, это то же самое, что запереть его душу. Они нашли себе домик за городом и наняли его за десять долларов в месяц. Отсюда до Нью-Йорка был час и четыре минуты езды и уединенность их нового жилища восхищала их. До ближайшего соседа, огородника, была добрая миля.

Когда они приехали из города всего-навсего с шестью вещами для обстановки, с собакой Пеко¹, с двумя чемоданами и с корзиной посуды, фруктовый сад, окружавший их домик, был осыпан легким покровом снега.

Эта зима промчалась для них до весны с быстротой серебряной стрелы. А весна окутала весь сад цветом яблонь и персиковых деревьев.

Достаточно было только взглянуть на лицо Говарда, когда он просыпался утром в комнате, в окно которой заглядывала яблоня, чтобы понять, как права была Целия в своем убеждении, что глубочайшее удовлетворение для него — в окружающей его красоте.

Красота! Целия сама штукатурила стены, Говард сам оклеил их нежными, старомодными обоями в стиле Ватто, которые он нашел в маленькой лавчонке. Целия сама сколотила кофурку для Пеко, а Говард покрасил ее в лиловый цвет.

Была весна и в самом домике и за его стенами.

Когда Целия сказала, что у них родится ребенок, она подумала, что до сих пор она еще совсем не знала своего мужа. Он сам шнуровал ей ботинки, на руках носил ее вверх и вниз по крутой лесенке их дома и раз как-то она застала его за мытьем кухонной посуды, потому что после обеда она показалась ему бледной и усталой.

Однажды вечером, вернувшись из города, Говард сказал Целии: — Меня хотят послать от фирмы в долину Брамапутры, в Дарджилинг, в долину Сурмы, в Мадрас и в Бирму. Я никогда и не мечтал, что мне могут дать такое поручение. Если бы я не был таким тщеславным ослом, я бы и не сказал тебе об этом. У меня просто мелочное желание поднять себя в твоих глазах.

— Точно можно подняться выше, чем ты уже стоишь для меня!

— Я, кажется, говорил тебе про Дарджилинг. Рассказывают, что плантации там так благоухают, что человек пьянеет от аромата. Видишь ли, фирма вот как смо-

трит на это дело. Публике начинает надоедать все только одна горечь, да чернота чая. В ста двенадцати ложках, составляющих фунт Дарджилингского чая, больше аромата белой акации, чем в... любимая, ты не слушаешь?!

Целия не слушала. Она прощалась в своем сердце с Говардом.

— Говард, — сказала она, — я хочу, чтобы ты привез мне из Бирмы большой веер из перламутра и сандалового дерева.

— Мы когда-нибудь поедем с тобой вместе, — сказал он, и в глазах его была тоска подавленного желания. — Я не могу оставить тебя в такое время. Это было бы ужасно.

— Если ты поедешь, Говард, — сказала она, — я рожу нашего ребенка с радостным сознанием, что отец его вернется обогащенный и умом, и духом. Да и деньгами тоже.

— Я хочу, чтобы ты ехал, — сказала она, но то, что она скрыла за баррикадой этих слов было: — я хочу, чтобы ты ехал, потому что это единственный способ удержать тебя возле меня.

Но прошло не мало дней, пока он окончательно слался. Ведь, в конце концов, их ближайший сосед был от них в доброй миле. На это Целия ответила, что и доктор, и больница готовы для ее родов в Нью-Йорке, и она заранее отправится туда. А потом? Потом! Но какой городской житель может чувствовать себя в такой безопасности, как чувствует она себя с Пеко. Какой вор или чужой человек мог пробраться к ней мимо Пеко? После этого неоспоримого аргумента Говард, наконец, уступил уговорам.

Брамапутра, Мадрас, Бирма. Безьяны и павлины из слоновой кости... Веера из сандалового дерева и перламутра... Караваны с чаем на улицах Калькутты... Дикие чайные деревья в цвету... Розовые чайные цветы в Ассаме... Ассам, заливный лунным светом...

Говард узнал, что мир — огромные соты, полные красоты, и что он до сих пор никогда не выходил из своей ячейки. Он слышал нежное шептание цейлонских женщин при сборе чая, учился в беседах с чайными торговцами из азиатской Турции, Кашмира и Персии.

Когда Целия получала его письма с рассказами про удивительные красоты, рассказами, переплетавшимися с его тоской по дому, по Целии, по ребенку, сердце ее наполнялось страхом и ужасом. Иногда, когда письма приходили в то время, когда она сидела возле кровати ребенка, она медлила читать их. Из страха перед этой самой жуткой тоской, из страха перед его желанием скорее вернуться домой. А еще шесть месяцев назад письма его были для нее неизясымно сладостны, как розовые чайные цветы, о которых он писал ей.

Говард хотел все знать про свою дочь. Он просил прислать прядь ее волос. Он хотел знать точный цвет ее глаз, ее вес и размер ее.

¹ Пеко — сорт черного чая.

Бедная Целия! Еще прядь волос она могла послать и про цвет глаз могла написать. Но вес ребенка смутил бы Говарда. Девочка родилась шести фунтов, быстро росла, но не крепла. Сестра милосердия в больнице осторожно выразилась, что ребенок не совсем удачно прошел через испытание появления на свет. Это было совершенно непригодное к жизни существо, взмятый цветков.

У Целии не хватало решимости написать Говарду правду.

Правда может подождать! И Целия прибегла к хитрости. Как ни терзал вид идиотичной дочери сердце Целии, во время сна ребенок казался ей таким, каким должен бы быть ребенок Говарда. Целия садилась тогда у кровати дочери и описывала ее Говарду. «Нежная невинность. Дыхание цветка. Гиацинт».

В ответ на это последнее письмо Говард телеграфировал: «Получил дорогое письмо. Назови ее Гиацинтой».

Два часа Целия сидела с этой телеграммой возле спящей девочки, боясь шевельнуться, чтобы не поддаться ужасному припадку смеха.

Назвать ее Гиацинтой!

Потом, однажды утром, Целия получила известие, что Говард выезжает из Бомбея домой.

На Целию напал такой ужас, что она заметалась по комнате, без всякого смысла, машинально, хватая разные вещи и снова ставя их на место.

К ужасу еще прибавилось раскаяние. Щадя Говарда, она наносила ему еще худший удар.

Ребенок, с которым Целия знакомила Говарда в письмах, был прелестный и нормальный, каким Гиацинта казалась во сне. Дитя с серыми глазами, каштановыми волосами и пухлыми ручками.

В действительности, эти ручки были постоянным ужасом Целии. Пальчики были такие длинные и такие цепкие. Ничто: ни ваза, ни игрушка, никогда не могли спастись от них.

Но дни бежали не только на суше, но и на морях, и пароход вез домой поэта, написавшего свой первый цикл поэм под обаянием пронизанного луной чайного сада в Сефингури. Он посвятил его своей дочери Гиацинте.

За день до возвращения путешественника, отсутствовавшего целый год, Целия испытала успокоение принятого решения. Ведь, в конце концов, все, что она делала, совершалось из сострадания к Говарду, которое она испытывала так же сильно, как и любовь к нему. Час ее теперь настал, и она должна встретить этот час.

И все же в сердце ее жил страх. Она как то раз видела лицо Говарда, когда один из служивших в Компании «Альфа» мальчиков вернулся на службу после оспы. Это было еще до их женитьбы. И в тот вечер, когда они гуляли в парке, Говард все время тер глаза, точно желая стереть с них запечатлевшееся там изображение

изъеденной оспой плоти, и все же не мог перестать говорить о ней и жалеть ее.

Говард писал Целии из Калькутты о нищих, которые выставляют свои болячки на улицах Индии: «Дорогая Целия, я не отворачиваюсь от этих несчастных, но вид их возбуждает во мне такое отвращение, что оно грозит пересилить сострадание».

Целия решила ехать в город и встретить пароход Говарда. По дороге домой, может быть в поезде, она постарается смягчить удар, ожидавший его.

Она расскажет ему все в ласковых, мягких словах. А потом? А потом... Лишь бы он не возненавидел ее... и ребенка.

Ей уже несколько раз случалось уходить из дому и оставлять дочь. Такие случаи были неизбежны, и Целия собственными руками приделала к кровати Гиацинты загородки гораздо выше ее роста. А потом с ребенком оставался Пеко — и этим сказано все.

На все долгие месяцы одиночества Целии присутствие Пеко наложилось печатно безопасности. Кошачьи шаги ночью — и уши его настораживались. Человек шел где-то по дороге, в миле расстояния, — и Пеко начинала рычать.

— Пеко, — сказала ему теперь Целия, — я еду в город встречать твоего хозяина. Вы с Гиацинтой останетесь одни в доме на четыре часа. Охраняй хорошенько, Пеко!

Целия готова была поклясться, что Пеко все поняла.

— И не подходи к обеденному столу. И не выпускай из колыбели Гиацинту.

Пеко отлично понял. Он положил ей на грудь две большие лапы и пытался поцеловать ей лицо.

— Хорошая собака! Будь хорошим с деткой, и никого не подпускай к дому.

Целия заперла двери и пошла по дорожке, оборачиваясь и улыбаясь собаке, которая стояла у окна, уперев лапы в стекло, и отчаянно махала хвостом.

Человек, работавший на поле огорода, никогда не мог потом отдать себе отчета, когда он почувствовал легкий запах гари, донесшийся до него в это солнечное утро. Он стал принюхиваться и смотреть вдаль. Оказалось, что голубой дымок исходил из второго этажа домика во фруктовом саду.

Работник наблюдал несколько минут за движением дыма и, так как дымок не увеличивался, решил, что он выходит из естественного отверстия — печной трубы, — и спокойно вернулся к своей работе.

Минут пятнадцать спустя ему снова ударил в нос запах гари. Теперь работник заметил, что воздух точно подернут голубой дымкой, и направился к дому.

Это не было дымом из трубы! Это было непрерывающийся поток дыма, лившийся из окна второго этажа. Окно это было спущено на треть.

— Эй! — закричал
работник, — эй!

Ответа не было,
только раздался заглушенный лай со-
баки. Позднее работник уверял, что
видел, как из открытой части окна
вырвалось пламя. Но тут он, несо-
мненно, ошибался. Каким то загадоч-
ным образом ребенок Целия и Говарда
достал своими цепкими рученками
коробку спичек, и тлеющий матрас
детской кроватки был причиною дыма.
Объяснением могло быть то, что ма-
лютка когда-то схватила и спрятала
у себя в кроватке коробку спичек,
так засунув ее в складки матраса, что
Целия не заметила ее. Забавляясь те-
перь спичками, дитя подожгло матрас.

В то время, как медленно тлели
волосы матраса, было довольно просто
затушить огонь.

Рабочий сначала обежал дом, про-
буя, нет ли открытой двери или окна,
и стараясь перекричать отчаянный
лай Пеко. Под ударом кирки в пер-
еднюю дверь створка сразу же подда-
лась. Через эту выломанную створку
точас же высунулась голова Пеко.
Это была морда возмущенного, разъ-
яренного зверя. Пеко защищал дом
от врывавшегося в него неизвестного.

Надо отдать этому неизвестному
справедливость, что он не отступил
перед собакой. Минут пять собака
и человек боролись. Работник зама-
хивался на нее киркой, собака изо
всех сил кидалась на дверь, которая
изнутри не поддавалась. Раз как-то кирка
попала в цель и из головы Пеко на его
сверкающие глаза потекла кровь. Раз ог-
ромные когти хватили человека по плечу,
но только разорвали ему рубаху. Но это
разъярило и собаку, и человека, и через
проломленную дверь поднялся ужаснейший
лай, рычание, раздавались воинственные
крики и высовывалась голова Пеко, кото-
рый готов был разорвать человека на куски.
В ответ на голову неотступавшей собаки
дождем падали удары кирки.

Дым стал теперь пробиваться и через
проломленную створку двери. Работник
побежал наз и по фруктовому саду с кри-
кам: «пожар!» «пожар!».

В эту минуту Целия и Говард, вероятно,
уже приближались к дому. На пристани
он поделовал ее долгим поделуем, но стес-
нявшимся окружающей сутолоки. Всю до-
рогу домой, с неудержимым мальчишеством,
от которого разрывалось ее сердце, он
рылся в своем чемодане и извлекал из него
привезенные подарки. Веер из сандало-
вого дерева и перламутра был вложен ей
в руки. Он закутал ее всю в тяжелую злато-

тканную материю. Из
Судана он привез ей
четырнадцать
слонов из сло-
зовой кости. На
счастье! Еще
десять ярдов
бенгальской

ткани, сотканной из шелка и волос
и которая будто бы когда-то принад-
лежала саграна древней Персии. За-
пястья и серьги из Бомбея, и жем-
чужную брошь, которую какой-то из
мелких раджей носил в виде украше-
ния на тюрбане.

А для своего ребенка!

— Дар отца дочери, которую он
никогда не видал, — и
Говард с шутливой тор-
жественностью открыл
ящичек из сандалового
дерева. Это было оже-
режье из восточных то-
пазов и агметистов. Каж-
дый камень был отделен
от другого жемчужиной.

Неудивительно, что
когда поезд привез их
на станцию,
Целия все
еще не на-
шла слов,
чтобы ска-
зать Говар-
ду.

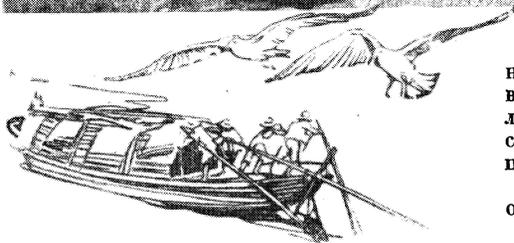
Когда они
шли домой,
перед Цешей встал
весь ужас положения.

— Может быть, на пороге
удастся сказать ему... прежде чем
мы войдем... Если я его крепко обниму...
может быть, там и будет настоящее место
для этого.

У порога их дома, с выломленной створ-
кой двери, работник и еще двое людей бо-
ролись с разъяренной, вспотевшей, вспе-
ненной головой собаки. Удар кирки нанес
собаке рану повыше глаза, но подступа
к дому не было поспрешнему.

Дым, теперь почерневший, продолжал
вырываться из окна, а в дверях окутывал
голову Пеко.

Никто не отдавал себе отчета, как все
произошло дальше. Измученная собака по-
корилась громовому приказанию лечь, хотя
ярость ее все еще не улеглась. Пеко с
трудом сдержался, чтобы не кинуться на
чужих людей с кирками, победивших
вверх по лестнице следом за Целией и Го-
вардом.

— Тихо, Пеко!—И Пеко покорно лежал. Не было ни одной вспышки пламени. Только медленный дым поднимался от матраса кровати.

Гиацинта лежала возле черного пятна на матрасе, который вот-вот готов был вспыхнуть, точно она тут заснула. Она лежала именно в той позе, которая красила ее. Головка скатилась вниз, ручки переплелись, ресницы были опущены.

Она, очевидно, дышала этим дымом, и он без всякой борьбы задушил ее.

— Она была слишком прекрасна для жизни, — сказал Говард, не отрывая глаз от странной прелести, которую придала ребенку смерть. — Такие прекрасные дети не живут!

Систематический Литературный Конкурс

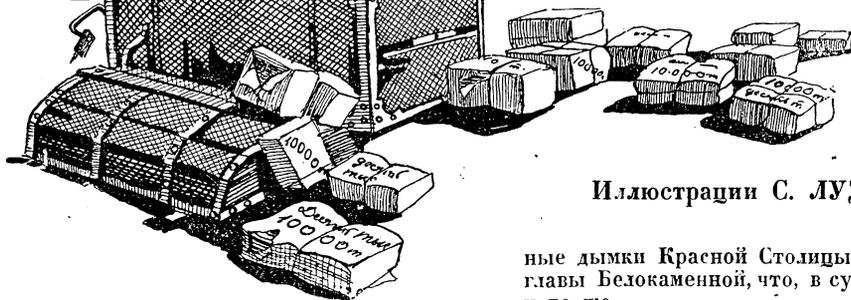
В каждой книжке «Мира Приключений» печатается по одному рассказу на премию в 100 рублей для подписчиков, то есть в течение 1928 г. будет дано 12 рассказов с премиями на 1200 рублей. Рассказ-задача № 1 напечатан в декабрьской книжке 1927 г.

Основное задание этого Систематического Литературного Конкурса нового типа—написать премируемое окончание к рассказу, помещенному без последней, заключительной главы

Цель Систематического Литературного Конкурса—поощрить самостоятельность и работу читателя в области литературно-художественного творчества.

Рассказ-задача № 6

НАСЛЕДСТВО

Иллюстрации С. ЛУЗАНОВА.

От Чертогонска до Москвы — рукой подать. Если, разумеется, руки у вас не слишком коротки. Когда, при наличии конного попутчика до станции, покинуть Чертогонск, скажем, в воскресенье с петухами, то в понедельник, к моменту отхода ко сну кур, можно рассчитывать прибыть к месту назначения, а именно—на стацию Танана.

Погрузиться в поезд, буде он не прошел, плевое дело. Для этого потребуется лишь розыскать нужное лицо, чтобы записаться билетом до Москвы. Искать же его всего целесообразнее в окрестностях ближайших озер, по причине пристрастия названного лица к рыболовному спорту. Во всяком случае, во вторник вы уже будете сидеть в поезде, а в первый же понедельник почти наверное можете приветствовать фабрич-

ные дымки Красной Столицы или золотые главы Белокаменной, что, в сущности, одно и то же.

Таким именно ускоренным способом чертогонские граждане путешествуют со времени революции. До этого они не путешествовали вовсе. Мы, конечно, имеем в виду тех чертогонцев, которые верят в существование Москвы и других населенных пунктов Союза, как в реальный факт. Что же касается тех граждан, в сознании которых реальные географические точки ассоциируются с градом Китежем или островом Буяном, то им, вообще, нет надобности двигаться с насиженного места. По крайней мере, по доброй воле существует сорт беспокойных натур, которые за пределами видимого ими горизонта склонны признавать шевеление иной жизни, манящей и таинственной. Какая-то моральная чесотка, пробуждающаяся довольне

рано, мешает им окулиться по примеру отцов.

Елисей Опенкин принадлежал как раз к этой беспокойной человеческой разновидности. Почесывание в его мозгу началось еще тогда, когда он перелезал из 1-й ступени во 2-ю. Уже тогда родной Чертоговск начал гускнеть в его воображении, как нечто самодовлеющее, как единый центр мироздания. Выражаясь языком астрономов, он уже на грани этих двух ступеней начал допускать «множественность обитаемых миров».

Дело обошлось не без влияния Худенкина Власа. Этот паренек появился на чертогонском ландшафте как-то внезапно, как Незнакомец в опере. Прибыл он откуда-то издалека, откуда именно — Опенкин в то время не мог хорошенько взять в толк. Запомнилось только название Малмыж, да в мозгу отложилось смутное представление о его местонахождении, — где-то по соседству с пастбищем Кузькиных телят, куда нужно и идти, и пасть, и ехать. Как бы ни была таинственна эта точка земного шара, но первая ступень уже сделала свое дело: исходя из положения, что земля, бесспорно, шар, на манер арбуза, Опенкин Елисей мысленно приютил Малмыж под прикрытием отсыхающего стебелька.

2-я ступень перевернула всю Опенкинскую космогонию вверх дном. Малмыж, как населенный пункт, достойный внимания, уступил место более внушительным соперникам, вроде Москвы и Ленинграда. Опенкин начал мечтать уже о путешествии в эти обетованные страны. Но мечтать — это одно, а привести мечты в исполнение — нечто другое.

Если вы бывали в Чертогонске, то несомненно знаете то место, где шикарная Роза Люксембург упирается в слободку Заячьи Ушки, еще не получившую нового названия. В этой обездоленной слободке, за вторым оврагом, как раз на стыке двух Безымянных переулков, догнивает шатровый домик, тот, у которого скворешня сооружена из старой колесной ступицы, — это и есть родовое владение Опенкиных. Здесь увидел свет Елисей, его отец — Евтихий, дед — Евсей, прадед — Евагрий и так далее, нисходя в глубь времен, быть может, к самому Еноху. Когда и кем было установлено — неизвестно, только все представители рода Опенкиных носили имена на «Е» и обязательно неповторяющиеся. Этот же закон распространялся и на входящих в род представительниц подсобного пола.

Когда лет сорок назад Евтихию Опенкину понадобилась подруга жизни, а в Чертогонске не нашлось не использованной на «Е» невесты, заботливый папаша раздобыл в другой губернии некую девицу, привез в дом и сказал:

— Возлюбил жену свою Епихарию, сыномой. Живите, плодитесь и множитесь во славу рода Опенкиных.

Подобное удовольствие, несомненно, подкармливало и Елисея, не зная он однажды

отду, что намерен отправиться в Москву для продолжения образования.

— Куда-а? — протянул отец.

— В Москву, — повторил сын.

Евтихий Опенкин пожевал обкусанную бородку, что у него служило признаком вдумчивого размышления.

— Сколько верстов? — много спустя спросил старший Оепенкин.

— Докуда? — не понял младший.

— Дотуда, докуда ты собралши?

— Порядочно. Несколько тыщенок, я думаю.

Папаша почмокал губами и задал новый вопрос:

— А дойдешь?..

— Почему — дойдешь? Машина довезет.

— Машина? А машина рази про тебя выдумана?

— Машина для всех.

— Так..

Старший долго жевал бороду. Видимо, он был сильно заинтересован, так как через приличный отрезок времени снова заговорил:

— Так.. Только, машина, слышать, дарма не возит.

— Зачем дарма? Надеюсь, папаша, вы раскошелитесь на билет..

— Надеешься? Ну, надейся.. А я тем сроком невестушку тебе пошукаю. Тут, в посаде, сказывали, округляется одна, — Епистимой звать. Девка близко шеснадцати, а у нас полы с революции не мыты..

— Я жениться не собираюсь. У меня стремление открылось, учиться буду. У меня без науки нельзя жить.

— А без денег и подавно.

— Мне только бы на билет, рублей тридцать. А там как-нибудь вывернусь.

— Куда-а? протянул отец.

— В Москву, — повторил сын.

Папаша усмехнулся.

— Ты видел когда, чтоб я деньги из рук выпускал?

— Не доводилось, — подумав, признался Елисей.

— И не увидишь до веку.

— Как есть я ваш единственный наследник... — начал сын, со слабой надеждой размягчить кремь.

— Наследником будешь, когда меня сволокут на мазарки¹. А до того — чтобы я боле глупостей не слыхал!..

На этом разговор кончился. Елисей был несколько огорчен, но не обескуражен. Он стал искать новых путей достижения радужной точки, именуемой Москвой. Про богатство старика Опенкина в Чертоговске ходили легенды. Что послужило к их созданию — трудно сказать, вернее всего — исключительная скупость старика. Никто не мог похвастаться, что видел, как Евтихий Опенкин платил деньги, а получения у него бывали солидные, особенно в те времена, когда старик вел торговлю кожами и шерстью.

Когда началась революция, многие местные купцы и мещане, державшие деньги в банке, похерили их в своей памяти — кто с молитвой, кто с проклятьем. Двое из них, которые не могли перебороть своей натуры, в различное время, но одинаковым способом пришли к логическому концу: — повисли на своих поясах в уборной уисполкома, куда они до окончательного отказа сапог таскались хлопотать о возврате капиталов.

Евтихий Опенкин только посмеивался и приговаривал:

— Пушай, пушай! Шерстки меня лишили, кожи — тоже, а мясо на мне осталось, — крепко к костям приросло...

Всякие торговые операции, разумеется, пришлось ликвидировать. Но старик, как будто, не унывал. Он с утра до ночи сидел на сваленных бревнах около дома и ловил прохожих за польу:

— Что слышно, кум?

— Все то же...

— Сидят?

— Сидят.

— И долго еще просидят?

— Неведомо. Старец один сказывал, будто до антихристового пришествия...

— А скоро оно, это пришествие?

— Неведомо...

— Надо быть — скоро. Знаки есть... Знамения... Ну, ну...

А годы и события, как что-то нездешнее, чужое и враждебное, пробегали мимо сваленных бревен, не больно, но назойливо задевая своим дуновением. Бревна трухлявели, трухлявели и сам Евтихий. В обветшавшем домишке, выгибаясь коромыслом, бродила глухая стряпуха — родственница, да шаркал распухшими ногами старый работник Кузьма, крижистый и нескладный, как и все окружающее. Землица вокруг добрела от перегноя. Бурно росли по задворкам лопух и крапива.

¹ Кладбище.

Рос, как на дрожжах, будущий продолжатель рода Опенкиных, единственный сынок Елесе. Махрово расцветали странности старика, потерявшегося во времени. Как и у всех мещан городишка, у него было одно занятие: решительно ничего не делать. За выгоном был клочек земли. Кузьма ковырял его сохой, сеял и молотил. Стряпуха копалась на огороде, выращивала хрен да редьку. Елисей учился, а старик слонялся по двору, ворчал и ловил прохожих:

— Что слышно, кум?

— Все то же.

— Сидят?

— Сидят.

— И долго еще просидят?

— Неведомо...

Озороватая молодежь сильно изводила старика. Стоило ему чуточку вздремнуть на бревнах, как над ухом раздавались насмешливые голоса:

— Опенкин, кубышку проспишь!

— Проваливай, проваливай, — отмахивался Евтихий.

— Сына с голода морить... Копись, копись, да чорта и купишь!..

— Проваливай, не то стрелю!..

Угроза вызывала новые насмешки:

— У него тыщи в голенище!..

— А сам картошкой руку занозил!..

Шумная уличная детвора — еще назойливее. Эта устраивает около Опенкинского дома целые концерты со сковородками и бубенчиками:

У Евтишки из кубышки
Расотаскали деньги мышки,
Им Евтишка отомстил,
На обед себе сварил!..

Старик гонялся за ребятишками с дубиной и пророчил скорое восстановление арестантских рот. Наругавшись досыта, шел к себе, наглухо заперался и занимался какими-то своими, ему одному ведомыми делами. Если мимо проходил один из двух тысяч кумовьев Евтихия и не видел старика на бревнах, он с равной пропорцией зависти и уважения думал про себя:

— Миллиончика не видать. Должно капиталы считает...

В половине апреля, когда на улицах слободки тщетно боролись со стихией затягиваемые жижей слабосильные бабы и лошади, Елесе начал собираться в далекий путь. Он принял лямку к холщевому мешку и примерил аппарат на себя.

Папаша одобрил:

— Фартово. Хаживал и я так-то...

Сын нашел момент подходящим для возобновления разговора:

— Как же, папаша, можете мне в моем стремлении?

Папаша соображал долго, так долго, что Елесе пришлось повторить свой вопрос.

— Малую толику помогу, — наконец ответил старик.

— Доктором буду, — как бы стараясь вознаградить отца за предстоящие траты, — сказал Елисей.

— Товарищ, вы куда едете?
— И э-эх, куда-куда-куда! И—э-х, на станцию... Эх-да!

— Плевое дело. Кого у нас лечить-то?
— Странно вы рассуждаете, папаша. И вы можете заболеть.

— Опенкины не болеют. Мы — сразу. Дед твой за обедом померши, в одночасье, прадед — в кулачном бою успокоившись. Бабка — в бане. А дяде — неведомо. Никто не помнит. Плевое дело лекарь.. Старушечье занятие.

— Или инженером, — мечтал Елесея.

— Это которые по дорожной части? На кой они леший? Только землю зря копают...

— Допотопные у вас понятия, папаша.

— А пушай! Нам дорог не надоть, мы — тутешние. Было бы сподручно, давно бы провели.

Елесея безнадежно махнул рукой.

В первых числах мая из Чертогонска, по направлению к ближайшей станции Тавана, вышли трое с котомками: Опенкин Елесея, Худенкин Влас и Кондакова Маша, — дочь вдовы — просвирни. Путешественники шибко спешили, — в Москву надо было поспеть не позднее половины августа.

Старик Опенкин сдержал свое слово, по-жог сыну. На прощанье, утирая отсутствующую слезу, он вручил Елесею два двугривенных, из которых один оказался николаевский чеканки.

«Чалый» и Кузьма работали в поле, полутчик не подвернулся, беспокойной тройке пришлось начать путешествие сразу же по образу пешего хождения. В общем они не унывали, имея в виду довольно ясные перспективы: если сложить капиталы всех троих, то набиралось свыше трех червонцев, а потому ребята чувствовали себя бодро и весело.

— Выберемся на большую дорогу, там в полутчиках отбою не будет, — вещал Худенкин Влас, с видом заядлого пешехода, шагая по непросохшему проселку.

— Глядите, мы уже у Лысой Горки! — звенела Маша, указывая на песчаный шихан. — Я здесь в позапрошлом году была. Дальше не бывала. А когда была маленькая, думала, что за Лысой Горкой большая дыра, где кончается свет.

— Свет с тех пор раздвинул свои пределы, — наставительно сказал Влас.

— Насколько — это мы узнаем на практике. Шагай шире, ребята! — шутил Елесея. — Ребятишки, вы посмотрите, как хорошо-то!

Радостный май весело улыбался каждым свежим кустиком. Изумрудом зеленели поля. Свиристыли жаворонки. Стайками порхали разноцветные бабочки. Вверху, среди взбитых сливок, кувыркалось яркое солнце. Выбрались на большую дорогу. Идти стало труднее. Большие выбоины затрудняли движение; наполненные подсыхающей грязью, они казались затянутыми бархатом. Путники свернули на тропинку у обочины дороги. Шагали крупно и размашисто, глубоко вдыхали ароматный воздух, такой пряный и возбуждающий. Говорить больше не хотелось, — странно убаюкивала разноголосая музыка полей. Откуда-то сзади, вдогонку, бежал, нарастая, звон. Откуда-то сыпалось что-то металлическое.

— Это что за музыка? — спросила Маша.

— В толк не возьму... Как будто незнакомый музыкальный инструмент, — недоумевал Худенкин.

Остановились, подождали. Музыка приближалась. Инструмент оказался простой крестьянской телегой. В этом музыкальном сооружении каждая гайка казалась подобранной в тон и исполняла свои обязанности с увлечением. Лошадка с чудовищно раздутым животом напоминала кувшин, положенный боком на четыре тонких подпорки. В довершение сходства, внутри кувшина что-то сильно булькало. На телеге сидел молодой парень в стеганом солдатском жилете. На одном глазу у парня было

бельмо и веко поднималось только наполовину, отчего глаз казался снабженным мигательной перепонкой. Сидя боком к лошадке и лицом к спутникам, он тянул под разноголосый аккомпанимент телеги:

— И-эх, да и-эх, да и эх-ха-ха! Тпрунди да люнди, да га-га-га!..

Мелодия не изобиловала словами и не была особенно выразительна. Музыкант, видимо, учитывал эту слабую сторону и изо всех сил старался пополнить ее другими доступными ему средствами: он припрыгивал на сиденьи, щелкал ботами в обмотках, прищелкивал пальцами, как кастаньетами, и в моменты наивысшего подъема ударял кулаками по надутым щекам, как по барабану.

— Товарищ, вы куда едете? — спросил Влас, когда движущийся оркестрион поравнялся с ними.

У парня оказались в запасе и другие слова: — И э-эх, куда-куда-куда! И-эх, на станцию... Эх-да!..

Парень видел в нескончаемую мелодию озорное словечко, которого Маша не поняла, а Власу и Елесе показалось, будто они слышали, введенные в заблуждение тележным аккомпаниментом.

— Подвезите немного. Мы вас поблагодарим, товарищ.

— И-эх, да седайте, и-эх, да седайте, и-эх, да седайте на ходу, — пропел весельчак и добавил быстрым речитативом:

— Остановиться не могу. Мой рысак, как встал, так — гроб, матери его копейку!.. Догоняй!..

И-эх! Тпрунди — люнди, куда едешь?
Тпрунди-люнди, да на базар.
Тпрунди-люнди, да чиво кушишь?
Тпрунди-люнди, да чирабан!..

— Побежим, — предложил Влас.

Все трое погнались за музыкальной таратайкой, которая значительно успела опередить их. Елеса первый догнал телегу. Парень пошарил в кузове и вытянул Елесю вдоль спины кнутом.

— Эх, ма! Харашо! Да эфто очинь харашо! запел снова парень, к стати хлестнув и своей движущийся кувшин.

— О-го-го-го! — раскатисто заревел парень. — Мыслете муму, кнутом по спине — жик! — Мужик! Мы тоже — грамотные!..

Телега скрылась, а наши спутники еще долго стояли среди дороги, возмущаясь наглостью капельмейстера этого нелепого музыкального ящика.

Первое столкновение с жизнью оставило зудящую занозу в трех юных сердцах и кроме того у Елеси — кровавый рубец во всю спину. За день проглотили верст со: ок. Попутчиков больше не встретили. Под вечер, совершенно утомленные, расположились у дороги отдохнуть. Сознание бочком сползло к далекому перелеску. Потянуло свежим ветерком. Долго дебатировали вопрос: заночевать ли под открытым небом или поискать поблизости жилья и попроситься на ночлег? Пока спорили, на повороте дороги показалась новая телега. Она подвигалась к станции.

— Может подвезет, а? — неуверенно спрашивал товарищей Влас. — Утром будем на станции, тогда выспимся.

— Подожди, братцы, конь как будто знакомый, — всматривался Елеса в приближающуюся подводу.

— Так и есть! — наш «Чалый»! Куда это Кузьма гонит его? — удивился Опенкин.

Кузьма заметил ребят и, остановив конягу, залился долгим, рокочущим кашлем.

— В чем дело? Куда гонишь, Кузьма? — нетерпеливо допытывался Елеса.

Тот только помахивал рукой и трясся от кашля. Когда, наконец, Кузьма получил способность говорить, он коротко сказал:

— Ворочай назад... Старик отходит...

— Куда отходит? — не сразу понял Елеса.

— А уж это не мое дело... Али-бо к богу, али-бо к шишиге... Не бойся, ошибки не будет. Дело ясное...

— Что ж, друзья, вертаться приходится? — виновато заговорил Елеса. — Ну, ничего. Мы потом подгоним. Айда назад!..

Все неохотно полезли в телегу.

— Опоздаем в Москву, как пить дать, — заметил Влас.

— Чего-й-то? — не расслышал Кузьма.

— В Москву, боится, опоздаем! — крикнул ему на ухо Елеса.

— А рази она сбежит, Москва-то? За то с деньгой будешь. У папеньки, чай, тыщи припрятаны. Буде ноги ломать. Не пехтурой, а на тройке покатишь... да...

Старик долго чесал поясницу, очевидно не зная, в какие отношения стать с молодым наследником. Наконец стащил заячью шапку и кланяясь сказал:

— Честь имеем вас поздравить, Елесеи Евтихийч, с наследством и того... Приходится с вас...

Глубокой ночью прибыли в город. Старик Опенкин лежал с раскрытыми остекляненными глазами. У изголовья горела керосиновая лампочка. Рядом на табурете сидела страпуха Фекла в очках с одним стеклышком и вязала чулок.

— Что? — тихо спросил Елеса.

— А ничего. На мазарки надоть. Оттопал наш миллионщик-то. О-хо-хонюшки.

Фекла зевнула и почесала спицей у себя в голове. Елесе не верилось, что отец умер. Необычный затрапезный вид старика, одетого в старый халагик, ни сонное равнодушное Феклы, ничто не внушало мысли о смерти.

— О-хо-хо!.. Ну, я пошла спать, глазоньки что-то спяпаются, — сказала Фекла. И только уже у порога покосилась на покойника, вздохнула и добавила: — Вот так-то и мы...

Евтихия Опенкина похоронили. Никаких ценностей в доме не оказалось. Елеса обшарил все углы и ничего не нашел, кроме мелочи, — рубля на три. Когда Елеса сообщил об этом Кузьме, тот не поверил.

— Не чисто тут. Большое богатство должно быть. Вся округа знает. Да ты под полками шарил?

— Противно мне все это, — недовольно ответил Елесья.

— Противно? А может и так.. А то в горенке пошарили бы, где постель у них стоит. Постель они часто отодвигали..

Странное чувство испытывал Елесья. С некоторых пор стало ему казаться, будто под ногами у него не твердо. Что вот-вот размякнет земля, по которой он так любил бегать, и начнет затягивать его своею маслянистой клейкостью. И в Москву-то он старался убежать, чтобы избавиться от этого неприятного ощущения. Пока продолжалась возня с похоронами отца, неприятное чувство вrostания в землю еще более усилилось. По вечерам, когда сказывалась усталость, казалось, будто ноги медленно, но неуклонно уходят в выбухшие пески. Все это досадливо будоражило нервы.

— Бросить все и бежать..
— тоскливо думал Елесья. —
Вот завтра же везу запретъ

Чалого — и на станцию! — принял он, наконец, бесповоротное, как ему казалось, решение. Вечером возился в комнате отца. Под ножками изголовья кровати ясно обозначался квадрат люка, ведущего в подполье. Елесья вспомнил, как в детстве его пугали этим подпольем и как он панически его боялся. И сейчас, отодвинув кровать, он не сразу открыл люк, а довольно долго старался сообразить, стоит ли ему спускаться в это мышиное царство?

Любопытство взяло верх над инстинктивным отвращением. Елесья попытался приподнять западню — не тут-то было, — западня не поддавалась. Заинтересованный этим обстоятельством, он с улыбкой соображал, какой род сложного потайного механизма придумал его батя, чтобы уберечь от любопытного взгляда свою сокровищницу?

Сверху нельзя было заметить никаких следов скрытого механизма. Елесья принес топор и отворотил несколько досок. Ничего! Под полом — небольшое углубление. Паутина, сор и вековая пыль. Ни малейшего намека не только на скрытые сокровища и потайные механизмы, но и на самое подземелье.

Поэтому — то стало легко и весело.

— Люк — фальшивый! — подумал Елесья и сейчас же откуда-то явился неожиданный философский вывод:

— Как часто жизнь пугает нас фальшивыми западнями..

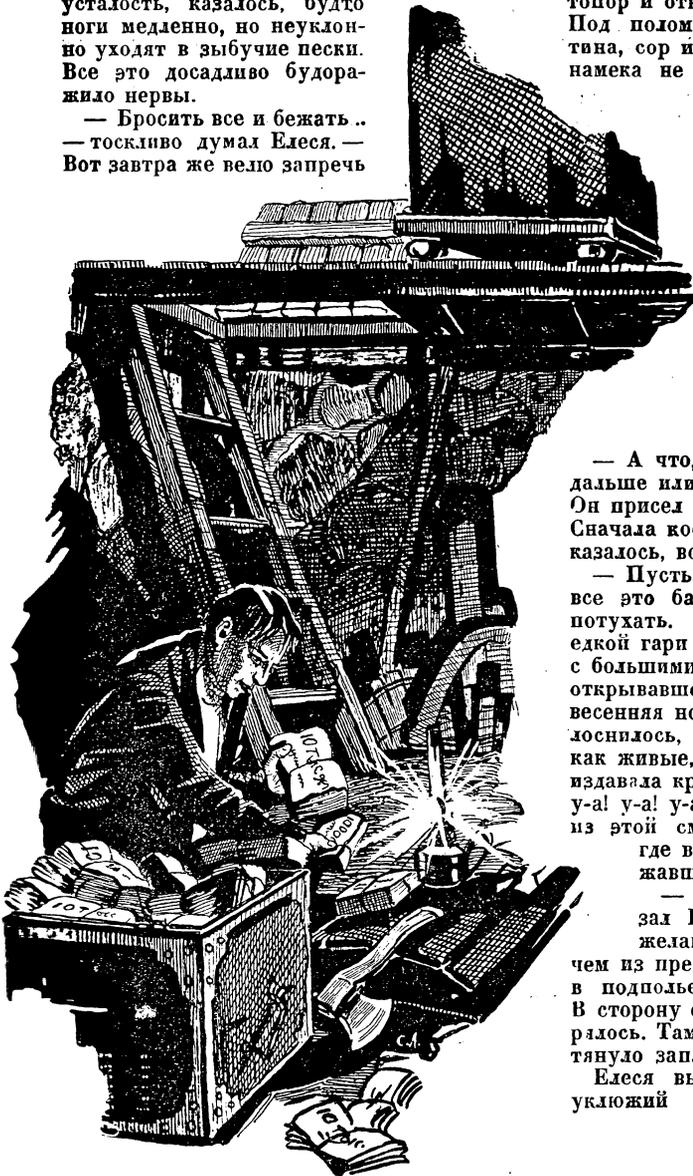
Елесья закурил папиросу. Случайно уронил непогашенную спичку в подполье. Там сейчас же вспыхнула паутина и какой-то мелкий сор. Разгорелся небольшой костерик.

— А что, если не загасить, разгорится дальше или погаснет? — соображал Елесья. Он присел на корточки и стал наблюдать. Сначала костерик пылал ярко и весело и, казалось, вот-вот разгорится в пожар.

— Пусть! — решил Елесья. — Кому нужно все это барахло? — Но костер скоро стал потухать. Зачадило. Запах удушливой едкой гари наполнил всю комнату. Елесья с большими усилиями распахнул окно, не открывавшееся десятки лет. Стояла темная весенняя ночь с морозцем. Небо бархатисто лоснилось, переличато мигали крупные, как живые, звезды. Какая-то птица в саду издавала крик, похожий на детский плач: у-а! у-а! у-а! Неудержимо потянуло прочь из этой смрадной, промозглой клетушки, где воздух давил, как воюющая, слезавшаяся перина.

— Даже костер погас! — вслух сказал Елесья и засмеялся. Больше из желания избавиться от смрадной гари, чем из предосторожности, Елесья спустился в подполье и затоптал глеющий мусор. В сторону окна подполье несколько расширилось. Там чувствовалась большая пустота, тянуло заплесневелой сыростью.

Елесья вылез и отодвинул тяжелый, неуклюжий комод. Под комодом оказалась

другая западня, — с кольцом. Елеса приподнял ее и по расшатанной приставной лесенке спустился вниз, захватив с собой лампочку. Сыро, смрадно, ослизло. Стены выложены булыжниками. Какой-то отвратительный хлам, гниющие половики, рассыпавшиеся кадушки. Тяжелый, обитый по краям железом, сундук с выпуклой крышкой — укладка. Заперто. Елеса попробовал приподнять за ручку — ручка осталась в руке. Сгнило. Должно быть старые книги. Отворил крышку топором, — так и есть: —

книги. Аккуратно завернуты в синюю и серую бумагу, перевязаны бечевками. Взял одну пачку в руки. Какая-то полустертая надпись не то углем, не то смолой. Поднес лампочку, разобрал:

10.000.

И прописью:

Десять тысяч.

Елеса стал выкидывать пачки наверх. Когда выкидал все, выбрался сам и долго молча стоял, тупо созерцая эту оригинальную «библиотеку».

УСЛОВИЯ ЛИТЕРАТУРНОГО КОНКУРСА

1) Читателям предлагается прислать на русском языке недостающую, последнюю, заключительную главу к рассказу. Лучшее из присланных окончаний будет напечатано с подписью приславшего и награждено премией в 100 рублей.

2) В Систематическом Литературном Конкурсе могут участвовать все граждане Союза Советских Социалистических Республик, состоящие подписчиками «Мира Приключений».

3) Никаких личных ограничений для конкурирующих авторов не ставится, и возможны случаи, когда один и тот же автор получит в течение года несколько премий.

4) Рукописи должны быть напечатаны на машинке или написаны чернилами (не карандашом!), четко, разборчиво, набело, подписаны именем, отчеством и фамилией автора, и снабжены его точным адресом.

5) На первой странице рукописи должен быть приклеен печатный адрес подписчика с бандероли, под которой доставляется почтой журнал «Мир Приключений».

Примечание. Авторами, состязующимися на премию, могут быть и все члены семьи подписчика, а также участники коллективной подписки на журнал, но тогда на ярлыке почтовой бандероли должно значиться не личное имя, а название учреждения или организации, выписывающей «Мир Приключений».

6) Последний срок доставки рукописей — 1 июля 1928 г. Поступившие после этого числа не будут участвовать в Конкурсе.

7) Во избежание недоразумений рекомендуется посылать рукописи заказным порядком и адресовать: Ленинград 25, Стремянная, 8. В Редакцию журнала «Мир Приключений», на Литературный Конкурс.

8) Не получившие премии рукописи будут сожжены и имена их авторов сохранятся втайне. В журнале будет опубликовано только общее число поступивших рукописей — решений литературной задачи.

9) Никаких индивидуальных оценок не премированных на Конкурсе рукописей Редакция не дает.

Следующий рассказ на премию в 100 рублей будет напечатан в июньской книжке «Мира Приключений».

ОКОНЧАНИЕ КОНКУРСА № 3

Решение рассказа-задачи „МОИ ПРЕВРАЩЕНИЯ“

На 3-й Конкурс поступило 71 решение. Из них подписчицами прислано 14 заключительных глав. Можно было бы ожидать большего количества женских решений, так как ведь в рассказе ставился, между прочим, и вопрос о силе женского влияния на мужскую психику, да еще при довольно необычных для главного персонажа условиях.

Основным моментом заключительной главы является решение: остался ли Феникс Иванович в тихом селе на Волге или снова пустился в свое прежнее бурное плавание. И большинство в 38 голосов отвечает, что он остался. 31 голос высказывается за его уход. По любопытному совпадению, некоторые даже одними и теми же безнадежными словами мотивируют свой ответ: «горбатого могила исправит». 2 рукописи не решают вопроса вообще.

В общем читатели отнеслись серьезно к предложенной литературной задаче и выполнили ее с известным тщанием.

По форме—большинство присланных рукописей представляет собою правильное и выдержанное по тону и манере продолжение основного повествования. Диссонансом звучит одна только заключительная глава, к сожалению, напоминающая курьезные выдержки, как-то приведенные, если не ошибаемся, «Красной Газетой» из некоторых ученических сочинений. Там автор писал: «Уже давно тому назад жил Евгений Онегин. У него была шмара Татьяна». Здесь некто пишет: «Между нашими губами произошла смычка». «Мои губы активно воздействовали на нее» и т. д. В заключение автор посылает спасшегося от пожара и Соню, радостными и бодрыми, с котомками за плечами, в Крым, где они находят следы первобытного человека, продают свои древности в музей и зарабатывают хорошие деньги. Не ради глумления над автором, вероятно, читающим мало книг и черпающим свой лексический запас только из газет, мы привели и эти характерные антилитературные выражения, и содержание его главы. Автор дал, что мог, и по-своему рассуждал правильно. Чутье ему подсказывало, что натуры и привычки Феникса и Сони, как и пути их жизни,—прямо противоположны, и он нашел своеобразный компромисс, конечно, психологически неверный, но все же свидетельствующий о добросовестной и сильной работе над задачей.

Как же, однако, нужно было решать ее? Как подойти к ней? С такими недоуменными вопросами в обширном и прекрасном искренности своею письме обращается к нам один студент Рабфака Ленинградского Университета, излагая принципы, которыми он руководился, когда писал свою заключительную главу. Он хотел, чтобы «факторы, действующие на героя рассказа, были присущи современному общественно-материалистическому пониманию»... Он «очень боялся, чтобы не было, как сейчас говорят, в идеалистическом тоне». Это правильно. Так и нужно было подходить, обсуждая сложную неустойчивость психики «героя», его печальное прошлое и необычайное настоящее, куда ярким лучем ворвалась Соня с ее любовью. Но автор не замечает что он помимо воли, даже против воли, впадает сам именно в «идеализм»—с другой стороны... Феникс Иванович у него рассуждает: «Достаточно ли будет помощи Сони, ее влияния, чтобы исправить такого вывихнутого человека, как я? Разве не будет у меня еще другого общества, другой помощи, другого влияния? Да. Оно почти есть. Ну, хотя бы комсомольцы? Они здоровые, молодые, полные энтузиазма благодеяний—разве не вольют в мою душу здоровой влаги жизни, разве не окажут своего влияния на меня, разве не облегчат задачу моего перерождения, если я буду работать и приносить им и всему обществу пользу» и т. д.

Автор письма не «учитывает», однако, что преступно легкомысленный проходимец не мог написать такой аполонии комсомольской молодежи. Сам он, конечно, не комсомолец и чужд комсомолу; конечно, не имел возможности наблюдать близко комсомольцев; конечно, среди своих уголовных походов и скитаний под мостами не мог систематически следить за комсомольскими газетами и журналами. Откуда же эта вера и упование и такая блестящая и удивительная со стороны бесспорно «вредного социального элемента» характеристика комсомола? Автор далее заставляет Феникса спасти какого-то ребенка из горящей избы, мотивируя это тем, что «у него заговорил внутренний голос,—так сказать—самца, вызванный чисто биологическими законами». Нужно ли пояснять, что это—совершенно искусственная подстановка мотива действий, противоречащая в корне и идеалистическому «энтузиазму благодеяний». Можно вполне уверенно сказать, что весьма многие комсомольцы, да и не комсомольцы только, бросились бы спасти ребенка, но уж понятно не влекомые голосом самца. Мы остановились более подробно на этом труде неизвестного автора потому, что он показателен. Стремясь практически подойти к жизни, автор на самом деле оторкся от живой жизни, весь занятый схематическими построениями. И этим испортил свою работу. Сопоставление его главы с премируемым окончанием рассказа, написанным членом провинциального Рабоче-Крестьянского Клуба, для вдумчивого читателя еще сильнее подчеркнет и пояснит разницу между живым беллетристическим восприятием жизни и искусственным, публицистическим построением ее.

По существу почти все решения материалистические. Да и какими иными они могли здесь быть? Их прямая противоположность зависит непосредственно от того, пессимистические или оптимистические смотрит сам автор на жизнь. Отсюда и главное деление всех присланных окончаний на две основные группы с большим внутренним разнообразием индивидуальных ответов.

Вот наиболее интересные пессимистические решения вопроса: Феникс при помощи стамески взламывает сундук, крадет деньги вдовы, неожиданно встречает Сою и отдает ей деньги. Он уходит и хочет «убить в себе несносное существо, пытавшееся отнять у него свободу».—Приезжает к Соне дядюшка из Самары, хорошо знающий весь состав Желрыбы. Феникс встревожен и торопится унести ноги.—Хороший и литературно-написанный рассказ прислала подписчица К., к сожалению, занявшая 17 страниц плотной машинписи для «краткой заключительной главы» и много превысившая одной главой объем всего рассказа. По версии этого автора, Феникс ушел. На 10 лет присужден к тюремному заключению. В тюрьме его принимают за шпиона, калечат. Он мечтает о Соне и после амнистии, в качестве носильщика, берет вещи Соны и ее мужа нести на пароход. Соня шумлива, как примус. Суетится, безтолково кричит. Разочарование Феникса.—В одном решении Феникс хочет уйти. Кто-то душит Татиану Петровну. Обвиняют Феникса и забирают его. Соня смотрит презрительно на недавнее свое увлечение.—Две заключительные главы близки по содержанию. Феникс идет купаться на Волгу. Встречается с двумя школьными товарищами, путешествующими в лодке из Ленинграда в Астрахань. Сразу (через 15 лет!) узнают друг друга, и он уезжает с ними. Или: встречает бродягу, вспоминает прошлое и уходит с незнакомцем.

В этой группе есть любопытные решения со специфическим злободневным духом. Какой-то пессимист уверяет, что Феникс не открыл Соне, что он платит кому-то алименты, так как тогда Соня не простила бы ему печальное прошлое. Пока он ухаживает и за дочерью, и за матерью.—У другого автора, по невероятному совпадению, в Мурзаеве находят среди спасенных с парохода вещей документы агента Желрыбы Феникса Ивановича Красницкого. Феникс берет их себе. Соня рада, что ее возлюбленный не

бродяга. Среди документов газета, из которой видно, что у Краснидкого уже три иска об алиментах. Соня разочарована и уезжает.—Третий автор (женщина) живописует еще ярче. Соня раздобыла документы какого-то Рябова. Феникс женится. У него с Соней дети. Вдруг с далекого юга получается исполнительный лист на взыскание с Рябова алиментов в пользу Лии Рувимовны. Приезжает и она сама. Соня перестает существовать для Феникса, и Лия Рувимовна берет его, «как приз» в сети чувственного увлечения. И откуда-то у Феникса неожиданно появляются такие невяжущиеся с его жизнью философские рассуждения. «Семья—плод недомыслия, семья—общее несчастье всех поколений человечества. Долой семью».

Наиболее пессимистически настроенные авторы представляют себе, что: Феникс украл деньги, поглумился над Соней, превратился в немца Феликса Баудера... или: объяснился в любви мамаше и с бумажником уехал... или: по ошибке обнимает под утро мамашу, получил оплеуху, его выгнали... или: выбирал из сундука костюмы, нарвался на мать и сделал ей предложение. Такие решения, во всяком случае, не истекали из условий задачи. Там не было и намека на фарс и пошлость.

Романтически настроенные авторы обнаружили большую изощренность. Один заставляет уходящего Феникса написать исповедь. Он убил отца, бывшего провинциального воинского начальника, сделавшегося потом крупье.—У другого автора—прямо «американский» кино-фильм для постановки в Ленинграде. Феникс бежит к полякам в Варшаву. Соня прилетает туда на аэроплане, правда, со шпионом, но ничего общего с ним не имеет, а остается в Варшаве, чтобы перевоспитать Феникса для ожидающейся социальной революции. У третьего—Феникс назвался писателем. Ему приготовили стол и поставили хорошо знакомую ему по прежней жизни чернильницу со сфинксом. Эту чернильницу где-то приобрел следователь и подарил Соне. И глубоко огорченный Феникс уходит, чтобы нырнуть глубоко на дно... Четвертый автор заставляет Феникса колебаться. Он даже хочет сам заявить о себе в угрозыск... Через 2 дня Волга выбросила на берег голого человека. Приходится думать, что это—неизвестно как погибший Феникс.—Пятый автор:—о Фениксе справляется милиция. Он уходит, оставляя Соне письмо, что он ее родной брат, когда-то пропавший... Наконец, один автор нашел среднее решение для бродяги по призванию: Феникс и остался, и уехал, и бродяга, и легализован: ему дали в заведывание какой-то вагон-читальню, вечно передвигающийся.

В группе оптимистически настроенных авторов, заставляющих героя повествования начать новую жизнь, резко выделяются три течения: 1) благополучно доводящие Феникса до тихой пристани; 2) требующие все таки возмездия за прошлое и 3) не верящие в прочность исправления и считающие возврат к былой жизни неизбежным.

И тут любопытные варианты, и здесь интересные и характерные по замыслу и внутреннему смыслу решения. Например: Феникс отправился к директору маслобойного завода поступить простым рабочим, переехал в общежитие и видится с Соней.—Еще более романтично и наивно заключение: уехал и через год обновленный вернулся к Соне.—Феникс остался, мечтает сделаться членом партии, руководителем драматического кружка. Все устроилось, ему дали труднижку, и счастливая Соня говорит: «теперь уже вы не голый!»—Или: признается властям, получает прощение (?) и паспорт, женится на Соне.—Или такое, совсем невероятное решение: «Зав» сыпного пункта встречает Феникса по дороге в Мурзаево, принимает его за назначенного ему помощника, все устраивает, улаживает. Феникс делается литератором, бросает службу. Теперь едет по Волге с Соней и сыном.—Вот наивное решение, показывающее, что автор хотел бы все предоставить слепому случаю: Феникс делает два билета: остаться? или уходить? Пред-

лагает Соне решить жребием. Та отказывается, и тогда Феникс предоставляет девушке просто выбрать. Конечно, выбор падает на «остаться».—Мало понимает характер действующего лица и автор, заставляющий Феникса, под влиянием перемен погоды (сторона описательная не плоха), то собираться уйти, то остаться. Погода решает, что Фениксу нужна оседлость.—Так же маловероятен и следующий исход: Феникс поступает на грузовой пароход. Среди тяжелой физической работы пишет рассказ на премию. Получает тысячу рублей и телеграфирует Соне.

Варианты второго течения авторской мысли, требующей расчета с прошлым, но вносящей и проблески света в это чистилище, видны из следующих примеров. Феникса арестовали в Мурзаеве. Соня выручила, доказав, (?) что он не тот, кого ищут. Феникс ведет хозяйство, руководит драмкружком и библиотекой и т. д.—Феникс сам на себя донес в Мурзаево и его тут же приговорили на 6 месяцев (невероятно!).—Феникс совершил до поездки по Волге крупную кражу из банка. Теперь его узнали агенты угрозыска. Посадили в тюрьму. Соня навещает его.—Попадает в тюрьму и снова возвращается к Соне.—Эффектно сделан такой вариант: В Мурзаевском Сельсовете Феникс заполняет анкету. Приезжий следователь берет ее, а затем огорашивает Феникса, перечисляя все его прежние вымышленные имена. Феникс сознается. Ему сообщают, что три года придется сидеть. Соня заявляет следователю, что желает тут же, в этой комнате, в столе Зага, «записаться». Следователь изумлен. Через несколько минут Феникс и Соня—муж и жена перед долгой разлукой.

Третье течение в одном рукаве своем представляет кое-что любопытное для характеристики мужской психологии самих авторов. Мы вправе это сказать, потому что автор рассказа не давал ни одного намека в этом отношении, и заключения писавших последнюю главу совершенно произвольные. Центром становится у этих авторов беременность Сони, «внушающая отвращение». Вот образцы.—Феникс остался, он влюблен, готов обнять весь мир. Но Соня забеременела. У Феникса явилось отвращение. Он задушил старуху мать, обокрал и ушел.—Или: Феникс остался, сделался секретарем Сельсовета, потом казначеем его. Соня забеременела, Феникс захватил казенные деньги и бежал.

Куда же однако, к какой из групп примыкает сам автор всего рассказа? В своей последней, не напечатанной главе, он оставляет Феникса в тихом приволжском уголке. На долго ли? Этого автор не берется решить. Было ли превращение Феникса последним, или случайности жизни снова толкнут его по разным дорогам? Этот вопрос даже не ставится автором.

Но читатели поставили его и решили в двух направлениях—противоположных, но в равной мере жизненных и литературных. В виду этого Редакция присуждает не одну, а две премии: обычную в 100 рублей и добавочную поощрительную в 50 р.

Премию в 100 р. на Конкурсе № 3 Систематического Литературного Конкурса «Мира Приключений» 1928 г. получает

НИКОЛАЙ КОНСТАНТИНОВИЧ ВАСИЛЬЕВ

(г. Майкоп, Северо-Кавказского края)

Поощрительную добавочную премию в 50 руб. получил

ВАСИЛИЙ ДМИТРИЕВИЧ КУЛЬБАКИН

(ст. Павловская, Кубанского округа, Рабоче-Крестьянский Клуб)

За следующие заключительные главы к рассказу:

== МОИ ПРЕВРАЩЕНИЯ ==

1-й ВАРИАНТ (Пессимистический)

... Нельзя не сознаться себе в том, что все предыдущие мои рассуждения чрезвычайно напоминают ту самую «хлестаковщину», которую я только что столь красноречиво бичевал. Я вздумал изобразить из себя так называемого хорошего человека, то есть, вернее, хотел заставить других людей поверить, будто во мне, все-таки, несмотря ни на что, больше хорошего, чем дурного. Но, ведь, на весах всегда неизбежно перетягивает то, чего больше и что тяжелее. И поэтому я решил, что эти женщины, неведомо для себя самих, должны помочь мне в новом моем превращении, — последнем или не последнем, — кто может сказать?

Жребий брошен, и игра начата... — в то время, как другие считают ее чуть ли не оконченной. В домике на Волге царят суэта и волнение. Я — жених Соны. Ее мамаша в восторге и временно даже как будто забыла трудячку и мою предполагающуюся поездку в Мурзаево. Это очень хорошо, так как в действительности я уже побывал не в Мурзаево и сумел раздобыть себе паспорт, — только не с известным ей, а совершенно другим именем. В ожидании дальнейшего, я осушаю до дна сладкую чашу домашнего благополучия; я вкусно ем и пью; я пользуюсь огромным, почти безграничным доверием Татьяны Петровны; я даже написал пару новых стихотворений; наконец, я постоянно ловлю на себе долгие, нежные, полные доверчивого обожания взгляды моей невесты и, как влюбленный Аркадий пастушок, делаю теплые, мягкие ручки, украшающие цветами мою голову... Поистине, изумительнейшее из изумительных превращений Феникса Ивановича!

Я уже сказал, что пользуюсь безграничным доверием моей будущей тещи. Будущей!.. Какой злой, едкой иронией звучит в моих ушах это слово! И ради того, чтобы прогнать от себя подальше все эти темные призраки раскаяния и ненужных колебаний, я перестаю раздумывать и взвешивать... Я — решаюсь... Ведь, стоит только протянуть руку... И разве я не сказал еще в самом начале, что подобные мне люди не думают и не заботятся о грядущем, ни к кому не привязываются, никого не любят, не знают никаких предрассудков, но лишь минуту удачи?

Сегодня утром я спросил Соноу, серьезно ли она думает, будто для такого человека, как я, возможно, под влиянием женской любви, переродиться настолько, чтобы из глубины своего падения подняться (или, впрочем, может быть, еще ниже опуститься, — это зависит от точки зрения) — до уровня ее добропорядочного идеала?

— Вы все и не падали никогда: вы просто сделали много ошибок, а теперь

перед вами явилась возможность вполне, вполне исправить их, — воскликнула она, как и всегда, с наивной пылкостью.

— И ты согласишься, Соня, в то, что я сумею и захочу воспользоваться этой возможностью? — Задавая последний вопрос, я почувствовал легкий, еле ощутимый, но тем не менее почти мучительный укол в том месте, где у всех порядочных людей, как говорят, бьется сердце. Может быть, мне стало чутьочку жаль Соноу. Я взял ее руку и несколько минут мы оба молчали сентиментально, прислушиваясь к шуму реки под обрывом.

— Ну, конечно же верю, — промолвила она, «не то убежденно, не то робко. — Не нужно и спрашивать об этом так часто...

... Осторожно отпустил ее руку и встал со скамейки, на которой мы сидели.

— Горбатого могила исправит, милая моя девочка, — сказал я, чувствуя себя в эту минуту негодяем наивысшей марки и в то же время очень красноречивым и умным психологом. — Запомните это раз навсегда — вы обе, с Татьяной Петровной. В жизни нельзя быть идеалистами, нельзя верить в силу так называемого добра и думать, что в человеческой душе оно всегда пересилит зло. В большинстве случаев бывает как раз наоборот. Единственное, что остается в утешение не исправимым идеалистам — это надежда на то, что хоть на одно мгновение их ошибочной вере в чужую порядочность удалось пробудить в не порядочном существе сожаление о собственной низости.

Соня слушала внимательно и глядела на меня с немым обожанием.

— Как красиво вы говорите! — прошептала она, как во сне.

... Я посмотрел на нее, улыбнулся невольно и пошел прочь.

... Последняя глава моего рассказа подходит к концу или даже уже кончена. Я — в новой фазе моих бесчисленных превращений. Поезд мчит меня — владельца приличного английского костюма, солидного чемодана и не менее солидной суммы червонцами... куда, я и сам хорошо не знаю... Впрочем, билет мною взят на одну из узловых станций далекого Юга, откуда пути широко и гостеприимно открыты для меня на все четыре стороны. — Кто я? — Я — г-н Икс, — может быть, нэпман, а может быть, и проезжая знаменитость литературного или театрального мира, или, наконец, известный врач, или просто скачущий сибарит-иностранец, — а в действительности... Да неужели же вы, в самом деле, еще не угадали, кто я? Странно! — А между тем поезд так внятно, так навязчиво выстукивает громче и громче: «Вор-вор-вор-вор-вор», что мне кажется, весь мир слышит и понимает...

Да, я — вор!.. Я воспользовался доверием этих двух добрых женщин и ночью... обокрал их, добравшись с давно приобретенной за мою обширную практику ловкостью до заветного сундучка Татьяны Петровны. Наверное, они раньше хватились меня, чем заметили исчезновение денег... И какой же подвиг был тогда, наверное, переполюх!..

2-й ВАРИАНТ (Оптимистический)

... Быстро подхожу к столу и на первом попавшемся листке бумаги энергично пишу записку Соне. Извиняюсь за внезапный уход, объясняю его причины и уверяю в скором возвращении...

А когда восток окаймился пурпурным багрянцем, я был уже далеко за пределами так гостеприимно принявшей меня деревушки.

Дорогой детально проработал план действия, внезапно осенивший меня часом раньше и направленный к единой двигающей меня цели. Если расчет окажется верным и все задуманные мероприятия будут осуществлены, тогда можно уверенно сказать, что новое, недавно зародившееся во мне существо, получит удовлетворение... А Соня! Она будет так рада. Снова я буду иметь возможность ощущать ее возле себя, снова увижу ее внимательные, влюбленно-доверчивые глаза... Вместе с тем прекратятся мои тяжкие испытания бролячей опостылевшей жизни, так же, как и мои «чудесные превращения». — Превращение в общественного работника должно стать последним превращением. Своей работой в будущем я должен искупить преступления прошлого...

В Мурзаеве сон уже был изгнан, и по улицам кипела жизнь. Навстречу мне двигалось стадо коров, издающих добрый, утренний рев. Где-то, совсем близко, блеяли овцы, пели петухи, рассыпчатыми трелями заливались пернатые жители стены. И только этот хор жизни разбудил меня, витавшего в облаках мечтаний о новом будущем.

Найдя председателя сельсовета, крепкого, размеренного в своих действиях мужика, я пространно и по возможности убедительно рассказал ему весь ход событий с момента «исторического» прыжка с горящего парохода. Затем сообщил ему вымышленную историю с «Желрыбой» и... попросил у него работы для того, мол, чтобы привести себя в «божеский вид».

Работу мне дали; вместе с плотником, русым, неуклюжим детничей неопределенного возраста, с фантастической прической волос, напоминавшей куделю тамбовской пряжи, мы огораживали площадь земли в две десятины для посадки фруктовых деревьев к предстоящему «Дню леса».

Таким образом, первая часть моего плана: достать денег и пробыть где-нибудь столько, сколько это нужно для «поездки за трудяжничкой» и в несуществующую «Желрыбу», — была выполнена. Без документа немисливо было возвращение к доброй вдовушке. Она, конечно, не могла бы

Не знаю, может быть, мне и жаль немного Соню и ее детски-наивного обожания. Но, впрочем, я, ведь, предупредил ее, как честный человек, а понять или не понять зависело уже от нее самой.

Каково-то будет следующее мое превращение?

Н. К. ВАСИЛЬЕВ.

примириться с мыслью, что муж ее дочери — молодец без роду и племени. Проще и лучше всего раздобыть вид на месте. Но для получения документа нужно иметь полное доверие местной власти, которая поверила бы мне на слово при составлении книжки.

В этом помог мне случай, помогавший мне часто и раньше в прежней безалаберной жизни, полной чудесных случайных превращений.

Пользуясь отсутствием хороших докладчиков, нужных к проведению «Дня леса», я, как бы невзначай, предложил председателю сельсовета:

— Если хотите, сделаю доклад...

Тот обрадованно согласился. Тщательно подготовившись, подгоняемый своей целью, я сделал вдохновенный доклад, которому, наверно, позавидовали бы многие современные ораторы. Это сразу подняло меня в глазах местной власти. Называть меня стали не иначе, как «Феникс Иванович» или «тов. Волгов», как я себя назвал в честь моего последнего волжского превращения. А когда я принял участие во всей хозяйственной работе села и активно стал содействовать проведению общегосударственных мероприятий, распространяя обязанности Крестьянского займа, проводя работу по расширению страховой кампании, то доверие партийных и советских органов стало ко мне безграничным. Секретарь партячейки говорил мне:

— Тов. Волгов, почему бы тебе не остаться у нас? Мы тебе найдем работу, дадим квартиру. У нас так мало хорошо грамотных, развитых людей...

И когда я, в конце концов, сказал председателю, что хотел бы устроиться в соседней деревушке, не скрыв истинных причин этого побуждения и намекнул, что для этого мне необходимы документы, он без колебаний распорядился их выдать...

Дальнейшее уже совсем не представляет интереса. Меня устроили избачем. И здесь я показал себя развитым и сразу освоившимся с работой человеком.

И в настоящую минуту, обончав свою повесть, держа на руках маленького «Фениксевича», я говорю Соне:

— Знаешь ли, Соня, что я открыл. Ведь по существу я старше Владлена всего лишь на один год. Ему отроду один год, а мне... два. Не правда ли?

Улыбаясь, Соня отвечает мне: — Да.

В. Д. КУЛЬБАКИН.

Астрономическая юмореска Д. ПАНКОВА

Иллюстрации Н. КОЧЕРГИНА

ОРГАНИЗАЦИЯ ПУТЕШЕСТВИЯ

Я давно мечтал побывать в междупланетном пространстве. Оттуда весь звездный мир мне представлялся бы в совершенно ином виде, так сказать, перетасованным, с другим расположением созвездий, в ином освещении, с новыми объектами. И солнечная система, весьма загадочная, несмотря на успехи астрономии, вероятно, открыла бы мне не одну свою тайну.

Но как проникнуть туда? Где тот воздушный корабль или ракета, которые могли бы пронестись со мной хотя бы по нашей солнечной системе, человеческой космической родине? О междузвездном мире я уже не мечтал. Я долго ломал голову над этим вопросом, но, наконец, додумался. Чорт — вот кто меня повезет! Правда, с приходом советской власти черти были упразднены вкупе с царями и князьями. Ну, а вдруг на мое счастье кое-кто из чертей и остался на советской территории? Чем, в самом деле, чорт не шутит? Надо не полениться и поискать.

Вставал второй вопрос: где бы могли водиться черти? Я стал вновь соображать и сообразил: конечно, там, где больше соблазну для человеческой души. Испокон веку черти терлись вокруг всякого рода искусства: танцев, музыки, скульптуры, театральных зрелищ. Увлечется человек эстетикой, забудется, а чорт тут как тут: цап душу у ротозея и был таков! И когда меня осыпала эта догадка, я отправился на

один из самых красивых балетов: «Конек-Горбунок». И можете себе представить — не ошибся! Ах, сколько здесь оказалось чертей! Однако, увидеть чорта и полететь на нем не одно и то же.

Опять являлся вопрос: как его использовать? С присущей мне сообразительностью я и тут нашелся. Я подметил, вероятно, безработного чорта, ибо он шатался один по фойе театра. Я вспомнил, что во все века и у всех народов лицо, желавшее овладеть бесом, хватало его и осеняло крестным знаменем. Чорт тогда делался беспомощен как таракан, и у него можно было получить, что хочешь. Я решил действовать без промаха. Делая вид, что не обращаю на него внимания, я стал подкрадываться к нему, когда подошел достаточно близко, вдруг сделал скачек и крепко схватил одною рукою за хвост, а другою стал крестить его со спины.

Чорт от неожиданности подскочил, потом быстро повернулся ко мне. Морда его изображала величайшее изумление. Но, почувствовав на спине прикосновение моих крестящих пальцев, он залился хохотом. Хохот его был визгливый, скрипящий, как будто хохотала намазанная дверь.

— О-хо-хо-хе-хе-хе! Цхе-цхе-цхи-цхи! Цхи-цхи-цхи! Бросьте, гражданин, хвост... Вель, чтобы верить, что крест помогает против чорта, нужно в бога верить, а вы — сознательный, — и вдруг спину мне крестите... О-цхе-цхе-цхе-цхи-цхи! Вот разололжил! О-хо-хо-хо!

Он стих и с еще неуспокоившимся лицом глядел на меня. Я готов был провалиться сквозь землю.

— Вы извините, — бормотал я в смущении, — я, конечно, пошутил... Я со всем моим уважением... Поймите, что в первый раз встречается такая редчайшая сила в вашей... морде... в вашем лице, то-есть...

Повидимому, он был польщен.

— Если вы думаете побывать в междупланетном пространстве, сказали бы прямо.

Я сам туда собираюсь и ничего не имею, чтобы прихватить вас. Вдвоем все веселее. Вы когда желали бы отправиться?

— Да, хоть сейчас! — воскликнула я внабеге от радости.

— Мне всеравно, — деловито заметил чорт. — Идите в раздевальную, оденьтесь и живите меня. Я сейчас туда спущусь.

Я быстро побежал вниз, оделся и стал поглядывать на лестницу, ожидая увидеть спускающегося чорта. Неожиданно я почувствовал, как какая-то сила подхватила меня кверху, пронесла невредимо сквозь потолки и крышу театра, и не успел я осмыслить положения, как в Ленинград, и СССР, и весь земной шар оказались у меня глубоко под ногами в желтой мгле. У меня дух захватило. Царствовала абсолютная тишина, только время от времени поскрипывали оси планет.

— Перепугались? — услышал я под собою знакомый голос. Я глянул. Оказалось, я очень удобно сидел на плечах чорта, а он обнял мои ноги. У его пояса висел большой белый узел.

— Куда же вы хотели бы направиться? — спросил он.

— На Луну. Начнем с ближайшего и известного и перейдем к неизвестному и сложному... — двадцатическим тоном сказал я. Чорт усмехнулся.

— Из какой-нибудь методички изволите дитировать? На Луну, так на Луну. Держитесь крепче!

НА ЛУНЕ.

Мы повернулись лицом к Луне. Стоял январь месяц и в междупланетном пространстве ощущался сильнейший мороз: влияние льдов Полярного океана сказывалось даже здесь. По мере нашего приближения Луна увеличивалась в размерах с необычайной быстротой. Отчетливо обрисовывались щеки, губы, глаза; особенно явственно торчал вперед нос. И вот уже тут, с первых шагов, я имел возможность отметить, как

неузурны наши земные представления о Луне, и как давно необходима была экскурсия в мировое пространство для исправления наших о

нем знаний! Луну всегда изображают круглолицей, румяной, смеющейся деревенской бабой. Ничего подобного!

Передо мной было худое, мертвое, все в морщинах льдо-старухи. Ввалившиеся щеки, закрытые глаза, беззубый рот.

— Что она — спит? — спросил я чорта.

— А разве вы сами не знаете? Луна же — мертвое тело. Это во всех ваших учебниках написано. Она давно отжила свой век.

Быстро приближались мы к планете и стали опускаться. Около самой поверхности Луны я услышал странные звуки, похожие на чиханье и кашель. Спустились. Со всех сторон к нам бросились лунные жители. Но что за физиономии были у них! Собственно говоря, физиономии не было, а вместо щек, обвязанные марлей и ватой, торчали с обеих сторон вздувшиеся футбольные мячи, между которыми выдавался вперед огромный, разбухший, сизо-багровый нос. И все они немилосердно чихали, стонали, хрипели, кашляли. Я думал, что попал в лазарет.

— В чем дело? — недоумевал я.

— Неужели непонятно? — укоризненно обратился ко мне чорт. Ведь на Луне есть свет и тень и нет атмосферы. На солнце —

На Луне.

150 градусов жара, а в тени — столько же мороза. Луножитель находится постоянно под влиянием резкой смены температуры. Вот у всех и флюсы, все и простужены. Ясно?

Я окунул взором все видимое пространство. Луножилители там и сям толпами грелись на солнце, растянувшись прямо на почве. Погревшись несколько минут — больше они, очевидно, не выдерживали — они вскакивали, и с красными, жуткими физиономиями толпами бежали

ник пальто. Термометр показывал ровно 273° по Цельсию.

— А теперь куда? — спросил чорт.
— Право не знаю. Ну, хоть на Венеру.
— Хорошо. Там мы будем перед рассветом. Там, кстати, вы и отогреетесь.

НА ВЕНЕРЕ.

От страшного холода я не мог сомкнуть глаз. К утру мы приблизились к планете и вдвинулись в зову густых облаков, окру-

тень от кратеров. Но там было неизмеримо холодно, и через несколько минут они с поспившими от стужи лицами снова устремлялись на солнце, — согреться. Очевидно, в таких перебежках они вынуждены проводить всю жизнь. И все время не прекращалась симфония оглушительного чихания, кашля и хриплых стонов.

— Ну, и жизнь здесь! — сказал я. — Знаете что? Уедем отсюда по-доброму, по-здорову, пока не заразились каким-нибудь гриппом.

Чорт выполнил мою просьбу в одно мгновение: я едва успел ухватиться за его рога, как мы уже были далеко от Луны, и она быстро сократилась в размерах. Наступила ночь. Я ежился от холода и поднял ворот-

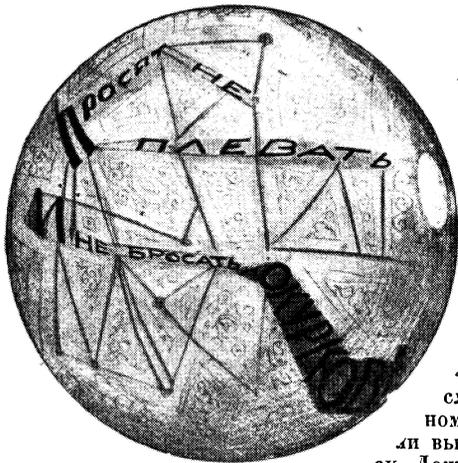
На Венере.

жающих Венеру сплошным толстым слоем. Спустились. Ручьями лил дождь, и я моментально вымок, точно окунулся в ванну. Сквозь пелену водяных струй

я различил, что мы находимся в лесу. Было неестественно тепло. Отовсюду поднимался пар, стояли лужи воды. Я качнулся и дотронулся до одной из луж. Вода в ней оказалась теплою, как в кастрюле на плите.

— Почему она теплая? — спросил я чорта.

— Я удивляюсь, — ответил чорт, — до какой степени скудны ваши познания в астрономии! Разве вы не знаете, что Венера сейчас переживает третичный период. В эту эпоху на Земле также было тепло и мокро.

На Марсе.

на клочками тумана. Там и сям, в одиночку и группами, по хорошо шоссированным дорогам двигались венерды — обитатели планеты. Меня удивил и рассмешил их костюм, вернее — отсутствие костюма. Они были совершенно голы, только на ногах все имели глубокие галоши, а сверху, над головой, держали зонтики. И еще более удивило, что женщины были украшены бриллиантовыми ожерельями и золотом, а мужчины курили дорогие сигары. Даже поленницы носили золотые запястья на ногах и руках.

— Странный костюм! — проговорил я.

— Ничего странного нет, — возразил чорт. — Для чего им костюм? И так тепло, как в бане. А от сырости снизу и сверху достаточно галош и зонтика.

— А бриллианты и золото почему?

— Достаток, — огромное сбережение средств. На одежду не тратятся, на жилище — тоже, еды надо мало, потому что не надо лишних калорий на поддержание в теле тепла. Кроме того, они часто моются на теплом дожде. В баню не надо ходить. Благодаря чистоте у них нет заболеваний, получается экономия на лекарствах и врачах. При хорошем жаловании куда же девать заработок? Вот и покупают женщины драгоценности, а мужчины тратятся на папиросы и пиво.

Я осмотрелся. Из растений здесь росла только зонтичная пальма, так сказать, самою природой снабженная защитой от дождя — зонтиками. Другие растения, очевидно, вымерли. По Дарвину это называется выживанием наиболее приспособленных... То там, то здесь торчали вывески, но все с одними и теми же надписями: «Трескал» и «Брилси». Я обратил внимание чорта на вульгарность и безграмотность надписей. «Трескал!» Грубо. Почему не написать — «сел»? А «Брилси» — «брилси». — Чорт засмеялся.

— «Трескал» — это «Трест галош». А «Брилси» — «Бриллиантовый синдикат». Только всего.

Мне стало невмоготу в моей теплой одежде.

— А люди тут есть?

— Конечно.

Люди есть на всех планетах, даже на Солнце. Со стыдом мне пришлось сознаться, что я, действительно, ничего не смыслил в астрономии. Мы стали выходить из лесу. Дождь не переставал ни на секунду. Перед нами открылась долина, окутанная

— Нельзя ли прекратить обзор Венеры?

— Когда угодно. Куда же мы направимся?

— На Марс.

НА МАРСЕ.

Подлетая к Марсу, я жадно искал знаменитых каналов. Однако, по мере нашего приближения к планете, я видел, как беспорядочные линии «каналов» строились в буквы, и я, наконец, прочел: «Планета Марс. Просят не плевать и не бросать окурков!» Вот те и раз! А каналы что-же? — не существовали, значит? И такая прозаическая надпись через всю планету — чем она вызвана? Дело в том, что марсиане, как люди высококультурные, давно перестали ползать на автомобилях и железных дорогах по земле; они летают по воздуху. У них огромные рейсы на Юпитер, Сатурн, на Солнце, с которыми они ведут деятельный товарообмен. Чтобы летчикам и своим, и чужим не блуждать в поисках планеты при перелетах на огромной высоте, они и написали: «Планета Марс». С другой стороны, — при распространности этого способа передвижения, — что бы было, если бы все сверху бросали окурки, да еще плевались бы? Конечно, в самый короткий промежуток времени планета оказалась бы заплыванной и покрытой слоем окурков.

Когда мы совершенно опустились на почву планеты, я был несказанно удивлен, что все доступное моим взорам пространство оказалось застланным персидскими коврами. Это зачем? При огромном воздушном движении часто случаются столкновения, и люди падают вниз. А чтобы не ушибиться, посланы ковры. Вот чем, между прочим, объясняется оранжевый цвет планеты, который земные ученые приписали, — смешно сказать, — пустыням на Марсе!

На Юпитере.

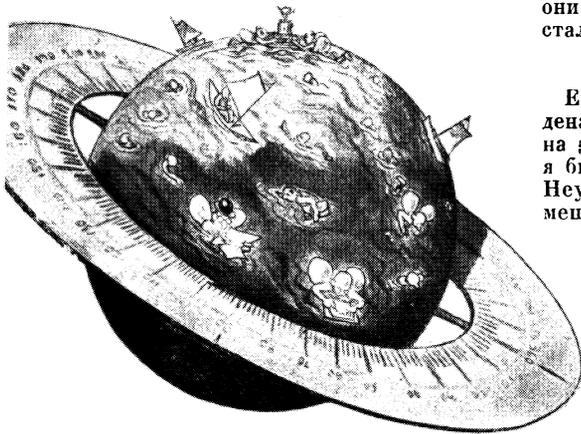
АСТЕРОИДЫ.

С Марса чорт меня понес на Юпитер. На пути нас чуть не раздавили. В одном месте мой возница вдруг на всем скаку мгновенно остановился, и я кубарем полетел через его голову. Шапка моя соскочила, и потом мне долго пришлось ее искать среди всяких созвездий.

— В чем дело? — сердито окликнул я.

— Разве не видите? Чуть под трамвай, то бишь... под астероид не попали. Смотрите — несутся!

Я глянул влево. К нам длинною цепью тянулись какие-то огромные светящиеся шары. Не успел я, как следует, рассмотреть, как один из них — передний в долю секунды вырос в планетку. Она со свистом

На Сатурне.

пронеслась мимо, обдав нас облаком пыли. За ней — вторая, третья, четвертая. Мы еле успевали отскакивать, и так как они пылили не вереницей, а разбросанно, мы заметались, как угорелые... Я насчитал их ровно 1054. И мы сделали тысячу пятьдесят четыре скачка, избегая попасть под их вертящиеся тела.

— Ах, чтоб их чорт побрал! — воскликнул бес, отирая пот. — Как я про них забыл? Можно было бы пробраться в обезд...

НА ЮПИТЕРЕ.

Вот и Юпитер. Мы очутились на обширной площади. Здесь стройными рядами стояли юпитериане и производили упражнения. Когда нас увидели, к нам подошло два юпитерианца. При их приближении я невольно попятился. Передо мной были два рослых детены, огромного роста, с необычайно развитою мускулатурой. Особенно поражала мускулатура ног. Не занятые гимнастикой что-то жевали, двигая челюстями справа налево, по-коровьему. По окончании упражнений все также принялись за еду. Ели очень долго, а затем снова построились в ряды и опять предались упражнениям. Мы с чортом уселись на травке и ждали, что будут делать юпи-

териане дальше. Но нового ничего не увидели: гимнастика сменялась едой, еда гимнастикой. Так — целый день. Я не мог понять, чем вызвано такое однообразное времяпрепровождение.

— Но, ведь, это же Юпитер — разве вы не знаете? На нем тяжесть в два с половиной раза больше, чем на Земле. Следовательно, чтобы передвигаться, надо огромную силу, а чтобы иметь силу, необходимы мускулы и питание. Вот они едят и упражняются.

— А культура у них есть?

— Конечно, есть: физкультура!

— И больше ничего?

— А вы посмотрите на их физиономии.

Я всмотрелся. Необычайно маленькая верхняя часть лица и колоссальные челюсти. Лба не было совсем, а волосы на голове начинались непосредственно от бровей. К нам они были совершенно безучастны. Мне вдруг стало скучно, и мы полетели к Сатурну.

НА САТУРНЕ

Еще далеко от ~~Ю~~ я почувствовал запах денатурированного спирта, но не обратил на это обстоятельство должного внимания: я был поглощен загадкой кольца Сатурна. Неужели правда, что оно состоит из камешков, как то предполагают земные астрономы? Каково же было мое разочарование, когда, подлетев вплотную, я увидел перед собою простой медный ободок с делениями на 360 градусов, которые у нас, обыкновенно, оюасывают школьные глобусы! Сатурниты таким образом, повидимому, избавляли себя раз навсегда от необходимости обращаться к картам и справочникам, когда требовалось определять долготу места. Что ж, экономно!

На поверхности планеты меня ожидал новый сюрприз: она оказалась жидкою, и сатурниты, подвязав подмышки пузыри и пробковые пояса, передвигались вплавь. Твердой земли нигде не было.

— Но почему же эта жидкость пахнет денатуратом? — в недоумении спросил я своего чичероне из ада.

— Если бы вы хорошо знали астрономию, вы бы не задали подобного вопроса, — ворчливо ответил чорт. Плотность Сатурна раза в два — в полтора меньше плотности воды. А какая жидкость соответствует такой плотности? Спирт. Сатурн и состоит из спирта. А чтобы сатурниты не вздумали его разбавлятьводой и пить, как водку, он денатурирован. Ясно?

— Ясно, но спирт так воняет, что отпра- вимся дальше.

НА НЕПТУНЕ.

Уран оказался по ту сторону своей орбиты и поэтому мы полетели к Нептуну — последней планете нашей солнечной системы. Приближаясь к нему, я услышал громкий хрип, несшийся с его поверхности. Я выразил на лице недоумение. Чорт повторился его рассеять.

— Посмотрите назад — каким кажется отсюда Солнце?

Я оглянулся. Дневного земного светила я не увидел, а вдали блеснула звездочка, величиною немного больше нашей Венеры. Света было явно недостаточно и на поверхности Нептуна царствовал вечный полумрак. Нептушанам ничего не оставалось, как предаться беспрерывному дневному и ночному сну.

С Нептуна мы поднялись обратно. Около самого Солнца нам показался Меркурий.

— Залетим?
— Залетим.

НА МЕРКУРИИ.

Каждая из планет имела свой специфический запах. С Меркурия отчаянно несло гарью. Солнце над нашими головами пылало в виде огромного раскаленного медного таза. Неудивительно, что меркуриане ходили все в страшных ожогах и в волдырях и от малейшего прикосновения к ним кричали благим матом. Других звуков я и не слышал. Что касается птиц и четвероногих, то все они существовали здесь только в зажаренном виде, а речки с рыбой представляли собою текучую уху.

— А знаете что? — обратился ко мне чорт: собственно говоря, дельной планеты Меркурия не существует, а есть только две половинки ее. Хотите убедиться?

В самом деле, когда мы подлетели к краю планеты, под нами открылась огромная щель. В нее можно было увидеть противоположный край планеты. С другой стороны, щель замыкалась вторым полушарием Меркурия. От него несло ледяным холодом. Я не мог сообразить, в чем дело.

— Меркурий вращается вокруг Солнца, повернутый к нему только одной своей стороной, как наша Луна к Земле, — разъяснил мне чорт: на этой стороне его — жар, на обратной — страшный холод. Планетка и треснула пополам, как трескается поставленный на снег горячий стакан.

В МЕТЕОРЕ.

Однако, я не забывал, что хотел побывать еще на Солнце. Я посмотрел на часы: они показывали ровно половину пятого. Чорт бери! Нам предстояло покрыть восемьдесят миллионов километров, и я предпочитал добраться до Солнца засветло, до наступления ночи. Мы поторопились в путь.

На Нептуне

По мере приближения к светилу делалось все горячее и горячее. Я задумался: а как же мы пролетим зоны солнечной раскаленной атмосферы, да еще толщиной в несколько десятков тысяч километров? Ведь так, пожалуй, долетим до солнечного твердого ядра в форме щепотки золы, а не живого сознательного наблюдателя! Угадав, по обыкновению, мои мысли, чорт остановился и заговорил:

— Чтобы безвредно пробраться сквозь солнечный огонь, надо найти большой метеор с дырой посредине и сесть туда. Там — температура мирового пространства. На метеоре мы

благополучно и прикатим к месту назначения.

Мимо моих ушей, по направлению к Солнцу, со всех сторон жужжали какие-то невидимые пули и снаряды. Будучи колоссальным телом, Солнце притягивало к себе несметные количества метеоров всяких величин. Их — то я и слышал. Неожиданно чорт с невероятной быстротою понесся за чем-то и крикнул:

— Цепляйтесь!

Я увидел тогда, что впереди нас летел огромный камень с пещерою внутри. Мы бежали за ним во весь дух, силясь ухватиться за его края. Мне это так напомнило уличных ребят, деплявшихся за «колбасу» трамвая, чтобы на нем прокатиться, что я рассмеялся.

— Цепляйтесь же, чорт вас возьми, а то прозеваете, — зорак, разозлившись, чорт.

Наконец, мы ухватились и вспрыгнули. Нас сразу объял холод, как будто мы уселись на северный полюс. Но мы

постарались залезть еще глубже в пещерку, где было еще холоднее. Не попадая зуб на зуб, я видел сквозь узкое отверстие дыры, как воздух вне нас становился все светлее и превратился, наконец, в ослепительно блестящий пламень.

Очевидно, мы уже проникли в солнечную фотосферу. Я зажмурил глаза, хотя меня слепило даже через закрытые веки.

В то же время я чувствовал, как постепенно мне делалось теплее и теплее, а затем стало и горячее. Я почти обжигался о камень и задыхался от жара, как вновь стал пропадать и блеск.

На Меркурии.

и невыносимый жар. Потом наш воздушный экипаж сразу где-то шлепнулся, разлетелся в куски, и мы благополучно выпали на какую-то поверхность.

— Слава богу — живы! — радостно проговорил чорт.

НА СОЛНЦЕ.

— Мы на Солнце? — спросил я.

— О, да!

размеров ящички. Дым из них не поднимался вверх, как у нас, а тоже, извиваясь, точно под ударами, прикипал к солнечной поверхности. Еще удивительнее оказались животные и люди. Не было никого, кто бы ходил: все ползало. Пастух гнал стадо коров, прижав животом к земле и странно распластав в стороны руки и ноги, как будто он плыл. Коровы не шли, а волочили свои туловища по траве, также растопырив в стороны

На Солнце.

Мы посмотрели друг на друга и расхохотались: лица и костюмы наши были покрыты слоем копоти, как будто мы путешествовали внутри печной трубы. Насколько могли, отряхнулись и осмотрелись. Какой, однако, странный пейзаж! Все деревья здесь росли не вверх, а книзу, сплелись по земле. Толстые ветви толстейших стволов извивались по земле, точно колоссальные удавы, травы прилегли к почве вплотную, образуя мягкие неровности. Дома были похожи на низкие, толстые, больших

ноги. Тащили свои животы по земле лошади, овцы, собаки, гуси, индюшки. И кроме того все имели странно плоскую форму, как будто их всех только что вынули из-под пресса. Особенно смешны были люди: они походили на лепешки с руками, ногами и головой. Все были одеты в очень тонкую кисею и, проползши несколько шагов, останавливались и начинали вытирать обильно струившийся пот. Лица у всех были изможденные, точно они встали после болезни. Очень сильно пахло потом.

По обыкновению, я ничего не понимал, и чорт не преминул уколоть меня моим невежеством.

— Вы также сведущи в астрономии, как я в различении собачьих пород, — проворчал он. Массу-то Солнца вы хоть знаете? Знаете, что на его поверхности всякая тяжесть в двадцать семь раз тяжелее, чем на Земле? Земной пуд здесь весит двадцать семь пудов, а земной человек — около ста пудов. Солнце всех тянет к своему центру: растения, дым, животных, человека. Вот все это и распласталось.

— А отчего же потом пахнет? — спросил я.

— И этого не образите? Но ведь вы же, в конце концов, все-таки на Солнце: жарко, все потеют...

Он замолчал, потом засуетился, отвязал от пояса белый узел и сказал:

— Побудьте вы здесь, а я побегу дельце одно обделаю.

Через полчаса он возвратился, держа в руках толстый бумажник.

Обделал!

— Какое дельце?

— А колбасы полтавской немного продал. У нас на Земле полтавская колбаса — 87 копеек фунт. Здесь фунт идет за 27 фунтов, следовательно, я — то имею право без прибыли и без убытку, а, так сказать, по себестоимости продать за двадцать три с полтиной, а с маленькой накличкой (за доставку) и за все тридцать. Я взял с собою фунтиков тридцать с небольшим. Тысяченку и выручил. Вот они!

И он, довольный, вновь потряс бумажником.

Мои мечты разыгрались. В самом деле, как скоро и легко можно разбогатеть! Двинуть бы сюда всего на-всего вагончик колбасы, а продать ее здесь — за целый поезд в 27 вагонов. Сколько бы тысяченков можно было отложить в сберегательную кассу после такой опе-

рации! И как, действительно, полезно всякому человеку хорошо изучать астрономию!

Между тем жара делала свое дело: пот с меня тек ручьями. Надо было подумывать о возвращении на Землю. Однако, с Солнца не летел кверху ни один метеор, как же нам выбраться отсюда? Я уныло смотрел на беса.

— А кометы на что? Положим комету, они часто сюда залетают.

ДОМОЙ, НА ЗЕМЛЮ!

Действительно, вскоре мы увидели, как по Земле волочился широкий хвост кометы, а она сама на большой высоте напрягала все усилия, чтобы отделиться от Солнца. Мы побежали к хвосту и постарались как можно плотнее завернуться в его складки, чтобы не поджариться действительно жара фотосферы.

Через час комета осилила притяжение Солнца, и мы взвились кверху. Сначала, чтобы самим не трагить сил, мы решили было использовать комету для передвижения к Земле, но, оказалось, по справкам, что комета держала путь в занептуннианские области и была нам не по пути. Мы на ходу спрыгнули с хвоста и самостоятельно двинулись к Земле.

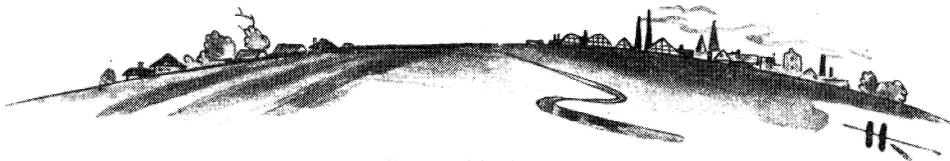
— Знаете что, — сказал чорт, — давайте для разнообразия обратный путь совершим кверху ногами.

— Как так? А прилив крови к голове?

— Да так: в мировом пространстве нет ни верха, ни низа. А если так, можно перевернуться.

Мы перевернулись кверху ногами и уже таким образом достигли Земли.

Здесь я из чувства благодарности долго жаж чорту копыто, потом написал его адрес и обещал бывать у него. Мы расстались друзьями.

Одно из последних произведений
знаменитого испанского писателя
БЛАСКО ИБАНЬЕСА,
недавно скончавшегося изгнанником во Франции.

— Вот тут заметка о смерти одного моего приятеля,— сказал Перетц, откладывая в сторону газету.— Я видел его только раз, но он часто был в моих мыслях. Прекрасный он был человек!

Мы встретились с ним в ночном поезде, на пути между Валенсией и Мадридом. Я ехал в купе первого класса и единственный другой пассажир, сидевший со мной в этом купе, слез в Альбачете. Я не жалел, что остался один, потому что мог свободно растянуться на диване, и подушки казались такими соблазнительными. Итак, уверенный, что я буду спать, как чурбан, я выключил свет, накрылся пальто и устроился во всю длину со вздохом облегчения, что нет никого, кому могли бы помешать мои ноги.

Поезд пересекал обширные равнины Ла-Манча. Паровоз мчался самой большой скоростью, а вагон стонал и трясся, как ста-

рый дилижанс. Непрерывный крен заставлял меня раскачиваться на плече взад и вперед, саквояж плясал у меня над головой, окна стучали, а колеса и тормоза издавали ужасный стальной визг. Но как только я закрыл глаза, я стал подчиняться ритму и воображать себя снова ребенком, укачиваемым тихим голосом моей няни.

Погружаясь в эти глупые фантазии, я заснул под непрерывный шум в ушах. Поезд мчался, не останавливаясь.

Вдруг перемена в воздухе разбудила меня. В лицо мне дул холодный ветер. Раскрыв глаза, я увидел, что купе попрежнему пусто и дверь передо мной попрежнему закрыта. Я только что начал опять задремывать, когда почувствовал новое дуновение холодного ночного воздуха и, вскочив, увидел, что дверь возле моей головы была широко открыта и что на полу сидел человек со спущенными на подножки ногами.

Бласко Ибаньес.

Я был слишком поражен неожиданностью, чтобы думать; мозг мой был еще в полусонном состоянии. Первым моим чувством был суеверный ужас. Человек, появляющийся здесь вдруг, когда поезд идет полным ходом, должен был быть, по меньшей мере, привидением. Потом мне пришли в голову дорожные вору, бандиты, убийцы, и я вспомнил, что я один и никаким способом не могу предупредить даже тех, кто спит за деревянной перегородкой вагона. Человек этот, конечно, был бандит!

Подчиняясь инстинкту самосохранения, я бросился на этого человека, напирая на него локтями и коленями; он потерял равновесие, но отчаянно ухватился за край двери в то время, как я продолжал толкать его, стараясь оторвать его руки и выбросить его.

— Ради бога, оставьте меня! Я не трону вас! — Это вырвалось у него так покорно, что мне стало стыдно за свое поведение и я послушался. Он снова сел, задыхаясь и дрожа. Я открыл огонь.

Тогда я увидел, какая у него была наружность. Он был крестьянин, очень слабого телосложения, на нем была старая кожаная куртка и вытертые брюки. Его черная шапка была немногим чернее его смуглого лица, на котором выделялись огромные, пристально глядящие глаза и редкие желтые зубы.

Эти последние он выставлял в широкой улыбке глупой благодарности, но в то же время он шарил за поясом — подробность, которая заставила меня пожалеть о моем великодушии; так что, пока он продолжал шарить, я положил руку на задний карман брюк и нащупал револьвер. Он не поймает меня врасплох!

Человек медленно вытащил что-то из-за пояса и я, подражая ему, наполовину вынул из кармана револьвер. Но то, что он достал, было всего только маленьким обрывком смятой бумаги, который он мне с торжеством протянул.

— Смотрите, у меня есть билет!

Я взглянул на него и рассмеялся.

— Но это, ведь, старый! — сказал я.

— Он не годится уже много лет. Да и разве это может служить извинением тому, что вы вскакиваете в поезд и так пугаете людей?

При этих словах он побледнел, точно испугался, что я снова попытаюсь сбросить его; но как ни был я нервно настроен, а начинал жалеть этого парня.

— Вы бы лучше вошли и закрыли дверь.

— Нет, благодаря вас, — твердо

Человек медленно вытащил что-то из-за пояса

сказал он. — Я не имею права ехать там; я останусь тут. У меня нет денег!

И он упрямо остался на своем месте в дверях. Я сидел совсем рядом с ним, и мои колени касались его плеч. Мы мчались вперед, и ветер врвался, как ураган, и по оголенной равнине скользило пятнышко света из открытой двери с нашими скорченными тенями на нем. Телеграфные столбы проскакивали мимо, точно полоски, нарисованные желтым карандашом на черной завесе ночи, и искорки, как светлячки, летели назад от паровоза.

Бедняга был в каком-то беспокойном состоянии, точно он не привык долго сидеть на одном месте. Я предложил ему сигару, и некоторое время спустя мы разговорились.

Он рассказал мне, что совершает это самое путешествие каждую субботу. Он ждал поезда за Альбачетой, с разбега вскакивал на подножку и затем проползал вдоль вагона, пока не находил пустого купэ. Перед приходом на станцию он спрыгивает с

и я, подражая ему, наполовину вынул из кармана револьвер.

поезда и потом снова вскакивает, после того, как поезд двинулся, каждый раз стараясь попасть в другой вагон, чтобы не обратить на себя внимания черствых кондукторов.

— Но куда же вы направляетесь? — спросил я, — и зачем так рискуете каждую неделю?

Оказалось, что он хотел проводить со своей семьей воскресения. Они с женой были слишком бедны, чтобы жить вместе; она работала в одном городе, он — в другом. Сначала он делал этот путь пешком и шел всю ночь, но когда он приходил, он должен был ложиться и так ослабе-

вал, что не мог разговаривать с женой или играть с детьми. Постепенно он отчаялся в этом способе передвижения и нашел более легкий путь попадать к семье. Одно то, что он взглянет на своих детей, давало ему силы делать свою тяжелую работу в течение всей недели. У него было трое маленьких детей; младшая еще не умела ходить, но она знала его и каждый раз, когда он приходил, протягивала рученки, чтобы он поцеловал ее.

— Но разве вы не понимаете, что одно из таких путешествий может стать для вас последним? — спросил я.

Он уверенно улыбнулся. Нет, он не боялся поезда, когда тот мчался ему навстречу, как дикая лошадь, пытая и выбрасывая искры. У него было достаточно смелости: один прыжок — и он был в поезде; а что касается спрыгивания на ходу, так иной раз и можно было себе набить шишку, но он умел прыгать так, чтобы не попасть под колеса.

Боялся он только пассажиров. Конечно, в вагоне первого класса часто случались пустые купэ, но сколько раз он был на границе гибели! Однажды он попал в дамское отделение и там были две монахини. Их крики так перепугали его, что он свалился и должен был пройти остальную часть пути пешком.

Как-то раз ночью, когда он тихонько открывал дверь, кто-то ударил его по голове и сбросил его. Он, понятно, думал, что это его последнее путешествие!

При этих словах он показал огромный шрам на лбу.

Да, ему приходилось переносить грубое обращение, но он не жаловался. Он не мог осуждать людей за то, что они пугались и пытались защищаться. Он заслужил все, что получал, и даже больше; но что же ему было делать, когда у него не было денег и он хотел видеть своих детей?

Как раз в это время поезд стал замедлять ход, как будто мы подходили к станции.

— Послушайте, — сказал я, — до вашей станции есть еще одна остановка, и я заплачу за ваш проезд.

— Нет, сеннор, — ответил он просто-сердечно, — кондуктор поймал бы меня, когда я стал бы выходить. Я у него всегда был на плохом счету и не хочу теперь ему попадаться. Желаю вам счастливого пути, сеннор! Вы самый добрый человек, какого я встречал!

С этими словами он спустился по подожкам и исчез.

Мы очень скоро после этого остановились на маленькой станции. Я собирался уже снова заснуть, когда вдруг услышал взволнованные голоса на платформе. Это бригада поезда и станционные носильщики направляли полицейских в горячую погоню за кем-то.

— Вон он бежит! Один из вас — по ту сторону, и он тогда не убежит!.. Вот он на крыше вагона!.. Поторопитесь!

И через несколько секунд крыша надо мной затряслась под тяжелыми шагами усердной полиции.

Я высунулся из окна как раз во время, чтобы увидеть, как человек бросился вниз с крыши переднего вагона. Он упал на землю как мешок, прополз некоторое расстояние на четвереньках, потом побежал с отчаянной быстротой и скоро скрылся под покровом ночи.

В это время кондуктор и другие обсуждали происшествие и взволнованно размахивали руками.

— В чем дело? — спросил я одного из них.

— Это опять этот молодчик, который все ворует проезды. Он — паразит железной дороги. Он — головорез, вот он кто! Но мы его еще поймаем!

Я никогда больше не встречал «головореза». Часто в зимние ночи я спрашивал себя, стоит ли он где-нибудь под слепящими снегом или дождем, поджидая недружелюбный поезд, и потом забирается в него с беспечностью солдата, берущего окопы.

А тут напечатано, — закончил Перретц, указывая на газету, — что на железнодорожном пути вблизи Альбачеты найдено искалеченное тело. Это он, — чтобы убедиться, мне не нужно опознавать его. «Ищущий опасности, от нее же и погибнет». Он выдержал это четыре долгих года, за ним охотились, как за диким зверем, каждый раз, когда он хотел поделовать своих малышей, пока, наконец, безжалостный дневной свет не нашел его лежащим на пути, где черная ночь так часто видела, как он со спокойствием героя бросал вызов смерти.

Редактирует ЗАГАДАИ-КА

КОНКУРС НА ПРЕМИИ № 4.

Надо решить три помещенных здесь задачи №№ 13, 14 и 15. Качество решений оценивается очками, согласно указаний в заголовках задач. Еще одно дополнительное очко может добавляться за тщательность и аккуратность в выполнении всех решений, при соблюдении, конечно, требуемых условий. Те участники, которые соберут в сумме наибольшее число очков, премируются следующими 10 премиями (при равенстве очков вопрос решается жребием):

1-я премия. „Жизнь растений“ — Кернера, с 448 иллюстрац., 24 картин., 40 хромолитогр. и картой в красках (ценность издания — 15 руб.)

2-я премия. „Натаи Мудрая“ — художественное издание, с 11 гравюрами на меди и с 85 рис. (ценность — 10 руб.).

3-я премия. „Фауст“ — Гёте, со многими иллюстрациями, и „Художественная керамика“ — Н. Роопа, с 169 иллюстрациями и чертежами.

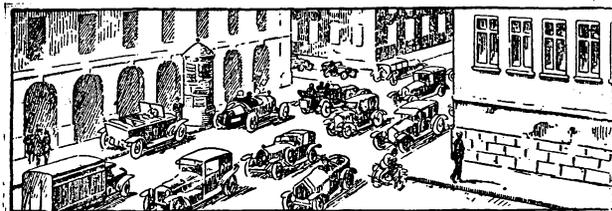
4-я премия. Основы теории и психологии творчества — „Гений и творчество“ — проф. С. О. Грунберга.

5-я—10-я премии. По выбору премированных одна из следующих книг: „Наука в вопросах и ответах“, — „Общественная медицина и социальная гигиена“ — проф. З. Г. Френкель, „Пылающие бездны“ — фантаст. роман И. Муханова или шесть №№ „Мира Приключений“ за 1926 или 1927 гг.

Все решения по конкурсу должны быть вложены на отдельном листе, сверху коего должны быть указаны и. о. фамилия, адрес и № подписного билета (или взамен того наклеен адрес с бандероли, под которой получается журнал). На конверте должна быть надпись „В отдел задач“. Срок присылки решений — до 10 июля.

Результаты будут опубликованы в № 8.

Задача № 13- 2 очка.

Есть ли что-нибудь необычайное или неправдоподобное на этом рисунке?

Комбинация из 5 спичек.

Задача № 14—до 4 очков.

Надо сделать все возможные выкладки из пяти целых спичек, в пределах одной плоскости, при соблюдении следующих условий: 1) все спички кладутся без разрывов, т. е. соприкасаясь одна с другой или с несколькими другими; 2) соприкосновения допускаются исключительно концами спичек; 3) спички могут укладываться только двумя способами: либо под прямым углом, либо в одном направлении (составляя одну прямую ли-

нию).—Учету подлежат только различные выкладки, необратимые одна в другую путем переворачивания или выворачивания на изнанку. Желательно, чтобы выкладки были изображены на клетчатой бумаге; все они обязательно должны быть перенумерованы.

Не найдете ли какой-нибудь метод для классификации всех выкладок по признаку, отвечающему существу задачи (классификация по форме, напр., явно неинтересна)? Нельзя ли еще доказать, каким предельным числом ограничено количество искомых комбинаций?

Найдите число.

Задача № 15—3 очка.

Сумма квадратов отдельных цифр данного трехзначного числа равняется 104. Квадрат средней цифры на 4 единицы больше удвоенного произведения двух остальных цифр. При вычитании из этого числа 594 получается число, ему обратное (т. е. то же полярности справа влево).

Найдите это число.

Нельзя ли решить задачу арифметически?

К КОНКУРСУ НА ПРЕМИИ № 2.

По причинам, совершенно независимым ни от редакции, ни от издательства, № 3 журнала попал к подписчикам слишком поздно, чем были нарушены соображения о сроке, предоставленном в условиях конкурса № 2 для присылки решений.

Поэтому мы считаем справедливым продлить срок конкурса до 1 июля, с тем, что результаты его будут опубликованы в Июле, в № 7.

Подписчики, уже приславшие свои решения, имеют законное право пополнить или при желании изменить их.

Остальные условия конкурса № 3 остаются прежними.

(См. № 3 „Мира Приключений“).

Первобытные Тайны

Радио людей каменного века. — По примеру насекомых и птиц. — Телепатия и гипноз. Истинная задача науки.

Очерк БЕАТРИСЫ ГРИМШОУ,

популярной писательницы, полжизни проведшей на островах Южных Морей и прославившейся описаниями их.

Загадки, тайны, комната Синей Бороды, — все это исчезло в исследованных и цивилизованных странах. Но в отдаленных уголках, в стороне от торговых путей, куда трудно попасть путешественнику, — в местах, быть может, опасных для европейца — там необычайное все еще живет.

Материк острова Новой Гвинеи, находящийся на самых задворках Океании, вдали отовсюду, ни на чьем пути, окруженный рифами, самыми опасными во всем мире, населенный враждебными

туземцами, наитяганный малярийными лихорадками, был до последнего времени пасынком среди колоний. До некоторой степени это продолжается и теперь. Почему Голландия старается изолировать свои колонии в Гвинею — дело ее. Германия в довоенные дни энергично эксплуатировала принадлежащие ей прибрежные местности, а внутри страны оставляла свои владения нетронутыми. До последних лет и британская Новая Гвинея тоже была более или менее закрытой книгой. Вообще же, вся Новая Гвинея заключает в себе больше невысказанных тайн, чем любая другая страна такого же пространства.

Недалеко от Новой Гвинеи ушли и другие меньшие острова западной части Тихого океана: Соломоновы острова, Ново-Гебридские, Санта Круз. Все эти группы прекрасны и плодородны, и о них идут страшные и романтические рассказы. Эти острова считаются «опасными» и поэтому очень мало исследованы.

И эти места, эти огромные островные материк и архипелаги западной части Тихого океана, значительно большие по размерам, чем они кажутся на картах безграничной Океании, скрывают тайны, про которые редко слышат путешественники. Те из нас, кто прожил полжизни в диких местах Тихоокеанского Запада (мы бы не были живы теперь, если бы нам не покровительствовала какая-то счастливая звезда. Кроме того, мы, очевидно от природы, не были подвержены лихорадкам), те из нас знают про такие вещи, о которых мы говорим только, когда мы среди своих, в палатке, душной от серы, которую жугг против москитов, или в цивилизованном порте Моресби, когда ежемесячный пароход ушел, нет больше туристов, и древние звезды смотрят на Пага Хил, а мы сидим под пальмами, курим и дышим ночным ветерком с залива.

Что это за беспроволочный телеграф каменного века, тайна которого известна туземцам этих островов? Одни ли это рассказы путешественников? Или такой телеграф,

С одной вершины гор на другую передается радио людей каменного века.

действительно, существует и объясняется самым простым и естественным образом?

Большая часть людей, хорошо знакомых с земным шаром, соглашается, что было много случаев, когда вести распространялись среди темных рас. без помощи почты, телеграфа или радио. Они могут упомянуть множество случаев из различных зулусских и южно-африканских войн. Дело здесь обстоит очень просто: это всего только туземная система Морзе. В Африке удары в барабан передают из деревни в деревню известие о том, что приближается столько-то белых людей, столько-то животных и грузов; что они придут к такому-то часу.

Мелкая дробь там-тама, делающая отвратительными ночи в индусских деревнях, играет такую же роль.

На огромных пространствах центральных австралийских равнин чернокожие, являющиеся единственными обитателями на сотни миль, передают новости от племени к племени с помощью дыма. Столько-то столбов дыма, столько-то раз заглушенных и столько-то раз снова поднимающихся кверху — передают известия без помощи слов.

На большом пространстве земли, известном под названием Малайского Архипелага, малайцы, умные, свирепые, непримиримые враги своих белых победителей, так же передают от племени к племени все новости через посредство различных музыкальных инструментов. Звенящие гонги, стонущая гитара, даже дудка из камыша сообщают деревне какие-нибудь известия, которые никогда не разгадает проходящий мимо белый «туан».

Я сама слышала на протяжении сотен миль вверх по мало-известным рекам непрерывную барабанную дробь течение всей ночи, пока наше судно поднималось по реке. Весть о нашем приближении бежала впереди нас. И удивительнее всего, что это — в стране людоедов, охотников за головами, вечно воюющих между собой, и где язык одного племени отличается от языка соседнего, как у нас хотя бы французский язык от немецкого.

Путешествуя среди высоких гор родины папуасов, я слышала, как передавались вести с одной высокой скалистой вершины к другой. Вести эти выкрикивались особенным, пронзительным, далеко несущимся

голосом. Таким способом новости в течение часа переносились за двадцать миль.

Я видела еще и язык знаков. Две руки, соединенные концами пальцев, означают «дом». Легкое покачивание руками — «море». Сильное размахивание — «буря». Есть знаки и для всех других слов. Все эти знаки тоже передают с одной вершины горы на другую.

В конце восьмидесятых годов случилось, что большая часть германских колоний Новой Гвинеи составила заговор сбросить власть чужеземцев. Это не может не показаться странным, потому что племена этой части Новой Гвинеи не имеют между собой ничего общего и не доверяют друг другу почти так же, как не доверяют своим белолицым победителям.

Не взирая на это, знак был дан со всех концов страны до больших островов Новой Ирландии и Новой Британии и на все другие острова, где находились белые миссионеры или купцы. И знак говорил: «убей».

Он говорил не только это. Он говорил еще и то, что убийство должно быть совершено в известный день недели и месяца, определенный четвертью луны.

Как передавалась эта весть через местности, населенные племенами, не имеющими общего языка, через сотни миль по морю, и в таких деталях, что целые области готовы были восстать в одно и то же время? У меня на это есть своя теория и я сообщу ее дальше.

Вот более недавний случай. В 1923 г. большая шхуна пропала без вести вблизи Маданга, прежнего порта Фридриха Вильгельма, в германской Гвинее. В Маданге имеется радио, но дня два известие об этом не было нигуда послано. Когда оно достигло Рабаула, милах в ста вниз по берегу, туземцам все уже было известно. Их собственное радио уже сообщило им.

Острова Виту, в сорока милях от материка Новой Гвинеи, дики, живописны и плодородны; идеальные острова Южных Морей, с берегами ослепительно белого кораллового песку, клонящимися пальмами, удивительными синими и зелеными оттенками окружающего моря. Если бы вы видели туземцев Виту, вы бы сочли их за самые примитивные существа, которым чуждо все таинственное. Но когда на Новой

Гвинее был убит белолицый, туземцы Виту сообщили об этом местным купцам гораздо раньше, чем пришли известия пароходом. Каким образом? Они не сказали бы вам. Вождь их видел во сне или кто-то видел знак на берегу или в кустарниках, знак, сказавший будто бы им, что насильственной смертью умер белолицый.

А теперь вот объяснение, которое мне кажется правильным.

Я думаю, что эти дикари, настоящие люди каменного века, во всех отношениях ближе к природе, чем мы. Они сохранили, едва ли сознавая это сами, некоторые естественные способности, которые нами давным давно забыты. Нам эти способности не нужны. У нас есть наше радио, телеграф, различные быстрые способы передвижения и сообщения. Чувства же дикарей, обостренные по необходимости, могут делать чудеса, о которых мы имеем очень слабое представление.

Возьмем для примера ночных бабочек, запертых в коробочку. Бабочки эти могут призывать других бабочек, находящихся в милях расстояния. За последнее время сделано открытие, что ночная бабочка пользуется своими усиками, как станцией радио-отправления.

Но до сих пор неизвестно, как маленькие птички находят дорогу, улетая осенью через тысячи миль океана. Познейшее незнание прикрывается тут обычно словом «инстинкт». Одно можно сказать наверно, что животный мир знает тайны и очень ценные тайны, забытые нами, культурными людьми.

Наблюдателю становится совершенно ясно, что дикари-папуасы, так близко стоящие к каменному веку и такие далекие нам, сохранили многие из этих тайн.

Дикарь этот, например, несомненно держит в своих коричневых руках самую большую из тайн, — тайну жизни и смерти, — и пользуется ею иной раз очень легкомысленно. Он может умереть по собственному желанию и умирает иногда из-за какого-нибудь на наш взгляд пустяка. Иногда он умирает просто от того, что кто-то рассердил его; потому, что хозяин не разрешил ему идти на какое-нибудь празднество, или потому, что подохла любимая свинья.

Какова бы ни была побудительная причина, папуас умирает тогда, когда хочет. Ему не нужно голодовкой доводить себя до смерти, отравляться, вешаться или топить. Он просто ложится и жизнь его угасает. День-другой могут привести его к смерти.

Он и другого человека может заставить уйти из жизни. Но это понятнее. Тут несомненный гипноз. Можно сказать, что самогипноз является причиной добровольной смерти дикаря. Но если это так, то в этом отношении дикарь значительно превосходит человека культурных рас.

Во многих горных деревушках встречаются маленькие, хорошо построенные домики, будто бы заключающие в себе много тайн. Это так называемые дома Нобо. Дома эти совершенно пусты внутри и если туда пойдет человек, он немедленно умирает. И, зная это, дикари, которым приказывают войти туда, беспрекословно покоряются.

— Еще никогда не было такого случая, — сказал мне один туземец, — чтобы кто-нибудь отказался войти в дом Нобо, если ему было приказано.

Несомненно, что тут гипноз. Но по силам ли такой гипноз цивилизованной расе?

Эти дома Нобо папуасов вызвали большой интерес всех, слышавших о них. Но тайна их, какова бы она ни была, остается нераскрытой и по сегодня.

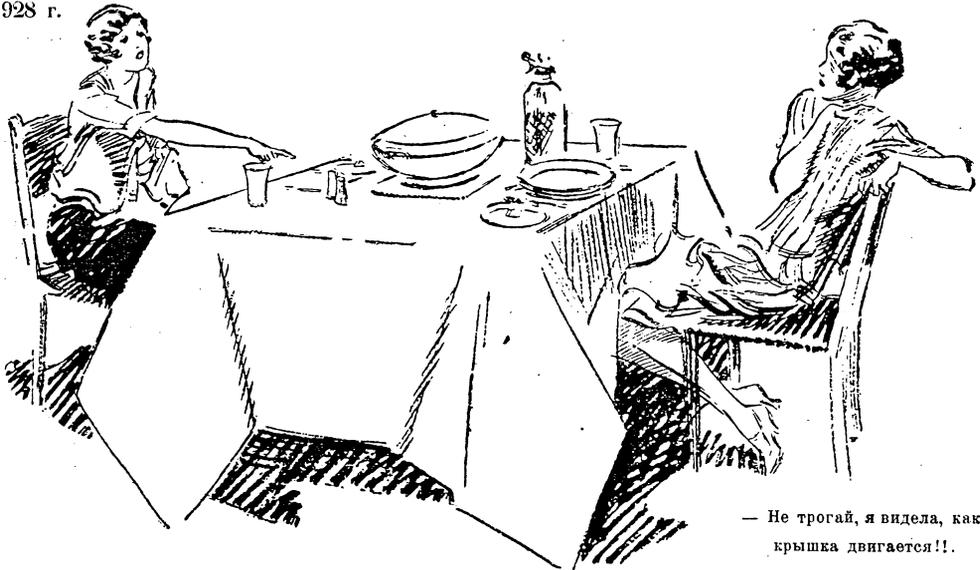
Местные власти входили не раз в эти дома, но ничего в них не видели. Это, конечно, не доказательство, что там, вообще, ничего не скрывается. Туземец упорно хранит свои тайны и когда становится известным, что приближаются белолицые, прячется все, что может «возбудить их предубеждение».

Один исследователь страны папуасов увидел в горной деревушке странную постройку. Она была заострена кверху и напоминала гнездо горной птицы. От владельца домика невозможно было добиться, для чего служит это строение. Очень вероятно, что это тоже была разновидность дома Нобо.

На Новой Гвинее, главным образом в области Микео, есть много людей, умеющих проделывать вещи, кажущиеся невероятными. Люди эти там называются колдунами.

Дом Нобо, куда входит осужденный на смерть.

— Не трогай, я видела, как крышка двигается!!.

Раз как-то белая женщина, возбудившая к себе ненависть местного колдуна, готовила с подругой обед. Они взяли за правило никогда не покидать столовой, когда еда была на столе, чтобы кто-нибудь не отравил пищу. Одна из женщин ушла на кухню за тарелками, другая же осталась возле стола, на котором уже была миска с супом.

Что-то вероятно привлекло внимание оставшейся женщины, и она всего на несколько секунд отвернулась от стола. Срок этот был слишком короток для того, чтобы кто-нибудь вошел в комнату и стал бы возиться у стола. Пришла вторая женщина с тарелками. Обе сели за стол и первая уже собиралась снять с миски крышку, когда подруга ее закричала:

— Не трогай, я видела, как крышка двигается.

— Как, крышка?..

— Да, да, уходи!

Они обе отскочили в угол комнаты, и одна из них длинной палкой оперкнула миску. Из-под миски выползла, извиваясь, одна из самых ядовитых местных змей. Женщина убила ее и тут же увидела темную фигуру, прятавшуюся за деревом возле дома. Она схватила дохлую змею, побежала и бросила ее в лицо колдуну:

— Берн, чорт ты этакий! — крикнула она. — Я хотела бы и тебе устроить такую же штуку!

Обе женщины потом уверяли, что колдун не мог войти в дом и сунуть змею в миску. Для этого не было времени. Да и сам колдун решительно отрицал это.

Но туземцы-то Микео уверены, что он знал, как это было сделано..

Ни один индус не умеет проделывать таких вещей со змеями, как папуасы. Папуасы так тренируют змей, что они укусят всякого, кого им приказывают укусить, даже если их хозяина нет с ними. Это кажется совершенно невозможным, если не знаешь о применяемом тут методе. Змею раздражают куском пояса намеченной жертвы, который эта жертва носила на теле и который сохранил запах тела. Такую ученую змею укусают в дом в темноте, и она непременно находит намеченного «колдуном» человека. Как бы это ни казалось странным, но это именно так и происходит.

Сам «колдун» обращается с этими смертоносными существами весьма фамильярным образом. Он может в течение целого дня пронести в своих пышных волосах живую ядовитую змею. Он заставляет ее приходить на зов, как собаку. Он проспит с ней всю ночь и она не укусит его.

Вот еще один пример необычайной симпатии между папуасами и хищными существами. Вот пример животных сил, которые можно развивать по желанию.

Нет ничего необыкновенного в гипотезе, что дикари общаются между собой передачей мыслей. Ведь животные тоже не употребляют слов, однако отлично понимают друг друга. Если допу-

— Берн, чорт ты этакий!..

стить, что дикарь сохранил, кроме других странных способностей, умение сообщаться друг с другом посредством того же радио, каким пользуются насекомые и птицы, то «беспроволочный телеграф» дикарей перестает нам казаться неразгаданной тайной.

Но дикарь сам ничего не расскажет белолицему. И тут не «не хочу», а вернее — «не могу».

Языки Новой Гвинеи очень бедны образами. Миссионеры, изучающие эти языки, часто становятся втупик, так как на языке дикаря нет слов для обозначения абстрактных представлений.

Туземец в Новой Гвинее просто не имеет слов для выражения чего-нибудь отвлеченного. Он не сможет вам объяснить гипноза, который происходит на ваших же глазах. Все эти лохматые Кикобуйа и Бвалейута тут совершенно беспомощны.

Очень возможно и то, что дикарь так же, как и ночная бабочка, сам не знает, как происходят все эти явления телепатии и гипноза. Но, кроме того, дикарь еще и не доверяет белолицым. Вы можете много лет

знать Бвалейута, вы вообразите, что вам знакомы все извилины его сердца. Но когда-нибудь вы убедитесь, что жестоко ошибались. Есть многое, что Бвалейута считает не вашим делом.

Но что, если приобщить дикаря к культуре? Научить его европейскому языку так, чтобы он потом мог бы посвящать во все свои тайны. Это безнадежно! Такой дикарь теряет связь с природой. Высокообразованный папуас не мог послать весть о том, что ему грозит смертельная опасность. Подобные вещи стали для него каким-то сном. Он уже потерял и способность к ним.

Около года назад я увидела на пароходе, который шел вдоль берега Новой Гвинеи,

несчастливого папуаса, лежащего в уголке палубы.

— Везете в госпиталь? — спросила я.

— Да, — ответил мне капитан, — это «бой», с которым проделали «пури-пури», и местные власти попросили нас свезти его в больницу.

«Пури-пури» означает, что человека «околдовали». Туземец, еще несколько недель тому назад сильный, деятельный мужчина, превратился теперь в кожу и кости и не может уже держаться на ногах.

В больницах таких больших обычно лечат нашатырным спиртом, который их заставляют постоянно нюхать.

Собиратели марок вспомнят среди многих красивых марок Южных Морей марку с характерной, сильной головой Макеа, королевы Раратонга. Эта королева давно умерла. Несмотря на то, что она была крещена и цивилизована, она была специалисткой в искусстве изгонять из жизни своих врагов.

— Королева Макеа была королевой во всем, что она делала, — сказал мне один из ее поклонников. —

Она никогда не была грубая. Она захочет, чтобы кто-нибудь умер, — женщина или мужчина, — но она не убьет его, не прикажет, чтобы убили его. Нет! Она скажет ему, так любезно скажет: «После среды на этой неделе я тебя не увижу больше». И он шел домой, и когда проходила среда, он умирал. Так любезно — вот так, как я вам говорю.

Насколько я знаю, никто еще не пытался объяснять туземное радио так, как объясняю его я. У меня мало доказательств. Но я считаю далеко невозможным, что другие ученые, психологи и антропологи могут подхватить этот вопрос там, где я оставляю его, и осветят тайны, которые я считаю очень интересными.

Папуас спокойно носит в своих пышных волосах живую ядовитую змею...

БЕЛОЕ ЗОЛОТО

Рассказ В. ВАЛЕНТИНОВА

Иллюстрации И. ВЛАДИМИРОВА

I.

Неделю Корней Неудачник борется со смертью. Не то болезнь изнурила его, не то старость ододела крепкое когда-то тело. Сын Николай с утра еще ушел на ближайший врачебный пункт и все не возвращается.

— Так и умру, не увидев сына, — шепчет Корней, и горькие думы не дают покоя ему. Тридцать с лишним лет ушло с тех пор, как Корней на Урале счастья своего ищет. Тридцать лет изо дня в день охотится Корней на самородки. Бывает же удача другим! А найди самородок — не пришлось бы ему так умирать. Давно это было, когда без труда попадались самородки, да не знали цены им. Все больше золото искали.

И вспоминает Корней, что много раз он решал бросить неблагодарный труд, в деревню, случалось, уходил и месяцами работал по крестьянству. Но сила привычки и жажда отыскать свое «счастье» возвращали его снова на реку Шайтанку, и с удвоенной энергией он принимался искать клад. Один самородок мог вознаградить за долгие годы лишений. Не похоронил бы он жену свою Марью прежде времени в Уральских степях, не заставлял бы сына Николая делить с ним горести и лишения бродяжьей жизни. Всю жизнь трудился, а счастья своего так и не отыскал, и прозвище Неудачник на веки закрепилось за ним. И вот умрет он, а сын будет продолжать его дело. — Эх, Николай, Николай, видно счастье не всякому дается. В свое время и хозяйство было, и семья, и все теперь растерял... — Думает старик и кутается в лохмотья, ежась от холода, пробирающегося в щели старой землянки... Кабы Николай скорей вернулся, все бы легче было и умереть. — Долго ворочался старик и задремал. Видит сон: отыскал самородок, хочет поднять — сил не хватает, хочет крикнуть на помощь — голоса нет. Страшно ему стало, и проснулся Корней. Глядит: а в дверях сын стоит, только вернулся от доктора и лекарство принес. Обрадовался, и будто полегчало старику при виде Николая. Николай вышел и скоро вернулся с вязанкой хвороста. Долго возился у печки и наконец зажег сырой валежник. Пламя вспыхнуло, теплей стало в землянке, а скоро и вода в котелке закипела. Сделал Николай чай и подал Корнею мутную водичку.

—пей, отец, оно полезное лекарство.

Корней выпил немного горячей водички и заговорил:

— Так вот, Николаша, неудачные мы, бились с тобой в работе всю жизнь. Искали клад, да так и не нашли его.

Сын слушал отца, низко опустив голову на грудь.

— Брось это дело, говорю тебе. Счастье — оно не птита, не поймаешь его за хвост. Уходи отсюда. Ищи в другом месте своего счастья. Ступай к людям, там оно, а не здесь. — И казалось старику, что простые слова его понятны Николаю и что уйдет Николай в деревню. И стало легче на душе у Корнея.

Николай слушал отца молча и только хмурился. Как мог он отказаться от самородка, который делает его богатым, а главное — счастливым! Он мотал головой, как бы соглашаясь с отцом, а сам думал о весне, когда снова можно приняться за работу, за поиски счастья, которое никак не шло в руку. Нельзя быть весь век неудачником. На его глазах многие разбогатели. Такие все бедняки, как он — с отцом, находили самородки и становились богачами. Правда, не все счастье свое удержали. От находки многие счастливы сумасшедшими делались, чумели после голода и холода. В карты играли, или и под конец пропивали все, что заработали, и делались беднее прежнего. — Я не такой, — думал Николай, — я знаю, как с деньгами распорядиться. Я не пью, не гуляю, и деньги мне нужны, чтобы заподучить настоящее счастье.

Любил Николай девушку, дочь богатого мужика. Звали ее Аннушкой. Хоть и слобились они, да родители ее не дают согласия на брак. Другое дело, когда Николай разбогатеет, тогда Аннушка будет его женой и можно тогда уйти с Урала туда, где нет слез и горя. Немного и надо, только бы на небольшое хозяйство.

Отец долго еще уговаривал Николая послушаться и идти туда, где счастье, хотя и с трудом, но дается каждому. И сын мотал головой, как будто соглашался.

II.

Через неделю Корней умер Николай удочил отца в грубо сколоченный гроб, сам яму выкопал и без всяких затей похоронил его.

Остался Николай один с прозвищем «Неудачник»; по наследству перешло к нему от отца.

Наступила весна. Пришли льды и по быстрым Уральским речкам заходили браги и засновали лодочки старателей. Земля ожила. Зазеленились деревья и молодая трава пробивалась к солнышку.

Пригревало оно соскучившуюся по ласке землю. Николай принялся за работу. С утра до ночи копал землю, выгребал из речки песок, промывал его, и тщательно, чтобы не пропало ни одной крупинки, отбирал платину. Попрежнему неудача преследовала его.

По вечерам, когда солнышко скрывалось за высокими горами, Николай садился у своей землянки и одинокий предавался несбыточным мечтам. За зиму он очень похудел и силы его ослабли, так что он с трудом передвигал ноги после утомительного дня. Скучно, томительно тянулись недели. Но бывали и праздники у Николая — это, когда он встречался с Аннушкой. Редкие были встречи, зато после свидания надежда и вера в свое счастье оживали в нем.

Аннушка была красивая девушка, статная, здоровая, а глаза у ней были такие большие и синие — как небо, и, казалось, в них отражается вся радость жизни. Она любила Николая и также с нетерпением ожидала удачи, от которой зависело счастье всей их жизни. И они верили, надеялись и ждали клада.

III.

И лето пробежало, осень близилась. Во время сильного дождя Николай простудился и в лихорадке целую неделю провалялся. Быть бы ему в земле, как и Корнею Неудачнику, да молодой организм помог справиться с болезнью и встать на ноги.

Когда Николай впервые вышел из землянки, теплые лучи заходящего солнца

быть, она согласится уйти с ним без родительского согласия.

На другой день и в следующий Николай не мог выйти на работу. Сильный ветер выгнал реченку из берегов. Река бушевала. Дождь заливал низменные места, и лишь к утру третьего дня все успокоилось и река вошла в русло.

Николай вышел за дверь землянки и, довольный покоем, дарившим в природе, захватил хлеба и отправился на берег. Долго возился он с лодкой. Старая лодка во многих местах давала течь, и потребовалось не мало времени, прежде чем Николай спустил ее в воду. Быстрое течение подхватило лодку и понесло ее вниз по Шайтанке. Через час он подкрепился хлебом с водичей и немедленно приступил к работе.

Несколько часов промывал Николай песок, вытаскивая его из реки лотком за лотком. На этот раз удача как будто сопутствовала ему. Промыл он немного платины, но ее все еще было недостаточно. Если продать, то хватило бы только расплатиться с долгами, которых за зиму у него накопилось не мало.

Постепенно он отъезжал все дальше и дальше от берега, замечая, что количество платины в песке значительно больше, нежели на мелких местах.

Измученный лихорадочной работой и вместе с тем радуясь удаче, которая, наконец-то, пришла ему на помощь, Николай забросил далеко в сторону черняк и, нажи-

мая его, напоял силы, чтобы по-больше захватить песку. Голова у него кружилась от слабости и усталости. С б о л ь ш и м

приветствовали его выздоровление, а легкий ветерок ласкал его исхудавшее лицо. От слабости Николай присел на землю, закрыл глаза, долго сидел, думал о себе, об Аннушке и пришел к решению попытать в последний раз свое счастье, а если опять неудача, — уйти навсегда с Урала. Он скажет об этом Аннушке и, может

трудом тащил он по дну речки черпак и вдруг невольно стало тянуть его. Он напрягал все силы, чтобы вытащить черпак, но что-то держало его. Разгоряченное воображение нарисовало в его голове картину. Там, на дне, его счастье! Он зачерпнул самородок... Во что бы-то ни стало надо вытащить его!.. Недолго размышляя, разделся и бросился в воду. Погружаясь на дно, он думал о самородке, об Аннушке, о своем счастье, которое, наконец-то, в его руках.

Через два дня старатели случайно наткнулись на лодку Николая Неудачника. Они долго искали глазами владельца ее, долго кричали, звали его, но никто не откликнулся. Искали на берегу и, наконец, заподозрив несчастье, решили искать его в воде.

Веревка, спускающаяся с лодки в воду, натолкнула их на мысль вытащить черпак, который, по видимому, прикреплен был к ней. Но все усилия их были напрасны. Тогда один старатель раз-

делился и опустился на дно реки. Недолго охотник пробыл под водой, вскоре вынырнул и взволнованно сказал, что в воде — утопленник. Разделился и второй старатель и вместе с первым опустился на дно. Они обвязали мертвеца веревкой и общими силами, с большим трудом, подтянули утопленника к берегу. Когда Николая вытащили на землю, увидели, что мертвец судорожно сжимал в руках камень, поросший мохом.

Камень этот был самородком платины свыше, чем в двадцать фунтов.

И не знали счастливые старатели, что когда Николай достиг дна и ухватил камень, силы его оставили, и он не мог с полупудовой тяжестью выбраться наверх. Боязнь упустить из своих рук долгожданное счастье и погубила его. Он потерял сознание и так и остался на дне реки, крепко сжимая свое счастье.

НЕ ПОДУМАВ, НЕ ОТВЕЧАЙ!

Редактирует ЗАГАДАЙ-КА

РЕШЕНИЯ.

Задача № 7 (решение—см. № 3).

Чтобы получить из гипса полный шар в цельном виде, делают сначала сплошной шар из воска или парафина, который затем обкладывается гипсовой массой. Когда гипс затвердеет, в нем делают с противоположных концов два узких отверстия, а весь шар погружают в горячую воду такой температурой, при которой внутренний материал плавится (без ущерба для гипса). Когда воск или парафин вытекут, останется полный шар, в котором надо будет заклеймить две дырочки.

Задача № 8 (решение—см. № 3).

Та сумма в 264 рубля, за которую барышник продал лошадь, составляется из двух слагаемых: из числа рублей, заплаченных за лошадь им самим, и из того же числа, помноженного на самого себя и поделенного на 100 (% наживы). Ясно, что второе слагае-

мое может быть целым числом лишь тогда, когда число нажитых процентов (равное себестоимости лошади в рублях) будет оканчиваться нулем (иначе при делении на 100 получится дробь). Значит, первое слагаемое тоже оканчивается нулем. А значит второе слагаемое, дающее в сумме с первым 264, должно иметь последней цифрой 4. Зная, что второе слагаемое есть произведение целого числа на самого себя, можно сказать, что в этом искомом числе последней цифрой будет либо 2, либо 8 ($2 \times 2 = 4$, а $8 \times 8 = 64$). Подбирая для себестоимости лошади 20 р. и 80 р., мы видим, что эти числа не годятся, так как тогда продажной ценой были бы суммы 24 р. и 144 р. А следующее число, оканчивающееся на 2,—подходит верно: $120 + (12 \times 12) = 264$. Значит лошадь была куплена за 120 р.; процент наживы—тоже 12 %.

Задача-шутка № 9 (решение—см. № 3).

Речь идет о 3 родственниках: сын, отец и дед.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИК.

ПИШИ, НО С ТОЛКОМ!

ВСЕМ ПОДПИСЧИНАМ. Мы приветствуем пожелание некоторых любителей головоломок обмениваться здесь с другими читателями собственными задачами такого рода.

Все подобные предложения должны быть оригинальными и не должны требовать для разрешения их специальных познаний. Обращаться с ними в Редакцию надо на отдельных листках, с обязательным сообщением и полных решений. Адресовать надлежит в „ОТДЕЛ ЗАДАЧ“.

Правильные решения задач №№ 7, 8 и 9 приклад П. Б. Горцев и № 9—В. Асатуров.

Неизвестному пассажиру. Ваше решение задачи № 2, написанное где-то с дороги 12 марта с. г., правильное. Но письма от 9/III с другими решениями мы не получили.

Х. Ш. Ф. (Киев). Ваше предположение оправдалось: задача слишком громоздкая. Тем более затрудняемся предложить ее в другое место.

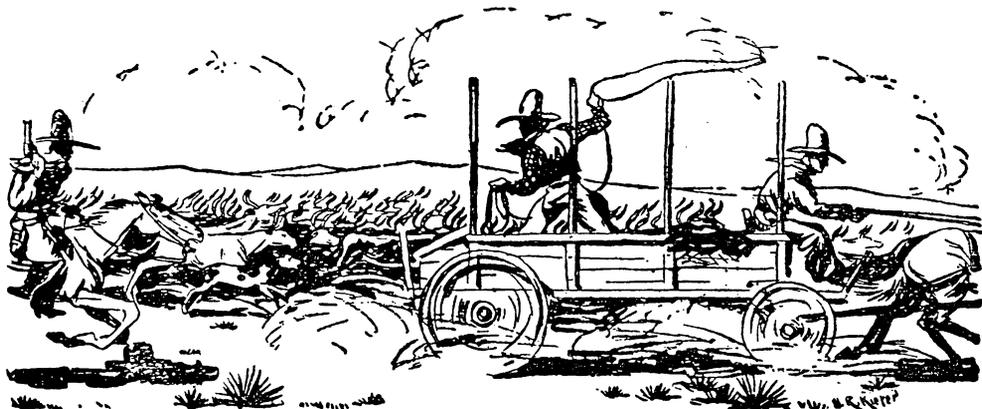
М. С. (Свердловск). Основное условие—давать свое, оригинальное, а не чужое, да еще контрбандой.

И. Садовскому (Иркутск). Задачи, присланные Вами, слишком неизвестны.

Б. А. Манзаревскому (Аргаш). Буквенные задачи интереса не представляют.

А. Серафимович. Задача неинтересна.

Отвечено письмам: Б. А. Макаровскому, Б. Смирнову, В. Семенову.

СРОДНИЛСЯ...

Из жизни ковбоев

Рассказ КЕННЕТА ПЕРКИНСА

1.

Прежде, чем началась стрельба, Джим Кольдвель пел своему стаду. Он был худощавый юноша восемнадцати лет, со спадавшими на лоб черными кудрями, из-за которых смотрели волчьи глаза. В этих глазах был именно тот блеск, который видишь в волчьих глазах, уставленных на огонь.

Он пел громко и нервно, потому что нечто в прозрачном воздухе пустыни говорило ему, что надвигается беда.

Есть сорт людей, которые как-то инстинктивно находят отдельные лица в огромной толпе, — лица, которые они видели прежде, лица, которые почему либо с одного раза запечатлелись в их памяти.

Так же точно есть и сорт людей, которые могут в табуне узнать отдельных лошадей, как узнавали бы людей. Для большинства — лошади табуна похожи одна на другую, как горошины в котелке. Но для иных — лошади — отдельные индивидуумы.

Так же точно есть ковбои, которые знают коров в лицо. Из стада, скажем, в две тысячи коров, такой человек может узнать корову, с которой уже имел дело. Коровы для ковбоя — личности.

Джим Кольдвель, сын старого Бека Кольдвеля и наследник его стада, был именно такой человек. У него был просто феноменальный инстинкт в отношении стада, особое чутье, нечто вроде шестого чувства.

Он запомнил теленка с того момента, как его брали у матери и клеймили. Испуганная морда, выпученные глаза, толстые губы, раскрывшиеся для крика, — все эти подробности отпечатлевались на чувствительной пластинке мозга Джима и он уже не мог забыть этого теленка.

Как я уже говорил, Джим нервно пел стаду как раз перед тем, как случилось

несчастье. Стадо, покорное волшебному голосу, послушно улеглось. Когда последняя, измученная жаждой корова нырнула вперед и неуклюже опустилась на землю, Джим услышал звук выстрела, донесшийся с верхнего конца ущелья.

Джим круто повернул лошадь и помчался мимо стада туда, где раздался выстрел. По соображениям Джима, единственным объяснением этого выстрела могло быть то, что один из ковбоев отда стрелял по бандиту. — Что это ты вздумал коров пугать? — закричал Джим, когда увидел вдали всадника. Но тотчас же вслед за этим он обратил внимание на то, что голова всадника была покрыта высоким остроконечным сомбреро. Это было не сомбреро пастухов его отда.

Когда он натянул поводья, раздался второй выстрел и Джим снова круто повернул лошадь и погнал ее назад.

Его долгом было теперь прежде всего предупредить отда и затем взять у него ружье.

2.

Старик Кольдвель, владелец стада, с другой стороны ущелья, издали, следил за скотом. Он был доволен, что его сын Джим проделал над усталыми коровами свое обычное чудо и заставил их лечь. Старик вернулся затем на песчаное место, где стояла повозка, в которой они жили, и другая повозка — с провиантом и водой.

Он слез с лошади, зажег трубку, сел на круглый камень и предался приятным размышлениям.

В противоположность сыну, предпочитавшему проводить время только со своим стадом, старик не любил одиночества. Когда трое верховых выехали из ущелья и направились к нему — он встретил их радостно.

К нему подъехал маленький человек с головой, напоминавшей череп, слез с лошади и произнес:

— Добрый вечер! Рад встретить кого-нибудь в этом далеком углу земли.

— Рад видеть вас, господа, — приветливо ответил Кольдвель. — Идем ко мне. Будьте как дома.

Приземистый толстяк с бородой, про которую можно сказать, что это большая борода с привязанным к ней человеком, слез с лошади и тоже приблизился.

— Меня зовут Эли Иокем, — сказал человек с лицом черепа, — скажу вам прямо, что мы с товарищами и голодны, и в горле у нас пересохло.

— У меня всего хватит. Идемте ко мне, — повторил старик.

— Хорошее, мясное у вас стадо! — сказал Иокем, когда старик принялся готовить еду.

— Видно, что вы знаток, — с воодушевлением ответил старик. — Верно, и вы скотом торгуете?

— Нет. Мы золотоискатели.

— Ну, так я вам скажу, что вы не найдете золотых приисков, которые забыли бы это стадо. Двадцать долларов голова! Считайте потери и всетаки останется тридцать тысяч — вот в этом стаде, что вы там видите.

Лучше всякого золотого прииска! — сказала большая борода с привязанным к ней человеком.

Старик Кольдвель усердно угощал гостей. Чудесно было иметь собеседников в эту одинокую ночь!

— Вы же не один сторожите стадо? — спросил Иокем.

— Не совсем. Почти все ковбои уехали сегодня на праздник, в двадцати милях к западу. Но нас все таки осталось четверо: я, двое пастухов и мой сын. Что за молодец мой сын! Выростил это стадо, точно своих детей. Поверите ли, раз в бурную ночь проехал двадцать миль с большим теленком! Знаете, он напоминает мне одну старую индианку. Она няньчила, бывало, ребенка на чьей-нибудь ферме, а когда он выросал и ей нужно было с ним проститься, это чуть не убивало ее. Потом она шла на другую ферму и няньчила там ребенка, как своего собственного. Потом, когда и этот выросал, сердце ее просто разрывалось, что ей нужно с ним раставаться. И так было до самой ее смерти. Вот мой сын — совсем, как эта индианка. Он точно усыновляет теленка, пока тот не вырастет, а потом младенцы его кончают тем, что их раскладывают в Чикаго по жестяным банкам. Но у Джима в это время есть уже другие малыши, с которыми он няньчится.

Мистер Иокем протянул руку, но вместо того, чтобы захватить кусок жареной ветчины, воткнул вилку в руку старика Кольдвеля.

Старик с криком боли выронил сковородку, в то же время дуло ружья коснулось его ребер.

— Вот это мясо на тридцать тысяч долларов отправится на юг, мистер. — произнес Иокем, и кожа на его лице сморщилась от усмешки, — через границу, и еще подалее..

3.

Когда Джим прискакал к отцу за ружьем, он нашел старика связанным и лежащим на земле.

Джим соскочил с лошади, но в то же мгновение на него кинулся какой-то человек и связал его назад руки. Из ущелья вслед за Джимом выезжали три всадника в остроконечных сомбреро.

— Мы нашли еще только двоих пастухов, — заявил один из них. — Мы связали их и заткнули им глотки.

— Сейчас погоним стадо через горы, — сказал Иокем.

— Через горы?! — воскликнул Джим.

— Через горы и еще дальше! — засмеялся бородатый человек. — Придется убить этих четырех людей. Тогда никто не хватится стада до завтрашнего утра, а там мы уже будем далеко.

— Нам не поможет, если мы их убьем, — ответил Иокем. — На следующее утро нас все равно найдут по пыли, которую поднимет стадо.

— Старик, — обратился он к отцу Джима, — мы забираем стадо, лошадей и повозку. Ты останешься здесь на месте два дня, понял? Никому не позволяй ехать следом за нами. И когда завтра, вернутся твои ковбои, ты и их не пускай. А чтобы ты исполнил все так, как я говорю, мы возьмем с тебя залог.

Он кивнул головой на Джима.

— Вы увозите с собой моего сына? — вскрикнул старик. — Если вы его тронете...

— О, мы не тронем его, мистер. Если вы сдержите ваше слово, он вернется к вам цел и невредим. Когда мы перевалим хребет, мы оглянемся и, если не будет преследования.. тогда сын вернется к тебе.

Кольдвель смотрел на юношу и при свете луны видел выражение радости на лице Джима. Он, казалось, был бесконечно счастлив, что эти разбойники не разлучат его с его телятами. Он будет возле них, когда их погонят по этой ужасной безводной равнине.

Кольдвель перевел взгляд на стадо; это стадо в котловине было результатом многих тяжелых лет. Все его состояние было в этом скоте. И одним ударом будет все потеряно. Но что это по сравнению с жизнью его сына?

— Берите, берите все! — закричал старик. — Кто вам мешает? Не я во всяком случае! Но если что-нибудь случится с моим сыном...

— Решено, — сказал Иокем. — Садитесь на лошадей и оставьте здесь старика. А мальчишку сажайте в повозку и двигаемся. Гоните эти окорока в Мексикку!

4.

Джим лежал в повозке со связанными руками и смотрел, как бандиты гнали его стадо вверх по горе. Это была ночь ужаса не только для Джима, но и для всего измененного стада. На Джима начала напа-

дать ярость, когда он увидел, как гнали эти люди его коров. Подъем становился все круче, а бандиты подгоняли скот жестокими ударами. Грабители старались все время держать стадо скученным, не давали ему растягиваться. Быки стучались рогами, а коровы металась в страхе, боясь, что телята будут растоптаны надвигающейся лавиной скота.

Джим не мог дольше вынести этого мучительства и крикнул человеку, правившему повозкой.

— Эй, послушай! Вы не умеете обращаться со скотом. Так нельзя их гнать!

Возница усмехнулся:

— Мы, по-твоему, слишком торопимся в Мексикку, а? — кинул он. — Ну, хорошо, я скажу начальнику, что это тебе не по праву.

Он хлестнул лошадей и заставил их еще быстрее бежать по скалистой дороге.

Джим не сказал больше ни слова. Все тело его болело от неудобного положения, а каждый удар хлыста по бокам лошадей и коров болью отдавался в его сердце.

Поднялось солнце. Стадо гнали с перевала вниз по обрывистой тропинке — самое трудное путешествие для лошади и коровы.

Когда спустились вниз, в безводную равнину, отделяющую хребет Большой Рог от мексиканских Сонорских гор, и люди, и скот были в лихорадке усталости и жажды.

Предводитель остановил свою лошадь и приказал привести к нему Джима. Юноше развязали руки. Он стоял с почерневшими от застоя крови руками, с горящими ненавистью глазами. Взгляд этот, казалось, сулил мечь за каждого теленка, которого бросили умирать у дороги, за каждый удар хлыстом, рассекавший шкуру коровы.

— Эй, ты, приготовь нам поест. Разложи костер из сухой травы. Только не подходи к лошадям, если не хочешь, чтобы тебя подстрелили в спину.

Джим молча принялся за работу. Он приготовил еду, накормил бандитов и потом стал чистить посуду. Только теперь, когда

стали собираться в дальнейший путь, Джим заговорил:

— Нельзя так гнать стадо и не поить его. Я знаю недалеко отсюда колодец.

Иокем схватил свой длинный хлыст и, размахнувшись, как змеей обвил им голову Джима. Юноша беспомощно упал на землю.

— Ты, может быть, и теперь еще хочешь командовать нами? — сухая кожа черепа растянулась в усмешке, — брось его в повозку, Хико.

Все кружилось перед глазами Джима. Множество сверкающих солнц сияли ему прямо в глаза, жгли и сушили его окровавленное лицо.

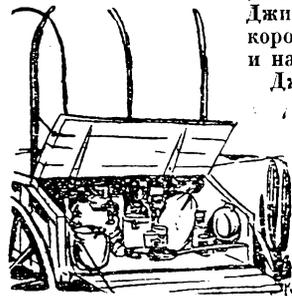
— Надо напоить стадо, — слабо выкрикнул он, — напоите, не то вам же хуже будет.

Его подняли и швырнули в повозку. Кастрюли и сковородки полетели вслед за ним.

Началась вторая часть пути — высушенная зноем равнина.

— Слушай, ты, принимайся-ка за работу! — крикнул Джиму его возница. — Чего ты сидишь, да глаза душишь!

Джим принялся чистить нескую посуду и укладывать ее в ящик. В задней части повозки сложена была провизия и вот среди этой-то провизии Джим наткнулся на коробку с патронами и на спички.

Джим быстро схватил свою находку. Да, но у него не было ружья! Всю остальную часть дня голова Джима была занята одной мыслью. Как

ему покончить с разбойниками и вернуть свое стадо с помощью одних только патронов без ружья? Патроны без ружья!.. И вдруг мысль осенила его...

5.

Стадо катилось вперед. Безводная равнина с дюнами, точно морские волны. Джима кидало в повозке из стороны в сторону. Голова его бешено работала. Восемь человек, две тысячи коров, облако пыли, коробка с патронами, непрестанный топот копыт и шум стукавшихся одни о другие рогов... Джим смотрел на темные силуэты животных, как человек, идущий в толпе друзей.

6.

На эту ночь стадо загнали в ущелье. Только один человек знал, что во время длинного пути через выжженную равнину на скот напало особого рода бешенство, и человек этот был Джим.

— Что вы хотите с ними делать в этом ущелье? — спросил он. — Вы думаете, что

можете их здесь поставить на отдых? Да вы с ума сошли! Они ни за что не лягут.

Джим видел, как быки махали хвостами и опускали рога. Два самых неукротимых быка высунули языки и шли неверным шагом. Страх за телят все еще преобладал над всеми чувствами Джима и он заявил своему вознице:

— Выделите из стада коров с телятами. Это поможет вам уложить их на ночь.

Хико сам понимал трудность справиться с измученным скотом.

— Выделите коров из стада, начальник. — сказал он Иокему. — Эти коровы беспокоят стадо.

Иокем принял это предложение. Он уже чувствовал себя победителем. Еще день — и они будут по ту сторону границы. Спутники его благодумствовали. Их крики и песни казались странным контрастом с тихим, зловеющим ворчаньем стада в ущелье.

Люди чувствовали себя счастливыми и свободными, но в ущелье две тысячи животных беспокойно топтались, точно искали спасения от охватывавшего их стадного безумия.

Только один Джим знал нрав этого стада. Он знал, что что-то должно случиться. Лучше было бы, если бы эти грабители понимали, что их крики только еще больше возбуждают животных. Но Джим ничего не говорил. Он сидел с каменным лицом идола и усердно чистил песком посуду.

Наконец до Джима донесся звук, опасность которого знал он один. Это была стадия безумия животных, которую владельцы стад называют «ворчаньем».

Джим не двинулся и только окинул взглядом местность. Костер горел, с одной стороны ущелья скрытый скалой. Повозка стояла шагах в пятидесяти от костра в пересохшем русле реки. Неподалеку были привязаны лошади. Несколько мужчин лежали на земле, закутанные в одеяла. Двое других разбегались верхом вокруг стада.

Иокем, предводитель, медленно ходил взад и вперед, следя взглядом за Джимом.

Вдруг, когда ворчанье стада стало громче, Иокем направился к Джиму. В эту минуту Джим вскочил на ноги и изо всех сил бросил сковороду о камни.

Звук раздался так резко, что лежавшие на земле мужчины вскочили. Иокем бросился на Джима, но Джим выхватил из кармана свое оружие.

Это была коробка с патронами. Бросил ее Джим не в человека, а в огонь. Хлоп! Хлоп! Хлоп! — звучали выстрелы. Стреляли не ружья. Выстрелы потонули в заключи-

тельном ужасающем взрыве. Точно в огонь швырнули скалу! Все это произошло меньше, чем в минуту. Никто из людей не мог опомниться и сообщить, что за дьявол овладел этим лагерным костром.

Тотчас же вслед за взрывом раздался громовый бег стада. Лошади сорвались и бросились в стороны. В то же мгновение стадо, представляющее собой широкую живую стену громовых копыт и опущенных рогатых голов, ворвалось в узкий промежуток речного русла, где стояла повозка. В этот короткий миг общей паники, люди кинулись к лошадям. Одному из людей удалось поймать лошадь, но она отбросила его и он слетел прямо под мчавшуюся живую стену. Вот еще двух других настигло обезумевшее стадо. Иокем кинулся к повозке, но он никогда не добрался до нее.

Гигантский бык впереди стада подхватил Иокема на рога. Бык отшвырнул человека в сторону и над ним прокатилась лавина копыт и пыли.

Только один человек был готов к тому, что произошло. Этот человек — был Джим. У него было преимущество того короткого момента паники, который погубил других. Он уже много часов следил за нарастающим волнением стада. Он знал, что страшный конец неизбежен. Безжалостная гонка в зной по тяжелой скалистой дороге, муки жажды, нежелание стада укладываться на ночь, потом топтание животных на месте и, наконец, последний шаг — «ворчанье».

И в психологический момент, когда «ворчанье» прекратилось, и животные напряженно ждали малейшего необычного звука, Кольдвелл бросил в огонь патроны. Но до этого он уже заранее нашел себе место, где бы он мог спастись от обезумевшего стада. Он прыгнет в повозку, которая во всяком случае не убежит от него, как лошади.

Он очутился в повозке как раз во время. Один бык смял мимоходом бок повозки, другой сорвал колесо. За ними мчались другие, наклонив головы и ничего не вида перед собой от ярости.

Джим сидел, крепко ухватившись руками. Его швыряло из стороны в сторону, как моряка в бурю. Быки топтали друг друга, перепрыгивали один через другого. Гигантские тела стучались о стенки старой, расшатанной повозки.

Джим видел, как затоптали быки троих людей. Видел, как отшвырнули могучие рога тело Иокема.

Большая часть стада уже промчалась мимо. Старая разбитая повозка, на которую всей тяжестью надавили бежавшие за быками коровы, перевернулась.

Джим лежал в полном мраке; его оглушал гром копыт, душила пыль. Потом постепенно грохот затих, лавина стада прокатилась дальше в открытую равнину. Джим медленно выполз на свет.

7.

Далеко, в северной части выжженной равнины, человек двенадцать прятался в скалистом ущелье.

Старик Кольдвель собрал своих пастухов и ждал теперь в этих горах. Они с раннего утра пробирались через хребет и теперь уже спускались в равнину. Вся равнина была у них перед глазами.

— Он подаст нам знак, — говорил старик. — Два огня будет, если ему удастся бежать. Три, — если ему понадобится помощь. Это у нас всегда так было установлено.

Теперь орлиные глаза старика увидели вдали крошечную точку света.

— Огонь... вон там! Он подает нам знак, — закричал старик.

— Это они просто варят себе ужин, — скептически возразил один из ковбоев.

Но старик знал, что бандиты не зажгут огня так, чтобы он был виден издали.

— А вот и другой! — восторженно крикнул он. — А теперь три! Мальчик подает нам знак. Только я не могу понять...

— Да, видите, — закричал один из ковбоев, — огонь то тухнет, то опять загорается. Это он нам говорит про стадо. Это значит, что стадо разбежалось. Да разве это возможно? Не мог же он убить всех бандитов? — засмеялся пастух.

— Все равно, ему нужна наша помощь, и помощь будет.

В следующее мгновение все двенадцать человек мчались верхом по сухому руслу реки через пустынную равнину.

К полуночи, когда была сделана уже половина пути, всадники встретили, как они думали, диких лошадей. Но вскоре они узнали своих лошадей, угнанных бандитами.

— Случилось что-то непонятное, — бормотал старик.

Немного позднее им попалось навстречу несколько быков. Животные медленно плелись, измученные, обессиленные.

Еще коровы, еще и еще. Дальше равнина была вся усеяна скотом, точно пастбище.

Люди въехали в ущелье. Луна ярко выбелила все кругом. Вот перевернутая повозка, а там, на скале, — три костра.

Старик Кольдвель в страхе побежал к кострам, но в то же мгновение услышал:

— Я тут, отец.

Джим Кольдвель оставил раненого теленка, за которым ухаживал, и подбежал к отцу.

— Разбойники... воры... где ови все? — задыхаясь, крикнул старик.

— Трое вон там, — юноша указал на какие-то бесформенные массы на земле. — А пятеро взяты в плен.

— Кто же их взял в плен? — спросил в недоумении старик.

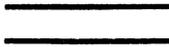
— Да, собственно говоря, их взяло в плен стадо. Трех я нашел с перебитыми костями в русле реки. Потом еще одного нашел. Ему тоже не до того, чтобы драться. А двое еще приехали верхом искать своих товарищей. Ну, так их-то я просто связал.

— А как же стадо?

— Стадо разбежалось. Я знал, что это случится. Только я заставил их разбежаться-то во время. Да и телят убрал у них с дороги.

— Ну, я знал, что ты хорошая нянька для стада, — сказал, улыбаясь, отец, — знал, что ты их и спать уложишь, и песенку им споешь. только не знал, что ковбой может поднять в стаде бунт, когда захочет. Теперь, братцы, давайте поспрадуем. Оставили же нам грабители какую-нибудь еду...

— Оставили, — сказал Джим, — в повозке найдется еще провизия. Только уж готовьте сами ужин, я до смерти устал, да и за теленком мне нужно походить. Это, ведь, тоже мой друг.

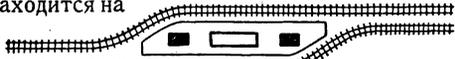
Редактирует ЗАГАДАЙ-КА

ЗАДАЧИ ВНЕ КОНКУРСА.

Чей план?

Задача № 16.

Изображенный здесь план представляет собой железнодорожный разъезд. Если бы была уверенность в том, что этот разъезд находится на

территории СССР, то всякий сказал бы, что нижний путь (по чертежу) служит для движения слева направо, а верхний путь — наоборот — для движения справа влево. Почему? Да просто потому, что таковы наши обычные железнодорожные правила: поезда ходят по правой колее (в направлении движения).

Но в некоторых странах Западной Европы поезда ходят по левой колее. И вот при полном отсутствии на данном плане каких-либо иных указаний, надо все же выяснить, принадлежит ли он стране с нашими или с другими правилами железнодорожного движения. Иначе говоря: как ходят поезда, например, по верхнему пути разъезда?

Пойманный вор.

Задача № 17.

Голодной зимой в эпоху гражданской войны на одном из ленинградских заводов было обращено внимание на участившиеся случаи хищения с завода некоторых предметов производства и материалов. После длинных обсуждений мер борьбы с этим явлением, заводоуправление совместно с заводком пришло к решению осматривать и при необходимости обыскивать уходящих с завода в проходной контроле. Но при большом числе рабочих, — свыше 1.000 человек, — поголовный досмотр требовал слишком много времени, и потому было решено подвергать этой вынужденной неприятности лишь некоторых. А чтобы устранить всякую возможность пререканий на этой почве, остановились на следующем способе.

У ворот ставилась своего рода закрытая урна, наполненная шариками совершенно одинаковыми по размеру и по весу, но разной окраски — белой и черной. Каждый выходящий опускал руку в урну, брал оттуда один шарик (конечно, не имея возможности видеть, какой именно он берет), и передавал его стоящему рядом коменданту. Каждый, вынимавший белый шарик, пропускался свободно, а люди с черными шариками подвергались досмотру.

И вот однажды произошел такой случай. Один из выходящих, вынув белый шарик направился было дальше, но комендант задержал его и потребовал досмотра. Товарищи кругом запротестовали, справедливо указывая что это нарушает принятый порядок, и является произволом. Но комен-

дант настаивал на своем, утверждая, что остановленный им имеет при себе похищенные вещи; все протестовавшие были приглашены по желанию — присутствовать при досмотре.

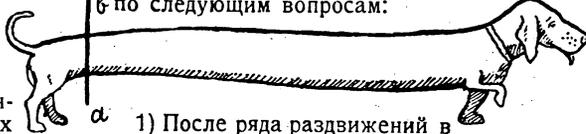
И действительно: обыск обнаружил у задержанного тайно спрятанные предметы заводского имущества.

Скажите, какой величины рациональнее всего сделать шарики для описанной процедуры? И объясните, как комендант обнаружил похитителя с такой уверенностью? Не имея о нем, как о человеке, решительно никаких сведений?

Раздвижной таксик.

Задача № 18.

Изображенный здесь такс должен быть разрезан по линии ab , и обе неравные половинки его надо потом сдвинуть и раздвигать еще больше, сохраняя эскизный вид собачки. При этом предлагается выяснить и дать индивидуальные ответы по следующим вопросам:

1) После ряда раздвижений в обе стороны определите такое положение, при котором такс покажется вам наиболее нормальным. Производит ли собачка в таком виде комичное впечатление?

2) Многократно сдвигая затем части, надо зафиксировать то их положение, при котором укороченный относительно нормы таксик будет казаться наиболее комичным. Или, может быть, комический элемент тут вообще отсутствует?

3) Поступая точно также в другом направлении, определите то положение, когда удлинненный против нормы таксик представится вам наиболее комичным. Или и здесь вы не усмотрите ничего смешного.

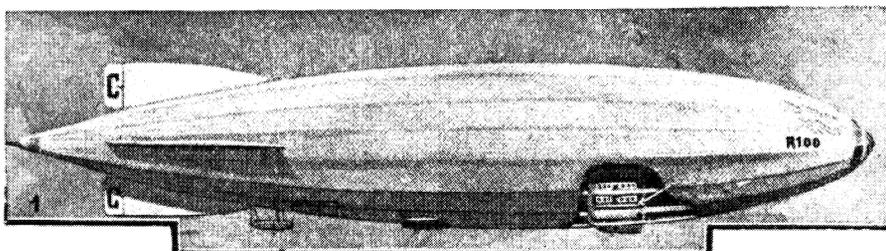
4) В каком виде собачка производит более комичное впечатление: в укороченном (вопрос 2-й) или в растянутом (вопрос 3-й) состоянии?

5) Есть ли что комичное в собачке при самом сдвигании и раздвигании ее половинок? И если есть, то при каком из этих двух процессов ощущается более комичное впечатление?

6) Не было ли у вас при производстве этого опыта каких-либо других впечатлений, заслуживающих быть отмеченными.

Предлагая принять участие в проработке этих психологических вопросов, редакция намерена опубликовать сдочку всех ответов в № 7 (адресовать надо в «Отдел загадоч»). Каждое положение фигуры предлагается определить длиной туловища собачки (в миллиметрах) от груди до конца хвоста.

НОВАЯ ЭРА ВОЗДУХОПЛАВАНИЯ ГИГАНТСКИЕ ВОЗДУШНЫЕ КОРАБЛИ

Еще недавно мы с удивлением смотрели на иллюстрации пятиэтажных, великолепно оборудованных океанских судов. Их изображения заманчиво пестрели на страницах иностранных журналов и в тысячах реклам по всему свету.

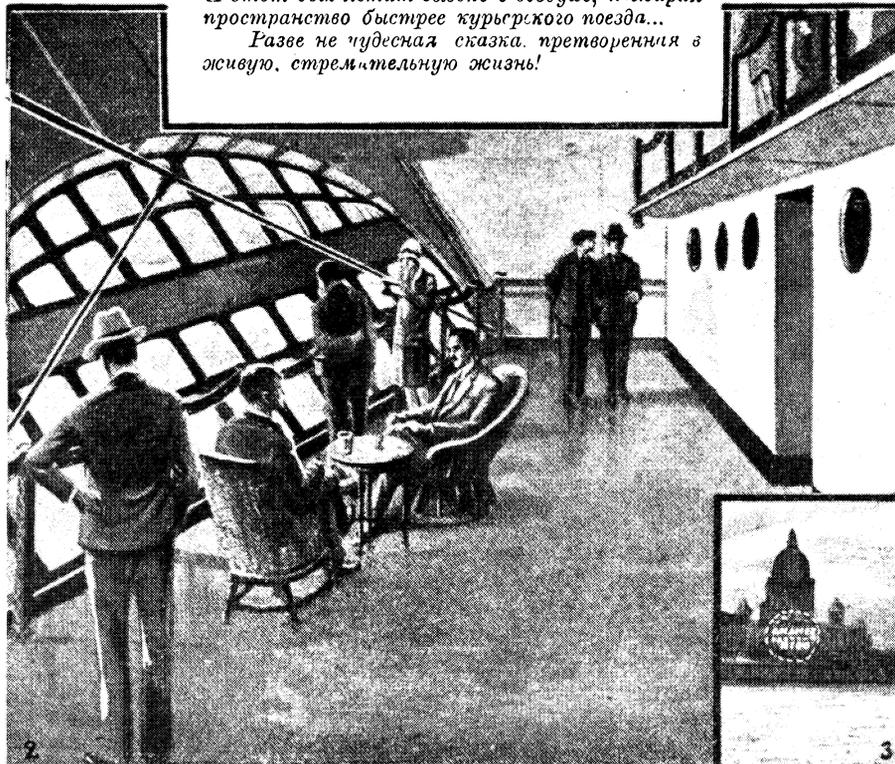
Теперь настала новая эра. Водяные корабли уступают место воздушным гигантам. Первый из них наступающим летом должен уже совершить свой грандиозный надбюкееанский рейс. Почти все иностранные научные журналы только что и одновременно дали те рисунки, которые мы здесь воспроизводим. Очевидно, английское правительство лишь теперь, накануне окончания судна, и в однообразной форме разрешило познакомиться мир с величайшим достижением воздухоплавания.

Статья популярнейшего в СССР ученого, профессора Н. А. Рынина, печатаемая ниже, выясняет громадное политическое и общественно-экономическое значение строящихся в Англии настоящих воздушных кораблей. Рисунки же дают простор фантазии и воображению и еще раз подчеркивают мощь человеческого гения и торжество техники.

Представьте себе трехэтажный дом, да еще с мансардой, только не сверху, а снизу—комфортабельный дом, где удобно и уютно разместились 110 человек.

И этот дом летит высоко в воздухе, пожирая пространство быстрее курьерского поезда...

Разве не чудесная сказка, превращения в живую, стремительную жизнь!

1. Дирижабль R100. 2. Палуба для прогулок пассажиров. 3. Сравнение R100 с Исаакиевским собором в Ленинграде (диаметр дирижабля вписан пунктиром).

Статья проф. Н. А. РЫНИНА

АНГЛИЯ БОЛЕЕ НЕ ОСТРОВ. Мое пребывание летом 1909 года в Англии совпало со знаменитым перелетом Луи Блерио на аэроплане из Баррак (Калэ) в Дувр через Ламанш. Трудно описать то грандиозное впечатление, которое произвел тогда этот перелет, совершенный между Францией и Англией в продолжение 1 часа 55 минут на аэроплане с мотором в 22 силы, Восторг охватил обе нации. Однако, к ликованиям англичан примешивалось и другое чувство, именно, недоумение, которое отчетливо выразилось в крупных плакатах, извещавших о победе Блерио:

«Англия более не остров».

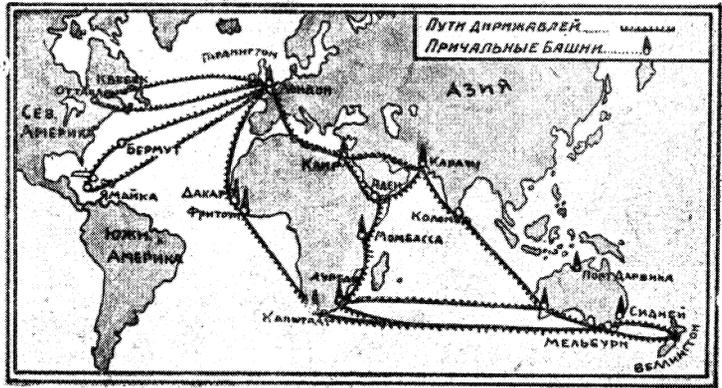
Действительно, с этих пор Англия более не отделена от континента морем, но соединена с ним воздухом, и ее могущественный морской флот, который всегда был готов защищать ее от континентальных врагов, становится беспомощным при нападении на нее сверху.

Недоумение, о котором я только что упомянул, скоро превратилось в опасение, опасение все росло с 1909 года, и мировая война показала, что это опасение имело вполне реальное основание, когда германские дирижабли и аэропланы забрасывали бомбами Лондон и другие города.

«АНГЛИЯ, ВЛАСТВУЙ НАД ВОЗДУХОМ!» Прежний девиз — «Англия, властвуй над морями» — уступает место другому: «Англия, властвуй над воздухом». В сознание народа проникает мысль о необходимости защиты от воздушных неприятелей, и, начиная с мировой войны до настоящего времени, Англия неуклонно проводит политику создания могущественного воздушного флота. Она развивает как военную и гражданскую авиацию, так и воздухоплавание. Лихорадочно строит все новые и новые типы аэропланов, устраивает воздушные состязания, организует ряд аэроклубов, прокладывает так называемые «имперские воздушные линии», связывающие ее при помощи аэропланов с доминионами — с Африкой, Ираком, Индией и Австралией. Политические соображения заставляют ее по возможности избегать остановок при перелетах в чужих территориях. Поэтому возник вопрос о постройке новых воздушных кораблей, легче в воздухе, именно дирижаблей, которые могли бы без спуска и кривать расстояния, отделяющие колонии от метрополии, и перевозить значительный груз. С момента образования в Англии специального воздушного министер-

ства и с назначением Хора воздушным министром, Англия приступила к организации новых воздушных линий на дирижаблях. Эти линии свяжут ее с Канадой, с Вост-Индией, с Африкой, Индией и Австралией. Уже почти закончено оборудование баз в Египте и Карачи и срочно строится база в Канаде. Для полетов же вдоль этих линий как над континентами, так и через Атлантический океан, в Англии заканчиваются постройкой два больших дирижабля, названные «R100» и «R101».

НОВЫЕ ДИРИЖАБЛИ АНГЛИИ. Один из дирижаблей, «R100», строится частной компанией, другой — самим правительством. Оба дирижабля жесткой системы (тип цеппелина). Объем каждого 142 000 куб. м, диаметр — 39.62 м, мощность двигателей

6 моторов по 400 сил, всего 4 200 сил. Длина — R100 — 216 м, а R101 — 222,5 м. Ожидаемая максимальная скорость первого 132 км в час, при неполной работе моторов скорость будет 120 км и дальность полета 6400 км в течение 50 часов, при нагрузке: 100 человек пассажиров, 10 тонн груза и 40 человек команды. Полный вес корабля 156 т. Такие же результаты ожидаются компанией, строящей R100, хотя по контракту она должна дать максимальную скорость на высоте 1 500 м лишь 112,6 км в час, а среднюю (навыгоднейшую) — 101 км в час. На дирижабле R100 установлено 6 моторов Рольс-Ройс «кондор». На другом же дирижабле возможна установка и нефтяных двигателей. Кроме того предвидено добывание воды из отработанных газов для пополнения веса от убыли горючего. А это помогает сохранять газ в баллонах, поддерживающих корабль в воздухе. R100 строится из сплава дуралюмина, R101 из стали.

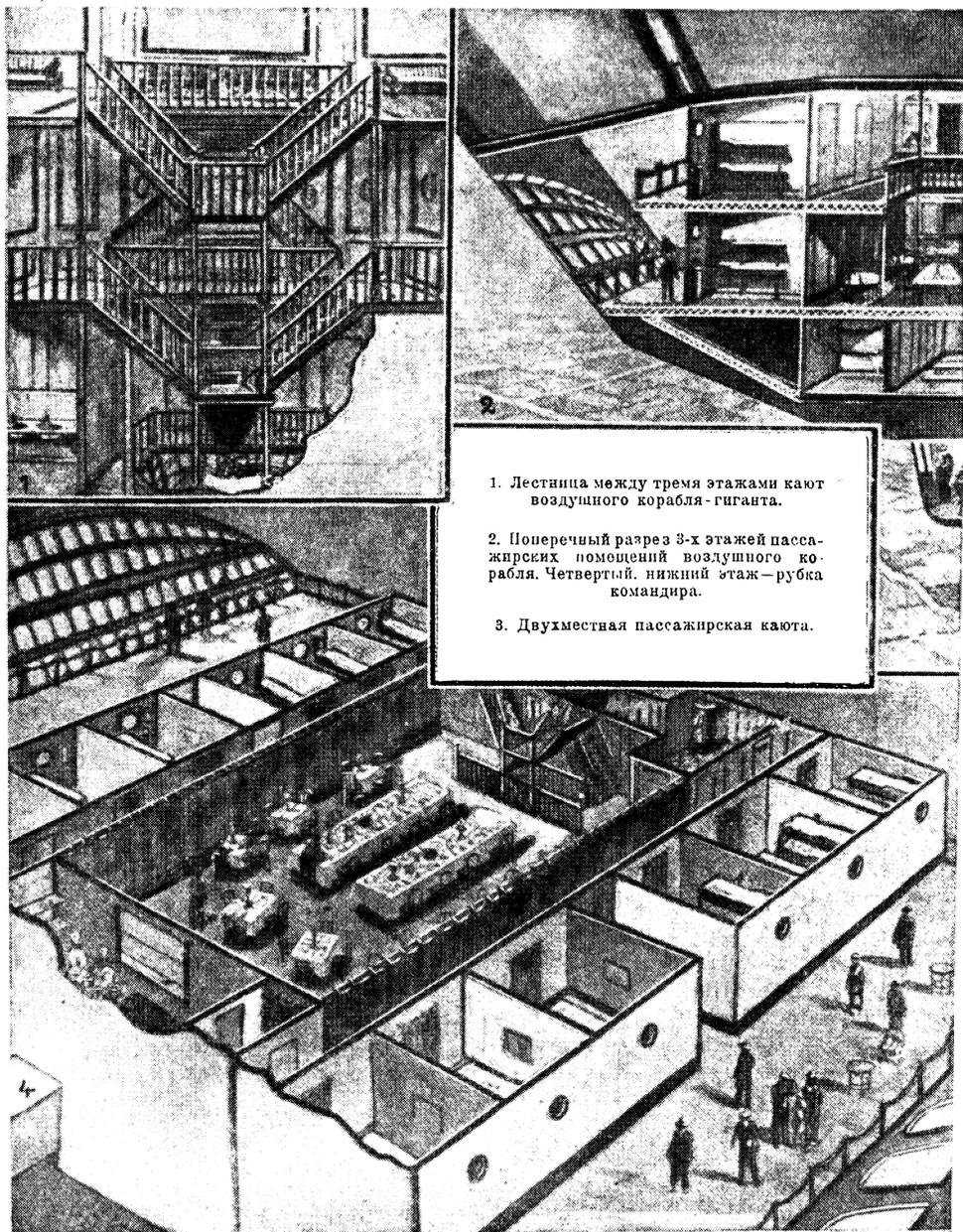
Так как R100 заканчивается уже постройкой, то намечен его испытательный полет из Англии в Канаду, Монреаль, для того, чтобы выяснить возможность регулярного воздушного сообщения между этими странами, с целью перевозки пассажиров

и почты. Предполагается взять 73 т полезного груза, из которых 30 т составляет горючее.

Пассажирские помещения занимают 3 этажа внизу дирижабля. В нижнем этаже находятся каюты и столовая команда, в среднем и верхнем—каюты, столовая, балконы для пассажиров. Этажи соединены лестницами с двойными маршами. Кроме того здесь же размещены: кухня, кладовые и уборные.

В среднем этаже, по обеим сторонам, имеются две палубы для прогулок по 11 м длиной и 5,2 м шириной, с громад-

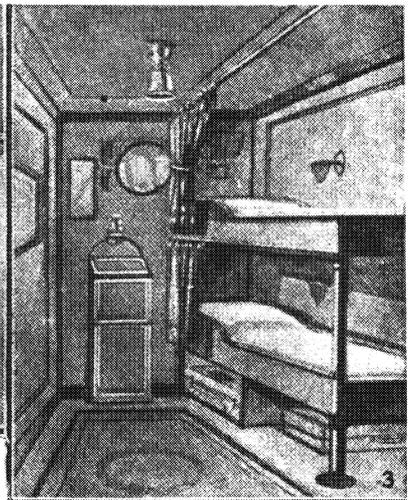
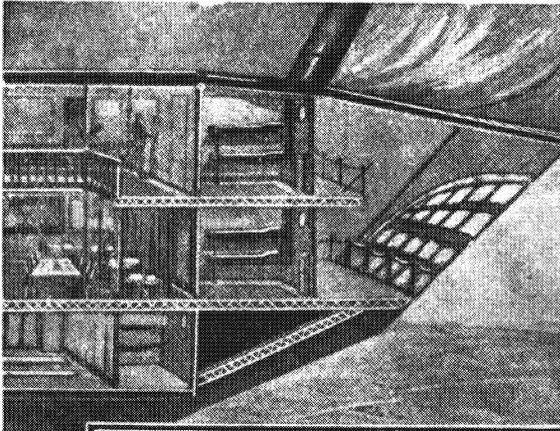
ными окнами. В столовой могут одновременно помещаться 50 человек. Каюты устроены двух- и четырехместные. Все помещения освещаются электричеством. Каюты, расположенные в среднем и верхнем этажах, рассчитаны на 100 человек. В верхнем этаже имеются два балкона и курительная комната. Кухня и все помещения отапливаются электричеством. Плата за перелет намечена в 400 долларов (800 руб.). Однако, когда установится и разовьется сообщение, надеются снизить ее до 500 руб. за перелет из Лондона в Нью-Йорк в течение около 48 часов.

В практике воздушных сообщений имели место уже два удачных перелета дирижаблей через Атлантический океан: один — в 1920 году на дирижабле R34 из Англии в Нью-Йорк и обратно и другой — в 1925 году на дирижабле L. Z.126 (Лос-Анжелос) из Германии в Северо-Американские Соединенные Штаты.

ПУТЕВОЕ ОБОРУДОВАНИЕ. Для возможности полетов новых дирижаблей вдоль намеченных воздушных линий отчасти построены, отчасти строятся соответствующие воздушные порты, оборудованные всем необходимым. В некоторых из них

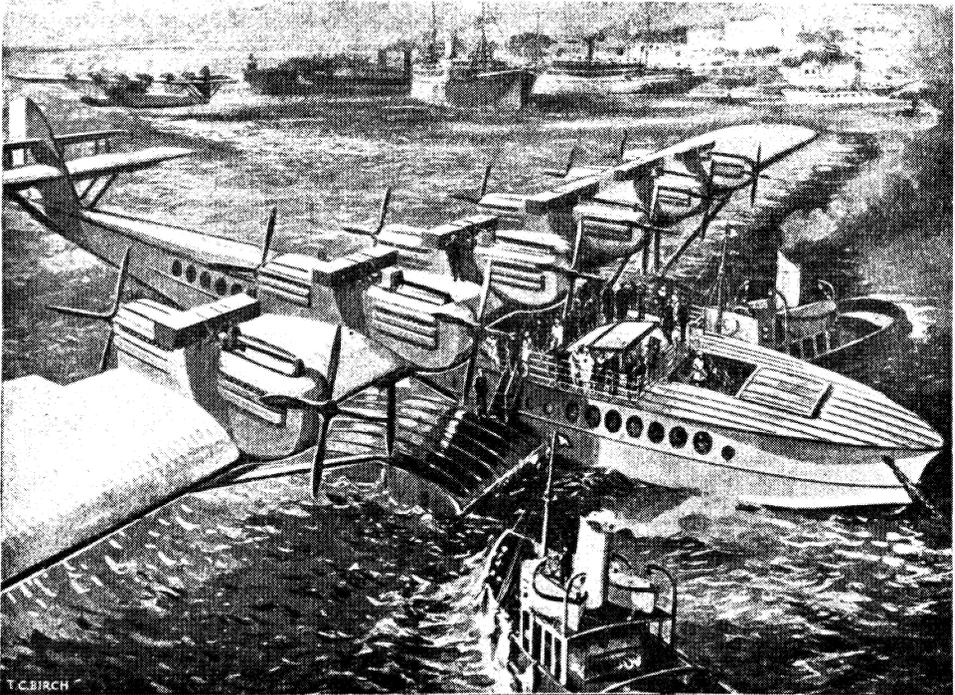
имеются эллинги, в других — причальные башни, к которым будут приставать дирижабли для кратковременной стоянки. Подобные мачты построены в Кардингтоне (Англия), в Измаилии (Египет) и строятся в Канаде (Монтреаль). Эллинги же имеются в Англии и в Карачи. Особенное внимание обращено на организацию служб радио и метеорологической для того, чтобы во все время полета дирижабли могли иметь необходимые сведения о погоде. Дальнейший план развития воздушных сообщений в Англии на дирижаблях предвидит следующие полеты, которые дают большое сокра-

4. Перспективный вид главного этажа пассажирских помещений. — Слева видны палубы для прогулок. За ними каюты. Посредине — столовая. В глубине столовой видна лестница в другие этажи. За лестницей дамская комната и уборные; с противоположной стороны буфет, кладовая и служебный лифт.

5. Столовая. В глубине ее видна кухня.

щение времени, как это видно из очень интересной таблицы:

МАРШРУТ	Продолжительность в днях		Сокращение в днях
	Пароход	Дирижабль	
Англия: Египет	6	2½	3½
" Бомбей	15	5	10
" Перт	28	11	17
" Южная Африка	20	6½	13½
" Австралия	—	10½	—
" Канада	6	2½	3½
Австралия: Новая Зеландия	6	1½	4½
" Капштадт—Англия—Канада	48	15¾	32¼
Индия: Австралия	22	6½	15½
" Англия—Канада	24	9	15

ОПАСЕНИЯ АНГЛИИ и стремление ее иметь могущественный воздушный флот далеко не лишены основания, так как ее ближайшие соседи неуклонно увеличивают свои воздушные силы, примером чего может служить деятельность хотя бы нейтральной страны—Швейцарии.

В последнее время в различных иностранных журналах появились сообщения о гигантском аэроплане, который строится фирмой Дорнье в Швейцарии, в мастерских на Константском озере. Мы воспроизводим рисунок художника, дающий общее впечатление этого будущего воздушного корабля, в постройку которого, повидимому, вложены немецкие капиталы.

Это тип, называемый летающей лодкой, похожий уже на выстроенные и летающие аэропланы той же фирмы. Спуск его на воду ожидается к концу этого года. Размах крыльев аэроплана—48 м, полный вес в полете—44 т. Двигается он силою тяги 12 пронеллеров, приводимых во вращение 12 моторами по 500 сил каждый. Команда его состоит из 9 человек: два пилота, навигатор, два радиотелеграфиста, два механика и 2 служителя. Число сидячих и спальных мест рассчитано на 50 пассажиров. Имеется столовая и уборная.

Назначение корабля—совершать перелеты через Атлантический океан.

Н. Рынин.